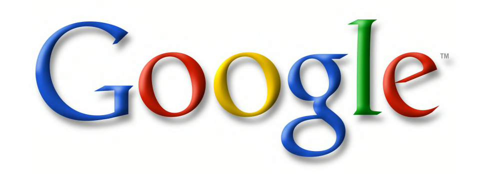
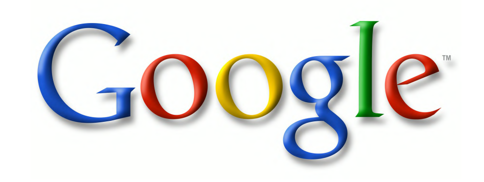

А. Верещагинъ

Въ Китаѣ.

Воспоминанія и разсказы

1901—1902 гг.

Съ рисунками и портретами.

Издалъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

1903.

Vereshchagin, A. V.

А. Верещагинъ

Въ Китаѣ.

Воспоминанія и разсказы.

1901—1902 гг.

Съ рисунками и портретами.

Издалъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній.

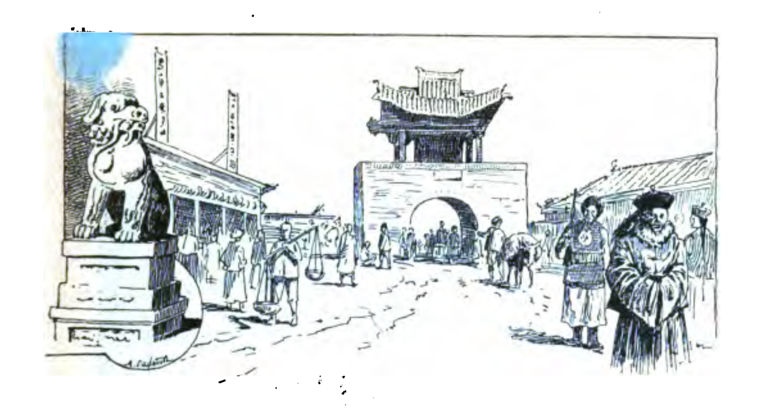
С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

1903.

1539.

Дозволено цензурою. Спб., 22 марта 1903 г.
Типографія Э. Арнгольда, Литейный 59.

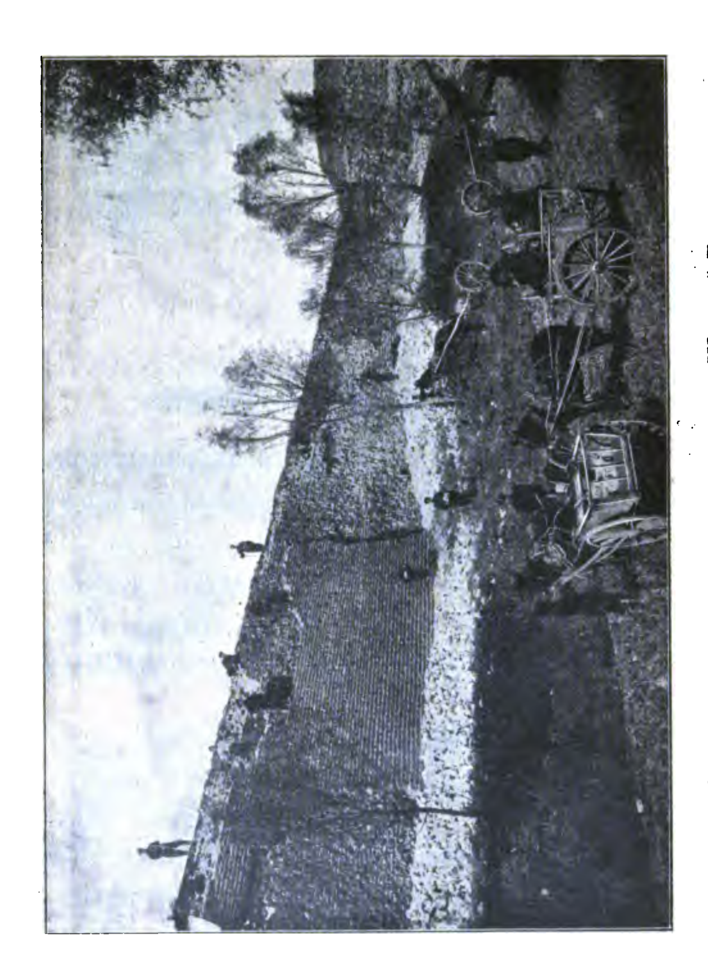

I.

Нѣсколько словъ о Китаѣ и китайцахъ.

17-го мая 1901 года я вернулся изъ Манчжуріи, а 17-го октября того же года уже вторично ѣхалъ въ Китай. Меня влекла туда не простая страсть къ путешествію. Нѣтъ, я неудержимо стремился побывать въ самомъ Китаѣ, въ особенности въ Пекинѣ, Мукденѣ, пожить съ китайцами и поближе познакомиться съ ними.

Меня всегда поражала мысль, когда, бывало, вспомнишь, что вѣдь сколько жило въ древности народовъ на свѣтѣ: Египтяне, Вавилоняне, Ассиріяне, Финикіяне и разные другіе, и что отъ нихъ осталось? Мы узнаемъ объ ихъ исторіи лишь по разнымъ предметамъ: развалинамъ дворцовъ и храмовъ, по ихъ живописи, текстамъ и рисункамъ на стѣнахъ, статуямъ, камнямъ, папирусамъ, монетамъ, остаткамъ одеждъ, мебели, вазамъ, сосудамъ, оружію и т. д. Китай же

«За кирпичемъ». Великая стѣна у Шанхай-Гуаня.

не менѣе древенъ, какъ эти народы, а между тѣмъ, не только не уничтожился и не ослабѣлъ, а наоборотъ,—онъ все растетъ, богатѣетъ и становится могущественнѣе. Читая эти послѣднія слова, другой, пожалуй, и улыбнется. Скажетъ,—гдѣ же это могущество? А я скажу: да! дѣйствительно! Китай силенъ и богатъ. Это самымъ нагляднымъ образомъ доказала послѣдняя война его почти со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Вѣдь съ нимъ одновременно воевали восемь державъ: Англія, Франція, Германія, Австрія, Америка, Италія, Японія и мы, русскіе. И что же? Развѣ мы его побѣдили?—Ничуть. Правительство китайское, заключивъ съ державами миръ, разослало по странѣ своей манифесты, что-де къ намъ пришли изъ-за моря «рыжіе черти» *), нищіе, которымъ негдѣ жить и что Богдыханъ позволилъ имъ на нѣкоторое время остаться, но что вскорѣ онъ всѣхъ ихъ прогонитъ обратно домой.

Да вѣдь надо только припомнить угрозы Европы Китаю, въ особенности послѣ того, какъ былъ убитъ германскій посолъ Кетелеръ... Чего, чего только не наобѣщали Китаю. Чуть ли не стереть его съ лица земли. А чѣмъ все это кончилось? Германцы измучились, истощились въ войнѣ, а Китаю—что съ гуся вода. И какъ только подумаешь, что онъ процвѣталъ еще тогда, когда о Россіи помину не было, когда ни одного европейскаго государства не существовало, что

*) По китайски—янгудза—бранное слово, которымъ китайцы ругаютъ всѣхъ европейцевъ, въ особенности англичанъ.

въ дебряхъ его находили убѣжище Вавилоняне отъ погрома Навуходоносора, такъ даже страшно становится. Невольно задаешь себѣ вопросъ: ну, теперь въ Китаѣ полмилліарда народу. Пройдетъ немного времени, въ немъ будетъ милліардъ. Между тѣмъ мы же, европейцы, стараемся устроить къ нему всевозможные пути сообщенія и желѣзныя дороги. Да вѣдь не мы, а онъ заполонитъ насъ. Затопитъ своею многочисленностью.

Когда я читалъ, бывало, въ газетахъ о нашихъ послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Манчжуріи, то съ горечью въ сердцѣ смѣялся надъ ихъ результатами. Другой разъ видишь, какъ авторъ замѣтки пресерьезнѣйшимъ образомъ оповѣщаетъ, что-де экспедиція окончилась удачно: хунхузовъ перебито сто человѣкъ, а у насъ убито всего трое. И это считалось успѣхомъ. Но будемъ въ этой пропорціи слѣдовать далѣе. У китайцевъ потеря тысяча, у насъ 30 человѣкъ. У нихъ милліонъ, у насъ—30 тысячъ. У китайцевъ 10 милліоновъ, у насъ—300 тысячъ. Мы уже разорены, истощены и, конечно, не можемъ и думать продолжать войну, а имъ и горюшки мало, такъ какъ они сами не знаютъ себѣ числа. Не даромъ же китайцы, во время послѣдней войны, смѣясь, говорили нашимъ солдатамъ: Нашъ царь вашего царя не боится. Вашъ царь одного китайца уби, а нашъ царь шесть роди.

И не однимъ многолюдствомъ сильно это государ-

ство. Необходимо считаться и съ его обычаями, замкнутостью,— съ его характеромъ. Когда поживешь въ Китаѣ подольше, невольно станешь удивляться нашей безпечности и равнодушію къ нему. Положительно можно назвать преступленіемъ то, какъ мы, исконные сосѣди такого великаго государства, такъ мало познакомились съ нимъ.

Смѣшно сказать,—пожалуй, другіе назовутъ это абсурдомъ, а мое мнѣніе таково,—что Китай силенъ именно тѣмъ, что у него нѣтъ тѣхъ двухъ статей, на которыя разоряется весь просвѣщенный міръ. Это—«войско» и «мода». Подъ словомъ «войско» я, конечно, подразумѣваю постоянную обученную армію. Китай не расходуетъ ежегодно тѣхъ сотенъ милліоновъ, какіе тратитъ каждая европейская держава. Въ мирное время, армія, сравнительно, содержится очень малая. Во время же войны берутъ первыхъ попавшихся жителей, и старыхъ, и малыхъ. Суютъ имъ ружья въ руки,—и солдатъ готовъ. По крайней мѣрѣ, такъ практиковалось до послѣдней войны. Такъ можно было Китаю дѣйствовать до сего времени, вслѣдствіе замкнутости своихъ границъ. Теперь же, когда къ нему прошла желѣзная дорога, когда европейцы устремились къ нему со всѣхъ концовъ міра, Китаю приходится взяться и за армію. Теперь китаецъ соединился со своимъ желтолицымъ собратомъ—японцемъ, уже обученнымъ военному искусству. Подъ руководствомъ его, Китай, безъ всякаго сомнѣнія, ежели захочетъ, мо-

жетъ поставить подъ свои роскошныя шелковыя знамена армію, вчетверо большую, чѣмъ Россія. Можно съ увѣренностью сказать, что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ сознаетъ свою колоссальную силу, встряхнется, и горе будетъ Европѣ, а въ особенности намъ. Западная Европа пострадаетъ въ лицѣ лишь тѣхъ жертвъ, которыя не успѣютъ заблаговременно спастись; Россія же, граничащая съ Китаемъ на тысячи верстъ, можетъ сильно потерпѣть.

Относительно второго аргумента,—моды, скажу, что въ этомъ тоже ихъ громадное преимущество передъ Европой. Китайцы не уничтожаютъ, не бросаютъ дѣдовскаго имущества, а берегутъ и дорожатъ имъ. Мебель, всяческая бытовая обстановка, сосуды, древняя утварь,—все это составляетъ драгоцѣнное наслѣдіе дѣтей. Китаецъ не разоряется, подобно европейцу, на моду. Не заводитъ модныхъ экипажей. А какъ ѣздили его прапрадѣды, двѣ тысячи лѣтъ назадъ, на двухколесныхъ безрессорныхъ телѣжкахъ, такъ онъ и теперь ѣздитъ,—и богатый, и бѣдный. И въ этомъ опять-таки его сила. Да вѣдь оно и понятно. Найди онъ эту телѣжку неудобной, замѣни ее рессорной,—значитъ, можно замѣнить бумажныя окна стеклянными. Отчего же тогда не измѣнить систему постройки домовъ? Не отапливать ихъ изнутри? Не замѣнить ветхозавѣтныя каны—мраморными каминами и кафельными печами? Почему не перемѣнить одежду, костюмы? и т. д., и т. д.

Консерваторы-китайцы хорошо сознаютъ, что ежели Китай просуществовалъ тысячи лѣтъ, то только благодаря своей замкнутости и своимъ обычаямъ. Поэтому надо стараться и продолжать жить въ томъ же духѣ. Они отлично предвидятъ, что всѣ тѣ новшества, которыя хотятъ ввести у нихъ европейцы,— разорятъ, погубятъ ихъ и сведутъ въ могилу. Достаточно только вспомнить объ опіумѣ, каковой насильно навязали имъ англичане и который такъ разрушаетъ всю основу ихъ государства. Безусловно, Китай силенъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть сейчасъ, въ своей самобытности. Вѣдь не надо забывать, что въ послѣднюю войну всѣ державы, воевавшія съ нимъ, отскочили отъ него, какъ резиновый мячъ отъ каменной стѣны. Чему-нибудь да надо же это приписать. Причина—въ ихъ обычаяхъ и во всемъ строѣ жизни. И опять читатель, можетъ быть, улыбнется и скажетъ, что это абсурдъ, а между тѣмъ невольно изъ всей китайской жизни приходишь къ заключенію, что наша европейская цивилизація поведетъ ихъ къ ослабленію. Такъ, мы видимъ слѣдующее. Прежде всего я задамъ вопросъ: какой народъ считается самымъ передовымъ? Гдѣ солнце? Откуда идутъ всѣ моды и всѣ новшества? Конечно, Франція. Теперь спросимъ: а что, во Франціи увеличивается ли населеніе? Нѣтъ, оно вымираетъ. А какой народъ мы считаемъ самымъ отсталымъ? Конечно, Китай. А онъ, становится ли многолюднѣе? Съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ.

Гдѣ же корень этому, гдѣ причина? Въ ихъ обычаяхъ и нравахъ. Какъ во Франціи, такъ и въ другихъ передовыхъ странахъ, въ Англіи, Германіи, вслѣдствіе все той же моды, предразсудковъ и капризовъ, жизнь становится дороже и дороже. Молодежь обязательно ищетъ богатыхъ невѣстъ. Если же таковой не находитъ, то молодой человѣкъ предпочитаетъ остаться холостымъ. Спрашивается, почему же онъ такъ поступаетъ? А потому, что, не имѣя достаточно средствъ, онъ не можетъ вести жизнь согласно требованіямъ свѣта и моды. Вѣдь настоящая парижанка-аристократка обязательно должна надѣвать утромъ одно платье, днемъ другое, вечеромъ, куда-нибудь въ гости или на балъ— третье, кататься въ четвертомъ, купаться въ пятомъ,— и такъ до безконечности. А шляпокъ, шляпокъ мѣнять должна прямо-таки безъ счету. И все это бросается новое, едва надѣванное. Квартира должна быть опять-таки устроена согласно модѣ. Старая дѣдовская мебель считается тяжелой и неуклюжей, надо замѣнить ее новой. Все это требуетъ страшныхъ расходовъ, и молодежь, боясь женитьбы, предпочитаетъ оставаться холостой. А ежели и женится, то старается не имѣть дѣтей, чтобы не увеличить расходы. У нѣмцевъ даже выработалось по поводу этого вопроса особое выраженіе «Kindersystem». Такъ въ одной семьѣ придерживаются «Einkindersystem», въ другой «Zwei», въ третьей «Dreikindersystem», смотря по средствамъ. Конечно, все это касается аристократіи и дво-

рянъ. Простой же народъ, бабы, шляпокъ не носятъ и мебель свою не бросаютъ, и число ихъ увеличивается. Другое дѣло, у китайцевъ. Въ этомъ отношеніи они далеко опередили Европу. Моды они не знаютъ, поэтому и свѣтскихъ разорительныхъ требованій у нихъ нѣтъ. Женятся безъ особыхъ стѣсненій и заботятся о томъ, чтобы имѣть больше дѣтей. У нихъ считается величайшимъ несчастьемъ остаться бездѣтнымъ. Положимъ, нельзя сказать, чтобы у этого народа не было своихъ разорительныхъ обычаевъ. Похороны отца, матери и вообще ближайшаго родственника вызываютъ у нихъ большіе расходы. Самый бѣдный крестьянинъ старается похоронить отца своего сколь возможно пышнѣе, но деньги-то остаются въ странѣ и за границу не уходятъ.

Отпускная торговля Китая, со всѣмъ міромъ, — огромная,—между тѣмъ самъ Китай покупаетъ со стороны очень мало. Вслѣдствіе этого, скопленіе богатствъ у нихъ въ странѣ, въ особенности серебра,—безконечное.

Женятся китайцы очень рано. Помню, ко мнѣ приходили частенько въ Гиринѣ вечеромъ побесѣдовать и чаю попить, сыновья китайскаго начальника войскъ, Чинъ-Лу. Такіе славные молодцы. Очень симпатичные. Младшему изъ нихъ было не больше 16—17-ти лѣтъ, а между тѣмъ онъ былъ уже женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей. Живутъ они всѣ вмѣстѣ, однимъ домомъ. Старшій въ семьѣ пользуется громадной вла-

стью. Сынъ при отцѣ не имѣетъ права сѣсть. Раздѣлы у нихъ бываютъ въ самомъ крайнемъ случаѣ. Худо это или хорошо,—не знаю, но только уже таковъ ихъ обычай...

Самобытность китайца проглядываетъ повсюду... И то, что намъ, европейцамъ, кажется у нихъ такимъ страннымъ, есть ничто иное, какъ обычай, освященный вѣками. Прежде всего китаецъ очень самостоятеленъ, даже самый простой рабочій. Самомнѣніе у него великое. Это уже замѣтно изъ того, что онъ не поклонится при встрѣчѣ съ незнакомымъ европейцемъ, какъ то мы замѣчаемъ у насъ въ Россіи, въ провинціи и даже на западѣ, въ Европѣ. Китаецъ, или съ удивленіемъ посмотритъ на васъ,—иногда улыбнется, или же сдѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ,—и едва, едва дастъ вамъ дорогу. Это послѣднее обстоятельство меня часто возмущало. Признаться сказать, хотя это и не похвально, но мнѣ частенько хотѣлось дать хорошаго тумака въ шею иному оборванцу, дабы заставить его хотя чуточку посторониться.

Мы натыкаемся въ Китаѣ безпрестанно на удивительные странности и курьезы. Такъ напримѣръ: почти па всемъ свѣтѣ человѣкъ,—6 дней работаетъ, а на 7-й отдыхаетъ. Китайцы же не знаютъ 7-го дня въ недѣлѣ и работаютъ круглый годъ. А вѣдь, кажется, уже самъ Господь Богъ сказалъ: «7-ой день Господу Богу твоему». Зато Новый годъ празднуютъ съ великимъ торжествомъ.

Китаецъ не ѣстъ молока, не ѣстъ ничего молочнаго, и всѣ кушанья у нихъ приготовляются на бобовомъ или на кунжутномъ маслѣ. Избѣгаетъ ѣсть мясо и предпочитаетъ растительную пищу, хотя очень любитъ свинину и во множествѣ истребляетъ ее. Объясняется это будто бы тѣмъ, что на скотинѣ работаютъ, и что молоко необходимо дѣтенышу, и поэтому грѣшно его отнимать у матери. Мясо тоже избѣгаютъ ѣсть, дабы сохранить рабочій скотъ.

Китаецъ не знаетъ поцѣлуя. Мать не цѣлуетъ своего ребенка. Это ли не диво! — А вѣдь кажется этого требуетъ сама природа. Собаки и тѣ цѣлуются.

Нѣтъ рукопожатія.—А между тѣмъ обычай этотъ древенъ до безконечности. Вѣдь о немъ упоминаетъ еще Гомеръ въ своей «Иліадѣ». При встрѣчѣ со знакомымъ, китаецъ или преклоняетъ одно колѣно и старается рукой коснуться земли, — или же сжимаетъ передъ собой кулаки около груди и какъ бы потрясаетъ ими. Пища, одежда, образъ жизни, все у нихъ иное, чѣмъ у насъ.

Ѣстъ китаецъ палочками. Для насъ кажется это и трудно и неудобно. Я, сколько ни пытался, никакъ не могъ донести кусочка до моего рта. Китайцы же управляются ими очень ловко. Объясненіе тутъ простое. У китайцевъ вся пища приготовляется своеобразно. Мясо и рыба подаютая безъ костей, нарѣзанныя маленькими кусочками, такъ что ножъ за столомъ

совершенно не нуженъ. Затѣмъ растительныя кушанья, которыя они такъ любятъ,—морская трава, водоросли, вермишель, — все длинное, тягучее, подхватывается палочками гораздо удобнѣе, чѣмъ вилкой. Кушанье подается каждому отдѣльно въ маленькихъ чашечкахъ. Когда оно подходитъ къ концу, то чашку подносятъ къ самому рту и палочками выгребаютъ остатки прямо въ ротъ, до послѣдней мелочи. Презабавно смотрѣть, когда голодный китаецъ ѣстъ своими палочками и какъ быстро подхватываетъ ими пищу.

Китаецъ замѣчательно трудолюбивъ. Земледѣлецъ онъ удивительный. Въ Уссурійскомъ краѣ мнѣ часто приходилось слышать жалобы нашихъ переселенцевъ на неурожай, на пьяный хлѣбъ *), и на разныя другія невзгоды. Къ такимъ невзгодамъ переселенки-бабы присоединяютъ также и комаровъ. Наши хохлушки въ своей «Пилтавской» губерніи комаровъ почти не знаютъ. А тутъ вдругъ на нихъ нападаетъ масса этихъ насѣкомыхъ. Приходится спасаться отъ нихъ и надѣвать, кромѣ юбки, и панталоны. А къ этому роду одежды онѣ не привыкли. Ну вотъ и бѣда, ступай обратно на родину. О такой пустяшной причинѣ мнѣ пресерьезно разсказывали сами бабы, на пароходѣ на Амурѣ, возвращаясь обратно на родину.

---

*) Во ржи часто бываетъ много куколю или головни, вслѣдствіе чего хлѣбъ получаетъ непріятный вкусъ, дѣлается чернымъ и вреднымъ.

Но вотъ что плохо у китайцевъ, это ихъ удивительная нечистоплотность. Въ селахъ и городахъ, отъ грязи и нечистотъ ни пройти, ни проѣхать. Съ этого, конечно, намъ нельзя брать примѣръ. Происходитъ это отъ того, что жители выбрасываютъ на улицу все, что имъ не нужно, зная хорошо, что все это уберется людьми, которые въ этой грязи находятъ свое благополучіе. Объясню это примѣромъ. Когда я былъ въ Мукденѣ, то иду однажды съ переводчикомъ по главной улицѣ и говорю ему: «Смотри, Иванъ, какъ теперь въ вашемъ городѣ чисто. Какъ все прибрано, вездѣ можно не только въ телѣгѣ, но и въ рикшѣ*) проѣхать. Довольны ли жители такимъ порядкомъ, и будутъ ли они держать городъ въ такой же чистотѣ, когда мы уйдемъ отсюда?» Въ это время смотрю, навстрѣчу намъ идетъ бѣдный, оборванный манза, съ корзиной за плечами. Особеннымъ крюкомъ, насаженнымъ на палку, подхватываетъ онъ съ земли замерзнувшіе комки позему и ловко, черезъ плечо, бросаетъ ихъ туда. Но вотъ онъ останавливается и уныло смотритъ по сторонамъ. Улица, благодаря распоряженіямъ нашего коменданта, такъ подметана... точно языкомъ вылизана. — Нигдѣ ни комочка того золота, котораго такъ тщательно искалъ манза.

— Нѣтъ, жители недовольны, — отвѣчаетъ мой

*) Рикша—маленькая ручная двухколесная телѣжка, которую возятъ китайцы. Въ нее садится всего одинъ человѣкъ.

Иванъ, и его скуластое, бронзоваго цвѣта лицо становится сумрачнымъ.

— Почему? спрашиваю я.

— Богатые, оттого, что Дзянь-Дзинь строго приказалъ чистить улицы и посыпать пескомъ. Выгребныя ямы тоже велѣлъ вычистить и поземъ вывозить за городъ. А прежде все это вываливалось на улицу. Бѣдные же недовольны за то, что нигдѣ въ городѣ не могутъ достать себѣ удобреніе для своихъ полей и огородовъ. Прежде у нихъ всѣ улицы были раздѣлены, каждый приходилъ и бралъ въ своемъ участкѣ, точно къ себѣ домой. А теперь вонъ видите, тотъ ходитъ понапрасну—и Иванъ сердито указалъ мнѣ на китайца съ корзиною за плечами.

Изъ этого разговора, съ отвращеніемъ узнаю, что до прихода русскихъ, какъ въ Мукденѣ, такъ и другихъ китайскихъ городахъ, улицы представляли изъ себя своего рода компостныя ямы. Туда сваливалось все, что только могло перегнивать: и дохлыя собаки, и свиньи, и всякая всячина. Китайцы, опрятные у себя въ домѣ, за своими стѣнами совершенно игнорируютъ самую невозможную грязь на улицахъ. Сколько разъ приходилось мнѣ, подъѣзжая къ воротамъ богача-китайца, зажимать носъ отъ ужасной вони. А хозяинъ дома, встрѣчая меня, ничуть не смущался этимъ запахомъ. Подданные сыны Неба давно раскусили, что такое компостъ. Цѣну ему они хорошо знаютъ. Этимъ и объясняется удивительное плодородіе ихъ почвы и

ихъ баснословные урожаи. — Конечно, хорошо получать урожаи самъ-сто и двѣсти, но на все есть мѣра,— и нельзя же ради этого превращать города и села въ клоаки. А между тѣмъ, кто хорошо знаетъ китайца, тотъ съ увѣренностью скажетъ, что его не передѣлаешь, и что въ Манчжуріи, по уходѣ русскихъ войскъ, заведется таже нечистота и грязь, которая была и раньше.

Встаютъ китайцы съ пѣтухами. Базаръ открывается у нихъ чуть-ли не съ восходомъ солнца. Но точно также, съ закатомъ солнца, всякая торговля прекращается. Торгуютъ цѣлые мѣсяцы безъ перерыва, безъ отдыха, не зная никакихъ воскресныхъ дней. Каково это выносить ихъ прикащикамъ и служителямъ? Зато къ концу года всѣ счеты должны быть закончены. Горе китайскому купцу, если онъ не оправдалъ свой вексель къ этому времени. Въ такомъ случаѣ, какъ китайцы выражаются, онъ долженъ «потерять свое лицо».

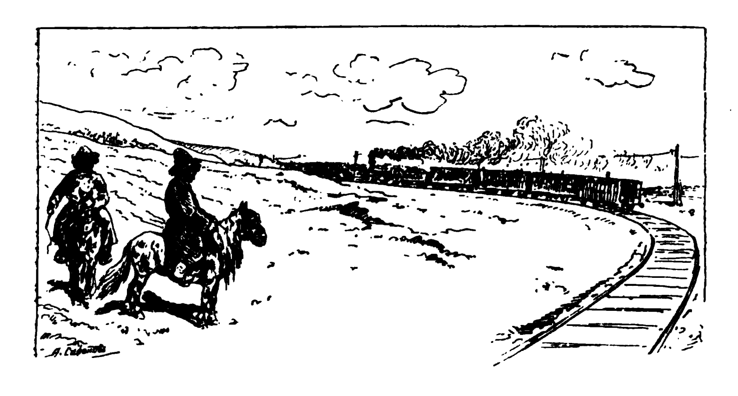
Китайцы отличаются удивительной жестокостью. Изъ прошлой войны извѣстно, какъ они звѣрски поступали съ нашими плѣнными. Рѣдкость большая, чтобы они выпустили его живого. У нихъ въ обычаѣ мучить плѣннаго три дня и затѣмъ уже докончить. Въ старинномъ описаніи Пекина нашимъ Іеромонахомъ, Іакинфомъ, прожившимъ тамъ 30 лѣтъ *),—такъ говорится между прочимъ о храмѣ неба: «сюда ежегодно пріѣз-

*) См. Описаніе Пекина, монаха Іакинфа. Изданіе 1829 г. стр. 4.

жаетъ Императоръ приноситъ жертву. При этомъ ему представляютъ здѣсь всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ городѣ. Имъ тутъ же, на глазахъ Императора, вывертываютъ щиколки, ломаютъ ихъ тисками и затѣмъ стругаютъ тѣло бамбуковымъ ножомъ».

Между прочимъ, мнѣ передавали за достовѣрное, что у китайцевъ есть такая казнь: человѣка садятъ голаго въ клѣтку противъ солнца и связываютъ такъ, чтобы онъ не могъ двигаться и долженъ непремѣнно смотрѣть на солнце. Затѣмъ обмазываютъ его чѣмъ нибудь сладкимъ. Черезъ это мухи, черви и разныя насѣкомыя покрываютъ несчастнаго сплошной массой. Забираются въ носъ, ротъ, уши, во всѣ отверстія, попадаютъ во внутрь человѣка, и такимъ образомъ заживо его пожираютъ. Дальше этого, въ отношеніи изувѣрства и жестокости, полагаю, и идти нельзя.—Мнѣ случалось натыкаться на китайцевъ съ такимъ холоднымъ, бездушнымъ взглядомъ, что я невольно отвертывался и думалъ про себя: «ну, не дай Богъ попасться въ плѣнъ такому господину; съ живого шкуру сдеретъ».—Но не буду забѣгать впередъ, а постараюсь шагъ за шагомъ описать мою вторую поѣздку въ Китай.

II.

Отъ С.-Петербурга до ст. Манчжурія.

Опять я въ томъ же Сибирскомъ поѣздѣ. Опять передъ глазами моими роскошная отдѣлка вагоновъ, ко́вры, плюшъ и раззолоченная клеенка на стѣнахъ. Въ столовой масса публики. Ѣдятъ, пьютъ, разговариваютъ. Разсужденія далеко не того характера, какія слышались во время первой моей поѣздки. Тогда говорили только о войнѣ съ китайцами. Теперь же о ней никто и не вспоминаетъ.—Да и публика другая. Тогда большинство были офицеры, — теперь инженеры. Ѣдутъ искать золота въ Манчжуріи. Вонъ тотъ молодой блондинъ, въ путейской тужуркѣ, — вчера разсказывалъ мнѣ, что онъ командированъ одной частной компаніей на Сунгари, около Цицикара, дѣлать развѣдки. Тамъ имъ отведена нашими властями Палестина чуть ли не съ Францію величиной. Гуляй сколько хочешь. Онъ получаетъ 500 руб. въ мѣсяцъ жалованья, да прогоновъ тысячи двѣ, да участіе въ дѣлѣ, ежели откроетъ

золото. Чего еще надо!—А вонъ тамъ въ углу сидятъ два важныхъ господина, расчесанные, приглаженные, одѣтые франтовски. У одного булавка въ галстухѣ съ крупной жемчужиной. Эти ѣдутъ въ Гиринъ хлопотать объ отводѣ золотоноснаго участка. Они только этимъ и заняты. Ни о чемъ другомъ и разговаривать не хотятъ.

Проѣхали Иркутскъ,—вотъ и Байкалъ. Но какой здѣсь холодъ! Какъ это чудное озеро теперь непривѣтливо смотритъ! Скалистые берега покрыты снѣгомъ.

Оставляю вагонъ и перебираюсь на ледоколъ. Онъ очень высокъ. Вѣтеръ сильнѣйшій — такъ съ ногъ и рветъ. Высокія волны сердито выкидываютъ кверху пѣнистые гребни. Сегодня ледоколъ не пойдетъ. Слишкомъ волненіе большое. Говорятъ, въ этомъ Байкалѣ только что погибли двѣ баржи съ рыбаками, причемъ потонуло около двухсотъ человѣкъ.

Иду въ каюту, ложусь на диванъ и спокойно засыпаю. Я и не слыхалъ, какъ мы отчалили и тронулись впередъ. Просыпаюсь, слышу на палубѣ бѣготня. Солнце ярко освѣщаетъ каюту. Смотрю въ окно,—мы уже пристаемъ къ Мысовой. Вчерашняго рѣзкаго вѣтра и слѣда нѣтъ. Погода отличная. Больше всего меня порадовала та мысль, что мнѣ уже не придется больше ожидать качки, и что мы на твердой почвѣ. Беру свои вещи, подымаюсь на палубу,—а черезъ полчаса я уже сижу въ знакомомъ мнѣ буфетѣ, на станціи Мысовой... Кругомъ мало что измѣнилось. Тотъ же буфетчикъ, тотъ же начальникъ станціи. Пока составляли по-

ѣздъ,—то да се,—прошло порядочно времени. Въ это время подходитъ ко мнѣ комендантъ станціи, рыжеватый поручикъ, средняго роста, очень симпатичный. Разговариваемъ.—Оказывается, жизнь на Мысовой далеко не радостная. Сюда стекаются бѣглые каторжники со всѣхъ сторонъ,—и изъ Западной Сибири и изъ Восточной. Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы... по близости кого не укокошили. Бѣдные жители этого мѣстечка, въ которомъ всего около сотни домовъ,—чуть солнце скроется, уже не выходятъ на улицу и покрѣпче запираются, въ особенности осенью, въ темные вечера. Иные же, для острастки, передъ тѣмъ, чтобы запирать ворота, стрѣляютъ на воздухъ изъ ружей или пистолетовъ, дабы показать, что есть защита.—Отъ одного изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ услыхалъ я такой разсказъ. — Здѣшнему начальнику станціи даютъ знать, что гдѣ-то по близости, въ деревнѣ, два бѣглыхъ каторжника убили старуху и ребенка, и ограбили ихъ. Сообщались примѣты преступниковъ и просили наблюдать, не появятся ли они на Мысовой. На другой день утромъ, погода была холодная, начальникъ станціи совершенно случайно выходитъ на рельсы, чтобы встрѣтить поѣздъ, и къ ужасу своему видитъ двухъ рослыхъ молодцовъ, по всѣмъ примѣтамъ, тѣхъ самыхъ, о которыхъ ему сообщалось по телеграфу. Начальникъ не потерялся. Едва скрывая свое смущеніе, онъ закричитъ имъ: «Что вы, братцы, тутъ дѣлаете на морозѣ?»

— Да вотъ поѣзда ожидаемъ,—отвѣчали они.

— Ну, такъ что же вы тутъ стоите! одежда на васъ легкая, ступайте на станцію, погрѣйтесь.—Сказалъ онъ это такимъ спокойнымъ голосомъ, что тѣ, дѣйствительно, ничего не подозрѣвая, пошли туда грѣться. Начальникъ же, какъ только тѣ скрылись за угломъ зданія, не чуя подъ собою ногъ, какъ онъ самъ выразился, побѣжалъ сообщить жандармамъ. Молодцовъ внезапно схватили, обыскали, и нашли у нихъ въ карманахъ окровавленную одежду старухи и ребенка, и 1 р. 50 к. денегъ.

— Ну, а какъ дорога, исправна? — спрашиваю коменданта.

— Да ничего, проѣдете!—утѣшаетъ онъ.—Вотъ только на Яблоновый хребетъ трудненько подыматься — очень круто. Тамъ васъ два паровоза будутъ тащитъ, одинъ спереди, другой сзади. — Затѣмъ продолжаетъ:—Здѣсь у насъ недавно такой случай былъ. На станціи «Сѣдловая»,—знаете, проѣзжали—уклонъ очень большой. Подходитъ товарный поѣздъ. Станція стоитъ какъ разъ на вершинѣ. Право, не знаю, какъ это можно было ставить станцію на такомъ мѣстѣ. Къ нему было прицѣплено нѣсколько вагоновъ третьяго класса и одинъ второго, въ которомъ ѣхалъ офицеръ съ семьей. Только поѣздъ остановился,—подъ вагоны, по обыкновенію, подложили шпалы, чтобы не покатился назадъ, а локомотивъ пошелъ къ водокачкѣ набирать воду. — Набралъ, сталъ подаваться назадъ и лишь

столкнулся слегка съ поѣздомъ, какъ у того шпалы изъ подъ колесъ выскочили, и весь поѣздъ покатилъ назадъ. Къ счастью его, всѣ стрѣлки стояли на главный путь,—и навстрѣчу никого не было. Поѣздъ пролетѣлъ 3 станціи,—около 45 верстъ—въ 15 минутъ. Хотя и дали знать по телеграфу объ этомъ несчастіи, но на станціяхъ не успѣвали выбѣгать на путь,—какъ уже поѣздъ пролеталъ мимо. Остановился онъ уже самъ собой, на одномъ крутомъ подъемѣ, причемъ всѣ буксы у него были въ огнѣ. Офицеръ же съ семьей, во время этой бѣшеной поѣздки, все время стоялъ въ вагонѣ на колѣняхъ и молился Богу, такъ какъ каждую секунду всѣ они ожидали смерти.

Но вотъ подходитъ и нашъ поѣздъ. Прощаюсь съ комендантомъ, забираю вещи и уѣзжаю. Опять потянулись знакомыя мѣста. Горы, ущелья, обгорѣлые лѣса. Ононъ синеватой лентой, нѣтъ нѣтъ, да и мелькнетъ у самой дороги. А вотъ и Яблоновый хребетъ. Паровозъ съ трудомъ тащитъ поѣздъ. Точно какой старикъ, сипло охаетъ онъ и кряхтитъ... Шипитъ, свиститъ, и хотя, и съ трудомъ, но всетаки втаскиваетъ насъ на вершину. Какой странный здѣсь лѣсъ... точно его моль поѣла,—какой-то ощипанный. — А вотъ и Китайскій разъѣздъ. Здѣсь Байкальская дорога поворачиваетъ влѣво на Срѣтенскъ, а вправо идетъ вѣтвь на Манчжурскую дорогу. Отсюда до ст. Манчжурія верстъ около трехсотъ. Характеръ мѣстности сильно мѣняется. Начинаются равнины, — желтыя, песчаныя. Лѣса исче-

заютъ. Вонъ стоитъ у дороги группа монголовъ, въ своихъ лохматыхъ шапкахъ, верхами на маленькихъ приземистыхъ лошадкахъ и пристально смотритъ на поѣздъ. Вонъ одинъ улыбается, щуритъ узенькіе косые глаза и ласково треплетъ коня своего по широкой короткой шеѣ. Точно онъ этимъ хотѣлъ сказать ему: «Не бойся, милый, не промѣняю я тебя на эту огненную колесницу». — Такія картины видалъ я еще въ Ахалъ-Текэ, когда проводили желѣзную дорогу. И тамъ тоже, Текинцы, сидя верхомъ на своихъ драгоцѣнныхъ аргамакахъ, съ удивленіемъ смотрѣли первое время на поѣзда и ласково трепали при этомъ по шеѣ коней своихъ. Случалось, иной пускался въ обгонку съ поѣздомъ. Скачетъ, скачетъ, машетъ плетью, кричитъ и, наконецъ, достаточно натѣшившись, уносится въ сторону.

На станцію «Манчжурія» пріѣзжаемъ около полуночи. Луна свѣтила полнымъ блескомъ. Въ воздухѣ летали морозныя снѣжинки. Пассажировъ скопилось масса. Здѣсь приходилось разставаться съ нашими Байкальскими вагонами и пересаживаться въ вагоны Манчжурской дороги. Много легендъ ходило въ это время, и въ Питерѣ, и повсюду, про эту дорогу. Послѣ китайскаго погрома она только что еще поправлялась, а отъ станціи «Манчжурія» строилась заново. Желающихъ ѣхать по ней было много, а провозныхъ средствъ у дороги не хватало. Черезъ это происходили большія неудовольствія, и для проѣзжающихъ, и для строителей.

Занятые по горло спѣшной работой, послѣдніе и не подозрѣвали, какіе курьезы происходили у нихъ на линіи.

Я и забылъ сказать, что еще около Верхнеудинска встрѣтилъ моего знакомаго по Китайской войнѣ, генерала Надарова, бывшаго Приамурскаго окружнаго интенданта.

— Смотрите! Манчжурская дорога, принимая пассажировъ, беретъ росписки, что за увѣчье не отвѣчаетъ,—кричалъ онъ мнѣ, смѣясь, на прощанье.

Хотя и съ трудомъ, но мнѣ удалось достать маленькій служебный вагончикъ въ два окна. При настоящемъ положеніи подвижного состава, — при полномъ отсутствіи вагоновъ 2-го класса,—это было для меня находкой. Въ немъ могло ѣхать только двое. Я прихватилъ съ собой еще одного швейцарца, Десуляви, воспитателя Орловскаго корпуса... Онъ изучалъ на Кавказѣ флору девять лѣтъ и теперь ѣхалъ изучать ее въ Приамурскій край. Человѣкъ онъ былъ очень интересный. Высокій худощавый брюнетъ, чрезвычайно типичный. Онъ почему то напоминалъ мнѣ того Наполеоновскаго ветерана француза, изображеннаго на знаменитой картинѣ Ораса Вернэ, съ повязанной окровавленной головой, стоящаго около убитаго коня.

III.

На Манчжурской дорогѣ.

Около полуночи ѣдемъ дальше. Пассажиры устроились съ великимъ трудомъ и лишеніями. Тѣснота страшная. Ѣхало множество семейныхъ, съ малыми дѣтьми. Помѣщались и надъ скамейками, и подъ скамейками. Кромѣ вагоновъ 3-го класса, слѣдовали еще товарные, приспособленные для перевозки пассажировъ, т. е. въ нихъ были поставлены желѣзныя печи, доски для сидѣнія, вотъ и все. Поэтому надо представить себѣ, какъ я былъ счастливъ, имѣя въ своемъ распоряженіи отдѣльный вагончикъ. Путь былъ еще очень плохъ.

Смотрю въ окно, луна пропала. Темно. Вѣтеръ кругомъ такъ и воетъ. Мятель порядочная. Морозъ усиливается. Печка въ моемъ вагонѣ топится, и у меня тепло. Спутникъ мой укутался въ пледъ и, счастливый, заснулъ. Онъ никакъ не ожидалъ попасть въ такую

благодать. Ѣдемъ часъ, другой,—вдругъ останавливаемся. Станціи нѣтъ, степь непроглядная, ничего не видно... Проводникъ при вагонѣ уходитъ узнавать, что случилось. Долго пропадаетъ, наконецъ ворочается.

— Ну, что тамъ такое?—спрашиваю его.

— Да путь, что ли, не исправенъ!—мрачно отвѣчаетъ онъ и ерзаетъ плечами отъ холода.

— Да ты у кого спрашивалъ?—кричу ему.

— Да и спросить не у кого. Кондукторовъ нѣтъ, сторожей тоже не видать,—жалуется онъ.

Стоимъ, стоимъ. Уже свѣтло стало. Безконечная степь... запорошенная снѣгомъ, уныло протянулась передъ глазами и пропадала на горизонтѣ.

— Эй, проводникъ!—кричу опять. Ступай, узнай хорошенько, долго ли же мы будемъ здѣсь стоять? Ступай къ машинисту, у него спроси.

Уходитъ. Пропадаетъ съ часъ, не менѣе. Наконецъ приходитъ.

— Ну, что?

— Да и машиниста нѣтъ. Уѣхалъ куда-то съ паровозомъ.

Итакъ, мы стояли здѣсь ровно 12 часовъ. А машинистъ, оказывается, преспокойно перевозилъ чьи то бревна, сложенныя около дороги. Ихъ, конечно, долженъ былъ убрать спеціальный рабочій поѣздъ, а не нашъ, биткомъ набитый народомъ. Каково же было бѣднымъ пассажирамъ, съ малыми дѣтьми, стоять полъ-сутокъ въ открытомъ полѣ, гдѣ нельзя было даже воды достать,

чтобы согрѣть чайникъ. Потомъ, какъ мнѣ объяснили, такія продѣлки часто повторялись. Машинисты сталкивались съ разными подрядчиками по доставкѣ грузовъ на дорогу, бросали свои поѣзда и занимались спѣшной перевозкой. Отъ своего пассажирскаго поѣзда они, конечно, не могли столько заработать, а тутъ въ нѣсколько часовъ, смотришь, сотенку зашибешь. Въ то блаженное время машинисты на Манчжурской дорогѣ были всесильны. Останавливались гдѣ хотѣли, и сколько хотѣли. Ни кондукторовъ, ни звонковъ, ни проѣздныхъ билетовъ. Дѣлай что хочешь,—никто слова не скажетъ. Еще въ первую мою поѣздку въ Китай наглядѣлся я на подобныя картинки.—Помню, ѣду изъ Харбина къ Пограничной, для осмотра желѣзнодорожныхъ построекъ, занятыхъ нашими войсками. Вмѣстѣ со мной ѣхалъ мой знакомый командиръ пѣхотнаго полка, высокій сѣдой старикъ. Онъ вѣчно ходилъ съ большой суковатой палкой и, вѣроятно, за это былъ прозванъ офицерами «Аника Воинъ». — Такъ вотъ, останавливаемся мы на одной станціи. Былъ полдень. Ѣсть хотѣлось сильно.

— Пойдемте вонъ въ тотъ домикъ! —говоритъ мнѣ мой спутникъ и указываетъ палкой на небольшую мазанку, саженей сотня отъ вокзала.—Тамъ столовая, можно пообѣдать.

— Опасно, поѣздъ уйдетъ!—говорю ему.

— А мы узнаемъ!—возражаетъ онъ. Эй, ты, молодчина, сколько времени здѣсь поѣздъ стоитъ?—обра-

щается онъ къ служащему, который ходилъ и распоряжался около вагоновъ.

— Да съ часъ простоимъ!—слышится отвѣтъ.

— Ну вотъ, видите ли, пойдемъ! упрашиваетъ онъ. Но я, наученный горькимъ опытомъ, не сдался на его увѣщеванія, и предпочелъ съѣсть въ вагонѣ жестянку консервовъ. Старикъ же ушелъ искать горячихъ щей, до которыхъ былъ большой охотникъ. Но не успѣлъ онъ добраться до завѣтнаго домика, какъ поѣздъ нашъ... трогается. Сначала я было подумалъ, что мы дѣлаемъ маневры. Но нѣтъ, ѣдемъ дальше, дальше, все скорѣй и скорѣй. Какъ сейчасъ, передъ глазами,—виднѣется вдали представительная фигура моего почтеннаго спутника, въ высокой мохнатой черной сибирской папахѣ и въ длинномъ мѣховомъ сюртукѣ. Вонъ онъ что-то кричитъ мнѣ и отчаянно машетъ костылемъ,—бросается бѣжать за нами. Но гдѣ тамъ догнать! Наконецъ теряю его изъ виду.. На слѣдующей станціи озлобленный догоняетъ онъ меня на паровозѣ.

А то припоминается мнѣ разсказъ моего стараго знакомаго, еще по Текинскому походу, нѣкоего Г., человѣка крайне энергичнаго. Покойный М. Дм. Скобелевъ его очень любилъ. Главное за то, что какое порученіе ни дашь ему, хотя бы самое тяжелое, онъ выполнялъ его блистательно. Уже на что трудно было достать передъ Текинскимъ походомъ верблюдовъ для перевозки грузовъ, а Г. досталъ, да еще не тысячу и

не двѣ, а 16-ть тысячъ. Такъ вотъ, самый этотъ Г. былъ присланъ изъ Петербурга, съ рекомендательнымъ письмомъ, къ генералу Гродекову. Не можетъ-ли-де онъ быть полезенъ во время войны, своей энергіей и опытностью. Гродековъ послалъ его въ распоряженіе окружного интенданта.—Дальше я буду разсказывать словами Г.—Надо сказать, что Г. вершковъ 12-ти ростомъ, а въ плечахъ, что называется, косая сажень. Ходилъ постоянно въ черкескѣ и при кинжалѣ. Мы встрѣтились съ нимъ въ Харбинѣ, какъ старые товарищи.

— Ну, разсказывайте, разсказывайте, какъ вы тутъ орудуете?—съ нетерпѣніемъ спрашиваю его.

— Да что сказать. Отъ генерала Гродекова пріѣхалъ я къ генералу Надарову. Тотъ съ мѣста же поручилъ мнѣ одно трудное дѣло. Благодаря Бога, выполнилъ его отлично. Генералъ мой остался отмѣнно доволенъ и даже обѣщался къ Владиміру представить.

— Да вѣдь Владиміръ у васъ есть!—говорю ему.

— То 4-й степени, а это будетъ 3-й-съ, на шею-съ, съ улыбкой объясняетъ онъ.

— Какое же такое дѣло? Разскажите, пожалуйста?

— Да, видите ли, мой дорогой! продолжаетъ Г.— Генералъ и говоритъ мнѣ: Есть у меня тутъ грузъ. Бросили его возчики вдоль дороги,—не могли довезти до станціи. А грузъ цѣнный: папахи, фуфайки, чай, сахаръ, а главное—медикаменты. И вотъ уже сколько

времени, какъ лежитъ онъ, и все не могу его получить. Не даетъ дорога вагоновъ, да и только. Бьюсь, бьюсь, ничего не могу подѣлать!—отчаянно восклицаетъ онъ.—На другой же день ѣдемъ мы съ генераломъ вмѣстѣ, по желѣзной дорогѣ. Онъ указываетъ мнѣ, гдѣ лежалъ грузъ. Вышли мы тутъ, походили, посмотрѣли—и вернулись на станцію. Пока генералъ отдыхалъ, я успѣлъ уже кое съ кѣмъ переговорить. Иду къ нему и докладываю:

— Ваше превосходительство, поѣзжайте вы себѣ въ Харбинъ. Не доѣдете и до дому, какъ все будетъ на мѣстѣ.

— Какъ такъ? не можетъ быть?—радостно восклицаетъ онъ.

— Такъ точно-съ! Вотъ увидите.

Генералъ, очень довольный, уѣзжаетъ,—А мнѣ еще заранѣе передъ этимъ было дано 20 тыс. руб. на перевозку грузовъ.

Такъ, вечеркомъ, встрѣчаю знакомаго машиниста. Беру его подъ руку и веду въ ресторанчикъ. Садимся за отдѣльный столикъ. Спрашиваю закуску, вина, водочки и всего, что только можно было достать получше. Выпиваемъ, закусываемъ. Только пропустили мы по 3-й, хлопаю я пріятеля по плечу и говорю ему:

— Послушай, дружище, можешь-ли ты мнѣ ночь поработать?

— Да какая же твоя работа? мрачно спрашиваетъ онъ.

— Да мнѣ нужно всего-на-всего 4 платформы съ грузомъ обернуть отсюда, вотъ до той станціи, пять разъ.

— Да вѣдь, поди, задержишь нагрузкой!—возражаетъ онъ.

— Да ты о нагрузкѣ не заботься, это дѣло мое. А скажи прямо, сколько ты хочешь получить за работу?—настаиваю я.

— Да вѣдь я не одинъ. Есть и постарше меня, мычитъ онъ.—Я опять ему:

— Да тебѣ-то сколько надо?—Пауза.

— Пятьсотъ дашь?—говоритъ онъ наконецъ, и вопросительно смотритъ на меня. Я скорѣй за бумажникъ, отсчитываю ему пять Катенекъ и подаю. Машинистъ прячетъ деньги и говоритъ вполголоса:

— Ну, помощнику надо!

— Сколько?

— Все двѣсти надо!—Подаю еще двѣ радужныя.

— Ну, начальнику надо, помощнику,—продолжаетъ добавлять собесѣдникъ.

— Сколько же имъ?

— Ступай, переговори самъ!—Иду,—и кончаю съ тѣми: начальнику далъ 300, помощнику 200. Кромѣ того еще роздалъ на остальную бригаду рублей 500. Всего вышло у меня около двухъ тысячъ. Затѣмъ нанялъ сто человѣкъ солдатъ по 5 рублей за ночь, нагружать платформы.

Только стемнѣло, вдругъ, неизвѣстно откуда, по-

является паровозъ и за нимъ 4 платформы. Раньше ихъ не видно было. Приходятъ солдаты, и у насъ начинается горячая работа. Я же на локомотивѣ поставилъ столикъ, разложилъ закуску. Морозъ былъ сильный. Устроили мы тутъ въ родѣ балаганчика, занавѣсочку повѣсили. Наступила ночь, и поволокли мои платформы. Не отошли мы и ста саженей, какъ за нами показались новыя 4 платформы. Солдаты и давай ихъ нагружать. Такимъ образомъ, солнышко еще не взошло, какъ мы все перевезли, и я послалъ моему генералу телеграмму: «Ваше превосходительство, грузъ доставленъ на мѣсто».

Тотъ, кто хоть разъ ѣздилъ въ то время по Манчжурской дорогѣ, нисколько не почтетъ за выдумку и не удивится этому разсказу.

Утро. На улицѣ морозъ. Солнце ярко освѣщаетъ окрестности. Вдали виднѣются горы. Приближаемся къ Хингану. Подъ нимъ роютъ туннель. Говорятъ, черезъ годъ его окончатъ... Здѣсь часть поѣзда отцѣпляется. Паровозъ беретъ нѣсколько вагоновъ, и начинаетъ подыматься въ гору. Путь идетъ зигзагами. Сначала ѣдемъ въ одну сторону. Затѣмъ въ другую. То локомотивъ впереди, то мы пятимся задомъ. Все выше и выше. Обернувшись такъ раза три-четыре, подымаемся такъ высоко, что люди и животныя кажутся намъ, внизу, совершенно маленькими. Кругомъ далеко виднѣются вершины горъ, покрытыя лѣсомъ. — Все такъ красиво, такъ торжественно, въ

особенности самое наше передвиженіе по этимъ «тупикамъ», что не хочется глазъ оторвать. Ради однихъ этихъ тупиковъ стоитъ проѣхаться по Манчжурской дорогѣ. Хотя я уже и ѣздилъ по нимъ,—еще въ прошлую поѣздку, — отъ Харбина до Пограничной, но тамъ они не такъ красивы и величественны. И какое здѣсь кругомъ богатство лѣса! Куда ни взглянешь, вездѣ бѣлѣютъ заготовленныя дрова, шпалы, бревна и разный другой лѣсной матеріалъ. Китайцы работаютъ баснословно дешево. За лѣсъ платить не надо. Раздолье, да и только! А какія есть громадныя деревья! Просто гиганты! Вонъ напримѣръ, тотъ сваленный около дороги. Онъ такъ толстъ, что китаецъ, который стоитъ возлѣ него, едва виденъ.

Спрашиваю я какъ-то стрѣлочника на одной станціи.

— Хорошо ли вамъ тутъ живется?

— Плохо, ваше благородіе, отвѣчаетъ онъ. Дальше версты въ сторону пойти одному опаспо. Подстрѣлятъ непремѣнно. Недавно вотъ одинъ изъ нашихъ пошелъ съ ружьемъ на охоту, да и до сей поры о немъ ни слуху, ни духу.

Въ особенности опасное мѣсто—отъ Харбина до Пограничной, гдѣ тяпутся сплошные лѣса. Для хунхузовъ тамъ настоящій рай—ихъ и не поймаешь.

За время Китайской войны мнѣ пришлось проѣхать по «Манчжуркѣ», такъ называютъ на Востокѣ эту дорогу, разъ десять, ежели не больше. Что касается

лично меня, то я никакъ не могу жаловаться на желѣзнодорожное начальство. Оно было въ высшей степени любезно ко мнѣ и предупредительно. Но я говорю вообще о проѣздѣ по этой дорогѣ. Другой разъ проснешься ночью, подойдешь къ окну, смотришь и только удивляешься, какъ это Богъ хранитъ насъ. Двигаемся мы едва-едва. Кругомъ трущоба,—мѣста невѣдомыя. Охраны въ поѣздѣ никакой. Даже сигнальной веревки, и той нѣтъ. Кондукторъ одинъ на весь поѣздъ, и гдѣ онъ? Богъ вѣдаетъ,—не дозовешься, ни въ какомъ случаѣ. Ну, ежели, какое крушеніе или нападеніе—пропалъ какъ курица, никто не поможетъ. Въ этомъ случаѣ, въ особенности пришлось бы плохо тѣмъ, кто ѣдетъ въ служебномъ вагонѣ. Ѣдешь въ немъ всегда одинъ и на хвостѣ поѣзда.

Въ настоящее время частенько читаешь въ печати разсужденія по поводу вывода нашихъ войскъ изъ Манчжуріи. При этомъ мнѣ невольно вспоминаются тѣ случаи, когда китайскія власти съ мольбами обращались къ нашимъ властямъ за помощью противъ хунхузовъ.—Эти послѣднія очень мало боятся своихъ войскъ, которыя, какъ извѣстно, неповоротливы, трусливы, стрѣлять не умѣютъ. Пока наши гарнизоны расположены внутри страны, то охранной стражѣ, какъ говорится, съ полъ-горя, охранять дорогу... Но только они уйдутъ... и дѣло приметъ совершенно иной оборотъ. Будь охранная стража удвоена, и то она не будетъ имѣть того значенія, какое имѣли войска.—Да вѣдь

оно и понятно. Охрана стоитъ вдоль дороги, и что́ будетъ твориться въ сторонѣ, то́ останется для нея въ секретѣ. Конечно, на это мнѣ могутъ сказать: а развѣ нельзя дѣлать разъѣзды и экспедиціи?—Но разъѣзды дѣлаются за 15—20 верстъ въ сторону. Сейчасъ хунхуза нѣтъ, а черезъ часъ онъ уже и тамъ. Что такое для него 20 верстъ, когда онъ за ночь пробѣгаетъ чуть не по 50-ти? Экспедиціи же, какъ я хорошо убѣдился, не такъ страшны для хунхузовъ, какъ для мирныхъ жителей. Изъ десяти экспедицій одна бывала удачной. Остальныя же въ большинствѣ оканчивались ничѣмъ.

У хунхузовъ отлично организована развѣдочная служба. И лишь только гдѣ начались у насъ сборы... какъ уже разбойники знаютъ объ этомъ и заблаговременно удаляются.

Кромѣ того, экспедиціи неудобны тѣмъ, что какъ бы онѣ ни были осторожны, всетаки жители сильно страдаютъ отъ нихъ и терпятъ убытки. Да не только въ Манчжуріи, а спросите нашего крестьянина, гдѣ-нибудь подъ Псковомъ или подъ Москвой, во время маневровъ, будетъ ли онъ доволенъ, ежели въ его деревнѣ переночуетъ сотня казаковъ? И не смотря на то, что за каждую малѣйшую потраву будетъ ему уплачено, онъ всетаки не радъ незваннымъ гостямъ. То казакъ заберется на женскую половину, то курицу стащитъ, или корыто на дрова изрубитъ. А тамъ въ Манчжуріи, за 10 тыс. верстъ, кто будетъ провѣрять

и подсчитывать убытки китайцевъ!—Кому охота!—Вотъ поэтому-то я противъ экспедицій. А между тѣмъ, ежели ихъ не дѣлать, то по выходѣ гарнизоновъ, конечно, будутъ скопляться вблизи дороги въ извѣстныхъ пунктахъ шайки хунхузовъ. Туда будутъ свозиться и огнестрѣльные припасы и оружіе и все, что нужно для нападеній. Къ гарнизонамъ нашимъ китайцы уже привыкли, сжились съ ними и даже подружились. Въ Гиринѣ, гдѣ мнѣ пришлось пробыть 4 мѣсяца, я наглядѣлся на это. Первое время, положимъ, дѣла шли плоховато, но затѣмъ отношенія установились самыя сердечныя. По крайней мѣрѣ, такъ было при мнѣ. Генералъ Гродековъ строжайше относился къ самымъ малѣйшимъ несправедливостямъ со стороны нашихъ войскъ.

Простыхъ китайцевъ, рабочихъ, возили тогда и зимой на открытыхъ платформахъ. Морозы же въ Манчжуріи, какъ извѣстно, бываютъ жестокіе, въ особенности при вѣтрѣ. И вотъ, въ такой-то холодъ везутъ ихъ, несчастныхъ, ничѣмъ не прикрытыхъ. Везутъ день, везутъ другой. Согрѣться негдѣ, и въ результатѣ получилось: придетъ платформа, и на ней нѣсколько человѣкъ замерзнувшихъ. Ну, ихъ и выкидываютъ подальше въ сторону, лишь бы съ глазъ долой. Я самъ видѣлъ такихъ нѣсколько труповъ—въ сторонѣ отъ дороги.

Проѣхали Хинганъ.—Проходятъ еще сутки, подъѣзжаемъ къ Фулярди. Здѣсь мѣста уже знакомы. Здѣсь

я въ прошломъ году осматривалъ помѣщеніе для войскъ, и 9-й подвижной госпиталь. Но какъ все измѣнилось! Какъ отстроилось, и не узнать. Дорога идетъ къ мосту черезъ рѣку Нони. У моста насыпь высоко подымается. Она не готова, да и самый мостъ только начинаютъ строить. Поѣзда движутся черепашьимъ шагомъ по временному деревянному мосту. Вагоны двигаютъ китайцы на рукахъ. Паровозы по немъ не ходятъ. Работы на новомъ мосту производятся очень энергично, при электрическомъ освѣщеніи. Рабочихъ множество. Оживленіе кругомъ большое. Деньги дѣлаютъ свое дѣло. Мнѣ говорили, что черезъ полгода мостъ будетъ готовъ. Строителемъ его называли нѣкоего молодого инженера Лентовскаго. Онъ-же строилъ мостъ въ Харбинѣ черезъ Сунгари, и выстроилъ отлично. Просто не вѣрится, чтобы черезъ такую широкую рѣку, какъ Нони, можно было выстроить въ полгода такой колоссальный желѣзный мостъ, на каменныхъ устояхъ.

Отъ Фулярди до Харбина всего двѣсти верстъ. Здѣсь мѣстность представляетъ сплошную равнину. Путь этотъ мнѣ хорошо знакомъ, такъ какъ я проѣхалъ по немъ въ прошломъ году на дрезинѣ... Хотя дорогу теперь и поправили, но плохо. Въ одномъ мѣстѣ вдругъ поѣздъ нашъ начинаетъ сильно кидать изъ стороны въ сторону, и наконецъ онъ останавливается.

Выглядываю изъ окна, смотрю—всѣ пассажиры вышли... и разгуливаютъ около пути. Я тоже иду узнавать, въ чемъ дѣло. Оказывается, три вагона 4-го

класса, съ китайцами, сошли съ рельсовъ, и китайцы, одинъ за другимъ, замѣтивъ что-то неладное, давай на ходу выпрыгивать изъ вагоновъ. Путь былъ такъ плохъ, что когда станешь на одинъ конецъ шпалы, то другой приподымался. Кое-какъ, при помощи домкратовъ, вагоны поставили на рельсы, и мы поѣхали дальше. Но не отъѣхали и ста саженей, какъ опять потерпѣли крушеніе. И такъ повторилось три раза на одномъ перегонѣ.

Харбинъ! Харбинъ!—слышатся возгласы. Смотрю, дѣйствительно пріѣхали въ Харбинъ. Давно-ли я здѣсь былъ...—а какъ онъ перемѣнился! Гдѣ тотъ разгромъ, тѣ развалины, обгорѣлые остовы домовъ, безконечныя вереницы ободранныхъ и обгорѣлыхъ вагоновъ? Все это исчезло, точно по волшебству, и чистенькіе, новенькіе домики какъ-бы щеголяли одинъ передъ другимъ.

IV.

Харбинъ.

Здѣсь я разстаюсь съ моимъ милымъ спутникомъ Десуляви. Онъ въ тотъ же день долженъ былъ ѣхать дальше на Хабаровскъ. Беру вещи, сажусь на извощика и направляюсь къ дому Генералъ-Губернатора... Подъѣзжаю къ Сунгари. Глазамъ моимъ представляется громадный желѣзный мостъ. Сунгари здѣсь около версты длиной. Вдоль моста бѣлѣетъ новая деревянная настилка. Постороннихъ не пускаютъ, въ особенности китайцевъ. Боятся поджоговъ. Часовые стоятъ и караулятъ. Видъ съ моста прелестный. Окрестности далеко видны... Жаль только, что день пасмурный. Сунгари замерзла и вдали, какъ мухи, чернѣли вереницы китайцевъ, переправлявшихся по льду. Переѣзжаю мостъ, и направляюсь къ дому Гродекова. Первый, кто меня встрѣчаетъ тамъ,—это хмурый на видъ чиновникъ Мурышевъ.

— Какъ вы сюда попали?—удивленно кричитъ онъ и заключаетъ меня въ свои геркулесовскія объятія.

— Ѣду въ Портъ-Артуръ, въ Пекинъ,—говорю ему.

— А не къ намъ?

— Нѣтъ. Я командированъ прямо въ тѣ края.— А генералъ дома?

— Уѣхалъ, – скоро вернется.—

За Мурашевымъ выбѣгаетъ молодежь: адъютанты: маленькій, худенькій Андреевскій и солидный Сарычевъ. Опять объятія и разспросы,—что, какъ и почему? Подумаешь, долго-ли пробылъ я при штабѣ Гродекова, а между тѣмъ, теперь чувствовалъ себя, какъ дома.

Радостямъ и разспросамъ нѣтъ конца. За мое отсутствіе здѣсь выстроили для командующаго войсками большой деревянный домъ съ просторными комнатами. Теперь уже генералъ-губернатору не пришлось безпокоить строителя дороги Юговича и занимать его жилище, какъ то было во время войны.

Уже двое сутокъ, какъ я живу здѣсь, а генерала моего все нѣтъ и нѣтъ. Онъ уѣхалъ куда-то на лошадяхъ верстъ за 200. Но вотъ вбѣгаетъ ко мнѣ Мурышевъ и запыхавшись говоритъ: — Получена телеграмма, сегодня въ 11 ч. утра пріѣзжаетъ командующій войсками.—Дѣйствительно, около этого времени останавливается у подъѣзда тарантасъ, запря-

женный тройкой гнѣдыхъ лошадей. Отъ обмерзнувшаго пота, кони казались сѣдыми. Изъ экипажа вылѣзаетъ, въ енотовой шинели, Гродековъ, а за нимъ генералъ - квартирмейстеръ полковникъ Орановскій, очень милый человѣкъ, еще молодой, лѣтъ тридцати пяти.

— Вы какъ здѣсь?—удивленно кричитъ Гродековъ, увидѣвъ меня.

— Командированъ въ Китай! докладываю я.

— А не ко мнѣ?

— Никакъ нѣтъ!

— Что-же вы не предупредили меня телеграммой!—пеняетъ генералъ, затѣмъ идетъ въ домъ.

Гродековъ былъ въ духѣ и много разспрашивалъ о Петербургѣ.

— Ну вотъ, погостите у насъ, отпразднуемъ Георгіевскій праздникъ. Сегодня которое? 23-е, ну недалеко.

Я поблагодарилъ и остался.

Время стояло холодное. Хотя снѣгу не было, но въ воздухѣ летали морозныя искры. У подъѣзда дома командующаго войсками, парные часовые стоятъ въ такихъ теплыхъ дубленыхъ черныхъ полушубкахъ, что только можно позавидовать. Папахи громадныя, мохнатыя, тоже черныя. И не одни часовые на своихъ постахъ,—нѣтъ—всѣ войска у Гродекова одѣты въ Манчжуріи такимъ образомъ. Онъ наблюдалъ удивительно строго за тѣмъ, чтобы солдатъ его былъ

тепло одѣтъ, сытно ѣлъ и хорошо былъ помѣщенъ. Въ этомъ я вполнѣ убѣдился изъ прошлогодней командировки. Въ этомъ отношеніи, Гродековъ и не могъ иначе поступать, такъ какъ онъ *) прошелъ двѣ такихъ удивительныхъ школы, — сначала Кауфмана, Константина Петровича,—а затѣмъ Скобелева.

26-е ноября. Утро. Обширный домъ Гродекова принялъ необыкновенно оживленный видъ. Десятка два солдатъ и унтеръ-офицеровъ, выбранныхъ отъ разныхъ частей, проворныхъ, расторопныхъ, гладко выбритыхъ, прилизанныхъ, примасленныхъ, прифранченныхъ, суетились на цыпочкахъ около столовъ, въ просторномъ залѣ. Отодвигали мебель, составляли доски, скрѣпляли, накрывали скатертями и возились съ посудой. Обѣдъ заказанъ лучшему кухмистеру въ Харбинѣ. Гродековъ хлѣбосолъ и любитъ покормить гостей. Къ часу пополудни громадный столъ поставленъ покоемъ, человѣкъ на полтораста. День солнечный, отличный. Гости съѣхались. Когда я сидѣлъ за этимъ роскошнымъ столомъ, украшеннымъ цвѣтами, блестящей сервировкой, и пилъ шампанское, то какъ-то не вѣрилось, чтобы все это происходило въ Харбинѣ. Давно ли городокъ этотъ появился на картѣ? Давно ли дѣти въ школахъ стали изучать его? А между тѣмъ посмотрите, какъ онъ ростетъ. Какое завоевываетъ себѣ положеніе въ торговомъ и желѣзно-

*) Слова А. Н. Куропаткина.

дорожномъ мірѣ! И вѣдь стоитъ только взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, какая роль предстоитъ ему. Связываетъ Югъ съ Сѣверомъ по Сунгари, и Западъ съ Востокомъ сплошной желѣзнодорожной линіей.

— Господа, за здоровье Государя Императора! — торжественно провозглашаетъ хозяинъ, встаетъ и высоко поднимаетъ бокалъ.

— Ура-а-а-а—вырывается изъ сотенъ устъ и гремитъ по залѣ. Противъ Гродекова стоятъ, съ бокалами въ рукахъ, главные представители здѣшней власти: строитель дороги Юговичъ, полный, симпатичный мужчина, лѣтъ подъ шестьдесятъ. Рядомъ, его помощникъ Игнаціусъ, красивый, представительный, съ длинной русой бородой. Поистинѣ можно сказать, что два эти лица вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть постройки Манчжурской дороги въ 2500 верстъ. Вѣдь она построена съ изумительной быстротой,—въ какихъ-нибудь 5 лѣтъ, включая сюда и китайскій погромъ. Помню хорошо, что когда бывало ни заѣдешь къ этимъ господамъ на квартиру,—утромъ, днемъ или вечеромъ, никогда ихъ не застанешь.

— Пожалуйте въ канцелярію, они тамъ,—докладывалъ слуга. И вотъ «тамъ», въ маленькой душной комнатѣ съ низенькимъ потолкомъ, сидятъ они оба и трудятся надъ планами, чертежами и счетами,— съ утра и до поздней ночи.

Рядомъ съ Юговичемъ и Игнаціусомъ стоятъ,— начальникъ гарнизона генералъ-маіоръ Алексѣевъ,

ѳосанистый, краснощекій здоровякъ,—а по другую сторону генералъ маіоръ Гернгроссъ, георгіевскій кавалеръ; только не здоровякъ и не краснощекій, а тощій, высокій, лысый и худощавый, предобрѣйшей души человѣкъ. Дальше,—тоже все знакомыя лица. Военные перемѣшались со статскими. Тутъ можно встрѣтить всѣ вѣдомства. Въ Харбинъ перебрались понемножку уже всѣ учрежденія, до мирового суда включительно. Лица у всѣхъ веселыя, довольныя. Всѣмъ хочется кричать «ура» и пожелать здоровья Державному Властителю всея Россіи. Долго не смолкаютъ восторженные крики. Гродековъ молча стоитъ съ бокаломъ въ рукѣ и посматриваетъ черезъ очки на окружающихъ.

— За здоровье командующаго войсками генерала Гродекова!—отчаянно-рѣзкимъ, какимъ-то надрывающимъ голосомъ, красный какъ ракъ, кричитъ генералъ Алексѣевъ и, весь сіяющій отъ радости, чокается съ Генералъ-Губернаторомъ. Всѣ тянутся съ бокалами. Гродековъ самъ не рѣчистъ и рѣчей не любитъ. Самое большое, что кивнетъ головой—и кончено.

Не забуду, какъ онъ въ прошлую кампанію уѣзжалъ куда-то изъ Харбина. Провожать его собрался весь городъ. Экипажъ поданъ. Конвой стоитъ выстроившись. Гродековъ беретъ руку подъ козырекъ,—смотритъ то направо, то налѣво.—Всѣ конечно ждутъ, что̀ генералъ скажетъ. А онъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ,—козырнулъ еще разъ,—сѣлъ въ коляску, да и прощайте.

Обѣдъ кончился. У Гродекова за обѣдъ не благодарятъ. Онъ сейчасъ-же изъ-за стола уходитъ къ себѣ въ кабинетъ и принимается за работу. Занимается дѣлами цѣлый день, съ утра и до вечера. Спать ложится рано, часовъ въ 10-ть.

Начинается разъѣздъ. У подъѣзда собрались «господа». Разгоряченные отъ выпитаго шампанскаго, они съ жаромъ о чемъ-то разговариваютъ, спорятъ, смѣются, жестикулируютъ. Тутъ, я вижу нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ адъютантовъ Гродекова.

— У меня, братъ, денегъ нѣтъ. Всего три рубля!— баситъ Г., кутаясь въ теплую шинель. Хочешь, ѣдемъ, а тамъ—какъ знаешь. Долго шушукаются они на морозѣ, топчутся, смѣются, затѣмъ усаживаются въ коляски, запряженныя тройками коней съ бубенчиками, и съ шумомъ и громомъ уѣзжаютъ. У подъѣзда тишина. Одни парные часовые въ шубахъ зорко слѣдятъ, какъ-бы не прозѣвать и бойко отдать честь.

V.

Отъ Харбина до Портъ-Артура.

Въ тотъ же день, т. е. 26 ноября, поздно вечеромъ, ѣду въ Портъ-Артуръ. До вокзала меня провожаютъ мои милые товарищи,—офицеры штаба Гродекова,—Орановскій, Сарычевъ, Андреевскій, Фоминъ и Мурышевъ.

Я уже говорилъ, что дорога была еще вновѣ,—правильнаго пассажирскаго движенія не существовало, но нѣкоторыя картинки, на которыя я натолкнулся здѣсь, были настолько интересны, что не могу не описать ихъ.

Утро. Выхожу изъ вагона, морозъ сильный. Смотрю: полупьяный кондукторъ выгоняетъ изъ вагона китайцевъ-пассажировъ. Выгналъ изъ одного,—выгоняетъ изъ другого. Китайцы столпились на платформѣ, человѣкъ около сотни, и видимо не понимаютъ, что съ ними дѣлаютъ. Подхожу къ кондуктору и спрашиваю:

за что ты ихъ гонишь? Тотъ, мало обращая вниманія на мой вопросъ, въ полъ-оборота небрежно кричитъ: а за то, что у нихъ билеты фальшивые.

— Какъ фальшивые?—да гдѣ же они взяли ихъ? Кто имъ ихъ продалъ! восклицаю съ негодованіемъ.

Но кондукторъ свиститъ, поѣздъ трогается,—и мои бѣдные «китаезы», какъ ихъ здѣсь называютъ, въ недоумѣніи смотрятъ по сторонамъ,—ожидая, что съ ними будутъ дѣлать.

А то, сижу въ своемъ маленькомъ вагончикѣ и играю въ винтъ съ тремя офицерами, которыхъ пригласилъ къ себѣ для компаніи, изъ вагона 3-го класса. Вдругъ на одной станціи вбѣгаетъ мальчикъ, лѣтъ десяти, сынъ одного изъ моихъ партнеровъ, и взволнованнымъ голосомъ кричитъ:

— Папа, иди скорѣй, тамъ какой-то господинъ требуетъ съ мамы деньги за проѣздъ!

— Какія деньги!—гнѣвно восклицаетъ тотъ.— Проѣздъ пока даровой! Бросаетъ карты и уходитъ. Черезъ нѣкоторое время, возвращается и сумрачно восклицаетъ:

— Вотъ нахальство!—Какой-то молодецъ нацѣпилъ на себя путейскую фуражку, всѣхъ обходитъ и требуетъ билеты. А ежели нѣтъ, то давай ему полтинникъ.—Ну,—я же его и осадилъ, больше не сунется.

Отъ Харбина до Портъ-Артура дорога значительно лучше. Станціи каменныя. Жаль только, что бу-

феты расчитаны на малое количество посѣтителей. Въ нихъ всегда такая давка, что пошевельнуться негдѣ.

Затѣмъ, что въ особенности бросается въ глаза на здѣшней линіи, это масса китайцевъ, которые предлагаютъ разные продукты: хлѣбъ, яйца, фрукты и т. п. Въ то время, какъ буфетчики, по преимуществу армяне, дерутъ съ пассажировъ баснословныя цѣны, — китайцевъ этихъ на платформы не пускаютъ и отгоняютъ далеко. Конечно, это дѣлается по желанію буфетчика, чтобы ему не было конкуренціи. Оно и понятно. Китаецъ продаетъ жареную курицу за 20 коп., а въ буфетѣ за нее просятъ 2 рубля. Но чѣмъ же виноваты пассажиры? Другой несчастный бѣднякъ ѣдетъ съ семьей, гдѣ ему платить такія цѣны? Вѣдь за тарелку пустыхъ щей съ меня спросили на одной станціи полтинникъ. Помню, на обратномъ пути моемъ изъ Пекина, съ моего спутника, французскаго полковника Маршана, за бутылку прокислаго пива взяли рубль. Онъ тутъ-же при мнѣ записалъ этотъ фактъ въ свою записную книжку. То-ли-бы дѣло, на платформахъ устроить навѣсы для торговцевъ-китайцевъ. Каждый-бы изъ нихъ зналъ свой балаганчикъ и заранѣе приготовлялъ продукты. По этой линіи много деревень. Населеніе густое, а потому жизненные припасы дешевы. Этой простой мѣрой интересы жителей были-бы связаны съ интересами желѣзной дороги. Такимъ образомъ путемъ торговли можно было-

бы притянуть мѣстныхъ жителей на нашу сторону гораздо скорѣй, чѣмъ военной силой.

«Станція Мукденъ»,—читаю на стѣнѣ надпись. Думалъ-ли я когда, что до этого таинственнаго города, китайской Москвы, можно будетъ добраться такимъ спокойнымъ образомъ? Выхожу на платформу, спрашиваю, далеко-ли до города,—говорятъ 30 верстъ. У станціи стоитъ съ десятокъ китайскихъ двуколокъ,—крытыхъ телѣжекъ. Это китайскіе извощики предлагаютъ свои услуги по перевозкѣ. Но не дай Богъ сѣсть въ такую телѣжку. Съ непривычки ѣзда въ ней совершенная пытка: ни разогнуться, ни протянуться. Ну, горе, да и только! Я нѣсколько разъ пробовалъ въ ней ѣздить, и каждый разъ предпочиталъ идти пѣшкомъ. Между тѣмъ, китаецъ ѣздитъ въ ней уже тысячи лѣтъ, и не смѣетъ измѣнить ея конструкцію.

Чѣмъ ближе подъѣзжаемъ къ Портъ-Артуру, тѣмъ красивѣе и роскошнѣе выглядитъ наша дорога. На нѣкоторыхъ станціяхъ дома походятъ на маленькія палаццо заграничныхъ богачей,—такъ красиво и солидно выстроены. Почти отъ самаго Харбина, вплоть до Артура, окрестности дороги представляютъ сплошныя воздѣланныя поля и огороды. Земля идеально обработана. Борозды проведены, точно по циркулю. Ну, залюбуешься. Китайцы удивительные землепашцы.

VI.

Портъ-Артуръ.

На 3-й день утромъ гляжу въ окно, на горизонтѣ мелькаетъ заливъ. Батюшки мои, да вѣдь это уже воды Тихаго Океана! Невольно въ душѣ начинаешь творить молитву и благодарить Бога за столь благополучное путешествіе, слишкомъ въ 10 тысячъ верстъ.

Вотъ, что значитъ цивилизація. Какой громадный шагъ впередъ! Всего въ три недѣли, почти не мѣняя вагона, добраться изъ Петербурга до Тихаго Океана. И вѣдь это теперь, когда намъ приходилось на одной станціи три раза съ рельсъ сходить, когда не готовы туннели и мосты. А когда все это будетъ закончено и установится правильное движеніе,—тогда сколько времени проведешь въ пути? Самое

большое—двѣ недѣли. А поѣздъ все подается впередъ. Вдали мелькнули постройки на возвышенностяхъ, должно быть укрѣпленія. Еще одинъ поворотъ, и мы останавливаемся. Пропасть народу ожидало прибытія поѣзда, и военные и статскіе. Много офицеровъ пріѣхало встрѣтить своихъ родныхъ. Больше всего осадили меня китайскіе извощики со своими рикшами,—ручными телѣжками. Въ Харбинѣ ихъ нѣтъ. Здѣсь я встрѣтилъ ихъ впервые. Но сѣсть не рѣшился, а предпочелъ взять русскаго извощика, на парѣ маленькихъ забайкальскихъ лошадокъ.—Еще изъ Харбина телеграфировалъ я одному пріятелю-офицеру о моемъ пріѣздѣ, дабы приготовилъ номеръ,—поэтому онъ меня встрѣтилъ. Въ гостинницахъ, свободныхъ номеровъ не оказалось. Ѣдемъ въ домъ командира 9-го стрѣлковаго В.-Сиб. полка, полковника Разнатовскаго.—Городъ преинтересный. Такого я еще не видалъ. Сначала ѣдемъ вдоль бухты, сплошь установленной различными судами. Виднѣется цѣлый лѣсъ мачтъ. Набережная завалена горами каменнаго угля и бунтами разнаго провіанта. Фигуры матросовъ, въ ихъ синихъ курткахъ, такъ и мелькали повсюду. Сразу видно, что это морской городъ. Онъ построенъ на горахъ. Постройки мелькаютъ то по вершинамъ горъ, то у подножья, то на скатахъ, то въ выемкахъ. Большихъ, роскошныхъ зданій нѣтъ. Все какія-то лачуги, не то на китайскій манеръ, не то на русскій, не то на японскій, — не разберешь. Одна особенность здѣсь

рѣзко бросается въ глаза,—это то, что почти къ каждому дому надо взбираться по каменнымъ крутымъ ступенямъ. Лѣстницы безъ перилъ. Съ непривычки, такія путешествія должны быть очень обременительны. Улицы узенькія. Два экипажа съ трудомъ разъѣзжаются. Рикши съ пассажирами и безъ пассажировъ, поминутно снуютъ во всѣ стороны. Того и смотри, раздавишь. Хотя было довольно рано, но жизнь на улицахъ уже кипѣла.

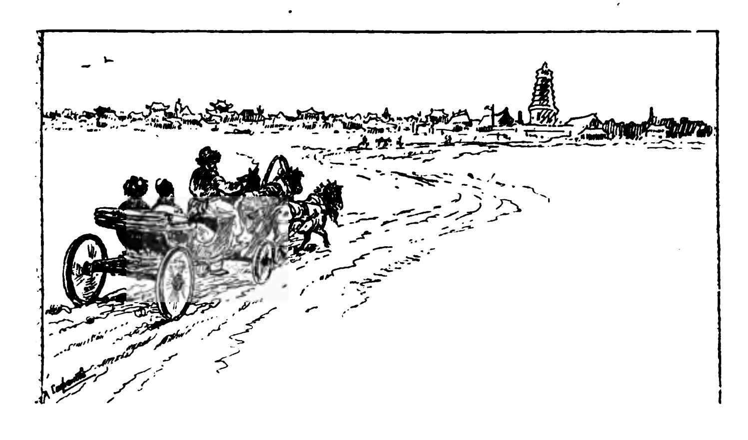
На другой день, въ девять часовъ утра, я уже являлся Начальнику Квантунской области, Генералъ-Адъютанту Алексѣеву. Невысокаго роста, приземистый, съ сѣдоватой бородкой, генералъ производилъ очень симпатичное впечатлѣніе.

— Пожалуйста, ежели что вамъ нужно по вашей командировкѣ, обращайтесь ко мнѣ. Готовъ помочь чѣмъ могу,—ласково сказалъ онъ мнѣ на прощанье.

1-го декабря состоялся въ морскомъ собраніи балъ. Его давали офицеры тѣхъ морскихъ гигантовъ-броненосцевъ, которые возвращались въ Кронштадтъ. Балъ вышелъ на славу. Приглашенъ былъ весь городъ.—И вотъ, когда я глядѣлъ на танцующихъ,—какъ кружились подъ музыку блестящіе кавалеры по глянцевитому полу, подхвативши разодѣтыхъ дамъ, официанты разносили на подносахъ прохладительные напитки, фрукты, мороженое,—то просто не вѣрилось, чтобы это происходило въ Портъ-Артурѣ. Вѣдь

всего 4 года, какъ городъ этотъ находится въ нашихъ рукахъ. Долго гремѣла музыка, долго веселилась молодежь. Уже свѣтать стало, а въ залѣ все еще слышались повелительныя слова распорядителя танцами: «Grand rond! Changez de dames!» и т. д.

VII.

Мукденъ *).

Съ трепетомъ въ сердцѣ выѣзжаю въ тарантасѣ рано утромъ со станціи Мукденъ въ древнюю столицу Китая, — эту усыпальницу китайскихъ царей.

*) Вотъ, что говоритъ молодой профессоръ Шмидтъ о Мукденѣ и его основателяхъ:

Родина основателя манчжурской династіи Нурхаци, по китайски Тайцзу, была около Нингуты. Въ началѣ 17-го вѣка онъ перенесъ свою резиденцію въ Тѣ-линъ, потомъ Ляоянъ и наконецъ въ Мукденъ. Послѣ основанія столицы въ Мукденѣ, и были построены четыре буддійскихъ пагоды по 4 сторонамъ города.

Нурхаци умеръ около 1630 года. Могила его находится въ 10 верстахъ отъ Мукдена (Фу-линъ). Латы Нурхаци показываютъ въ кумирнѣ Хуанъ-сы, не далеко отъ Мукдена. Сынъ его Абахай, по китайски Тай-цзунъ, царствовалъ до 1644 года. Могила его находится въ пяти верстахъ отъ Мукдена (Чжао-линъ). Въ 1644 г. сынъ его Шун-чжи занялъ Пекинъ, перенесъ столицу сюда, и съ этихъ поръ хоронятъ императоровъ уже около Пекина, въ такъ называемыхъ восточныхъ и западныхъ могилахъ. Прославленіемъ манчжурскаго дома былъ заинтересованъ особенно четвертый китайскій императоръ манчжурской династіи, Цзянь-лунъ (1736—1796).

Разстояніе тутъ, какъ уже я говорилъ, около 30 верстъ. Снѣгъ на поляхъ лежалъ порядочный. Кругомъ все бѣло. Мѣстность ровная. Я весь поглощенъ интересомъ увидѣть китайскую святыню. Вотъ переѣзжаемъ мостъ. Онъ крайне интересенъ. Построенъ, очевидно, такъ,

---

Онъ и построилъ всѣ дворцы въ Мукденѣ и всѣ три кладбища древнихъ манчжурскихъ князей и ихъ родоначальниковъ. Кладбище предковъ Нурхаци онъ будто нашелъ около 100 верстъ за Мукденомъ (Юнь-линъ). Такъ какъ все перестроено при Цяньлунѣ, то намъ трудно судить о первоначальномъ состояніи этихъ могилъ.

Молодой же синологъ Арс. Ник. Вознесенскій сообщаетъ мнѣ о Мукденѣ слѣдующія строки:

Мукденъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Манчжуріи, извѣстный при Цинской, Киданьской и Монгольской династіяхъ подъ именемъ Шэнъ-Чжоу, впослѣдствіи подъ именемъ Шэнъ-яна до 1612 года, когда завоевавшій его Нурхаци сдѣлалъ своей столицей. Съ тѣхъ поръ городъ оффиціально носитъ манчжурское названіе Мукденъ, то же, что по китайски Шэнъ-цзинъ, затѣмъ Фынъ-тянь-фу, но среди мѣстныхъ жителей извѣстенъ просто подъ названіемъ «городъ», «столица».

О. Іакинфъ говоритъ, что въ народѣ до сихъ поръ сохранилось старое названіе города Шэнъ-чжоу.

Около Мукдена находятся три императорскія кладбища, поклониться которымъ ѣздили всѣ императоры нынѣшней династіи до послѣдняго времени (точнѣе до императора Цзя-цзина въ 1796 г.). Эти кладбища—Юнъ-линъ, Фу-линъ и Чжао-линъ. Особенно чтутся два послѣднихъ, такъ какъ тамъ покоится прахъ первыхъ императоровъ нынѣшней Да-цинской династіи— Нурхаци, получившаго посмертный титулъ Тай-цзу-чао-хуанъ-ди и второго императора, Абахая, царствовавшаго уже на китайскомъ престолѣ,—Тай-цзунъ вэнь-хуанъ-ди. Рядомъ съ ними покоятся ихъ старшія жены, а въ нѣкоторомъ отдаленіи, на лѣво отъ нихъ,—вторыя жены.

Прахъ основателя династіи покоится на Фу-линскомъ кладбищѣ въ покояхъ Великой Милости (Лунъ-энь), на холмѣ Тянь-

чтобы стоять вѣка,—изъ громадныхъ плитъ. Перила фигурныя, изъ бѣлаго камня, по угламъ стоятъ чудовища, не то львы, не то собаки. А вонъ показался и Мукденъ. На бѣломъ фонѣ зачернѣли вершинки узорчатыхъ крышъ съ драконами, тріумфальныя арки, ворота, а вотъ и самый городъ.

Ѣдемъ главной улицей. Она довольно широкая, и что меня поражаетъ, послѣ тѣхъ китайскихъ городовъ, которые мнѣ довелось видѣть въ Манчжуріи, это поразительная чистота. Дорога гладкая, какъ скатерть. Поверхность ея отъ морозу блестѣла, и я ка-

---

чжу (небесная опора) въ 20 ли, т. е. 10 верстахъ, къ сѣверо-востоку отъ Мукдена.

Второй императоръ, Абхай (Тай-цзунъ), покоится на кладбищѣ Чжао-линъ, въ покояхъ извѣстныхъ подъ названіемъ тѣмъ-же, что и на Фу-линскомъ, на холмѣ Лунъ-ѣ (великое дѣло) къ сѣверо-западу отъ Мукдена въ 10-ти ли (5 в.).

Что касается наиболѣе отдаленнаго кладбища, Юнъ-линъ, то его занимаютъ могилы четырехъ предковъ основателей династіи, получившихъ титулъ Хуанъ-ди, послѣ провозглашенія манчжурскаго дома.—Имена ихъ Чжао-цзу-юань-хуанъ-ди, Синъ-чжу-чжи-хуанъди, Цзинъ-цзу-и-хуанъ-ди, Сянь-цзу-сюань-хуанъ-ди. Тамъ же находятся могилы ихъ женъ.

Юнъ-линское кладбище съ покоемъ Ци-юнь расположено на холмѣ Кай-юнь въ 250 ли (125 в.) къ востоку отъ Мукдена.

На кладбищахъ Фу-линъ и Чжао-линъ существуютъ особые инспектора (цзунь-нуань), вѣдающіе церемоніями въ годовщину смерти и дня рожденія покойныхъ императоровъ. Кромѣ того, особыя должностныя лица (Чжанъ-гуань-фанъ) совершаютъ траурныя церемоніи 1-е и 16-е число каждаго мѣсяца. Всѣ мѣстные, а также и пріѣзжающіе и временно находящіеся военные и гражданскіе чины, до 3-го класса включительно, обязаны присутствовать на этихъ церемоніяхъ. (См. Шэнъ-цзинъ-тунъ-чжи-бянь II, цюань 3. Библіотека СПБ. Универс.).

тился, точно по рельсамъ. По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись ряды лавокъ, изукрашенныхъ вычурной рѣзьбой, раскрашенной, раззолоченной и съ характерными китайскими надписями. Кое-гдѣ виднѣлись расклеенныя вывѣски изъ бѣлой бумаги съ русскими надписями: «Водка Смирновка». А вонъ четко написано: «ресторанъ»,—лавка «Бріони». Далѣе по русски и по китайски «Тифонтай».

Китайцы, какъ и европейцы, обозначаютъ родъ своей торговли изображеніемъ товара. Вонъ у дверей одной лавки вырѣзанъ изъ дерева громадный китайскій башмакъ, въ охватъ величиной. Онъ презабавно раскрашенъ и мѣстами позолоченъ. Это обозначаетъ, что здѣсь торгуютъ башмаками. Рядомъ висятъ въ дверяхъ колоссальныя, вырѣзанныя изъ дерева связки чоховъ, китайскихъ монетъ; это обозначаетъ мѣняльную лавку. Нѣкоторые дома заново отдѣлывались, другіе только строились. Очевидно, это поправлялись слѣды погрома послѣ войны. Я съ удовольствіемъ наблюдалъ фигуры китайскихъ купцовъ, сидящихъ за прилавками. Китайцы страшно любятъ торговать. Съ самаго малаго возраста ихъ идеалъ пріобрѣсти столько чоховъ, чтобы имѣть возможность завести какую-либо торговлю. Нѣтъ у него товара, такъ онъ хоть чижика посадитъ въ клѣтку и носитъ его по базару.

Поколесивши порядочно по городу, добираюсь до этапнаго коменданта. Это былъ старый, заслуженный капитанъ Гаганидзе. Маленькаго роста, широкій, убѣ-

Николай Егоровичъ Гаганидзе, этапный комендантъ г. Мукдена. Капитанъ 168-го Миргородскаго полка.

ленный сѣдинами, энергичный и очень подвижной господинъ. Сначала онъ-было отвелъ мнѣ большую комнату, но холодную. А какъ морозъ былъ сильный, и я порядочно продрогъ, то попросилъ я его отвести мнѣ комнату хотя бы и поменьше, но теплую. Такая, какъ разъ, нашлась у него свободной, съ большой горячей печкой. У китайцевъ печей нѣтъ. Они, какъ извѣстно, довольствуются канами, родъ нашихъ лежанокъ, только низенькихъ, длинныхъ, которыя замѣняютъ имъ и диванъ, и кровать.

Было 6-ое декабря. Комендантъ объявилъ, что на площади стараго дворца сегодня будетъ молебенъ и парадъ войскамъ, по случаю тезоименитства Государя Императора. Живо надѣваю мундиръ. Комендантъ далъ мнѣ свою повозочку и я качу на парадъ.—Къ этому времени, точно нарочно, погода испортилась. Поднялась вьюга со снѣгомъ. Морозъ дошелъ до 17-ти градусовъ.

Смотрю, вдали, среди обширнаго двора, стоятъ наши солдаты, составивъ ружья въ козлы, и отчаянно прыгаютъ, машутъ руками, колотятъ себя по бедрамъ и выкидываютъ всевозможныя антраша, чтобы сколько-нибудь согрѣться. Какъ водится, у насъ всегда на парадъ сбираются Богъ знаетъ въ какую рань. А тутъ, какъ нарочно, священникъ опоздалъ. Кромѣ того, ждали Дзянь-Дзюня.

Я представился нашимъ властямъ, познакомился съ начальникомъ Мукденскаго отряда, генераломъ Флей-

Парадъ въ Мукденъ.

шеромъ, начальниками отдѣльныхъ частей, и дожидаюсь вмѣстѣ съ прочими молебна. Невозможно было спокойно смотрѣть, какъ солдаты мерзли на холоду. А батюшки все нѣтъ и нѣтъ. И Дзянь-Дзюня нѣтъ. Наконецъ, они пожаловали. Священникъ подходитъ къ аналою, надѣваетъ рясу. Раздается команда «на молитву, шапки долой»—и молебенъ начинается. Никогда въ Россіи я не страдалъ такъ отъ холоду, какъ въ этотъ молебенъ. Въ прошломъ году, въ Гиринѣ, во время Георгіевскаго парада, тоже былъ сильнѣйшій морозъ, но все не такой. Тогда солнце было. А тутъ день вышелъ пасмурный, вѣтеръ, снѣгъ. Мнѣ казалось, что моя непокрытая голова, вотъ-вотъ расколется пополамъ. Но все обошлось благополучно.

Въ первый же день ѣду съ визитомъ къ здѣшнему представителю китайской власти—Дзянь-Дзюню. Вхожу къ нему въ комнату. Это былъ еще бодрый мущина, брюнетъ, съ небольшой бородкой. Тутъ-же рядомъ, въ сторонкѣ, работали у него скорняки-китайцы, человѣкъ десять. Они приготовляли собольи курмы для Императорскаго двора. Все это готовилось въ Пекинъ для подарковъ къ Новому году. На стѣнахъ, на полу, на окнахъ, всюду лежали груды собольихъ шкурокъ, а также готовыхъ мѣховъ. Китайцы, съ серьезными лицами, кропотливо кроили ихъ и сшивали. Нѣкоторыя курмы были уже готовы и поражали своей роскошью. Мукденовскій Дзянь-Дзюнь—милый и любезный господинъ.

— Вамъ кланяется генералъ Церпицкій,—говорю ему черезъ переводчика.

— А-а-а-! а-а-а!—умильно ухмыляясь восклицаетъ онъ, перебирая шарики на своемъ ожерельѣ. Затѣмъ что-то оживленно говоритъ переводчику.

— Дзянь-Дзюнь очень благодаритъ и проситъ передать его превосходительству благодарность за память. Онъ здѣсь долго жилъ. Дзянь-Дзюнь очень его любятъ и помнятъ—почтительно докладываетъ переводчикъ.—Затѣмъ мнѣ задаютъ вопросы: сколько мнѣ лѣтъ? Когда я выѣхалъ и откуда? Сколько времени ѣхалъ? Хороша-ли дорога? Гдѣ остановился? Долго-ли думаю остаться въ Мукденѣ, и куда отсюда уѣду?— На все это я долженъ былъ отвѣтить. Угощеніе состояло изъ чая съ печеньемъ, фруктовъ и шампанскаго.

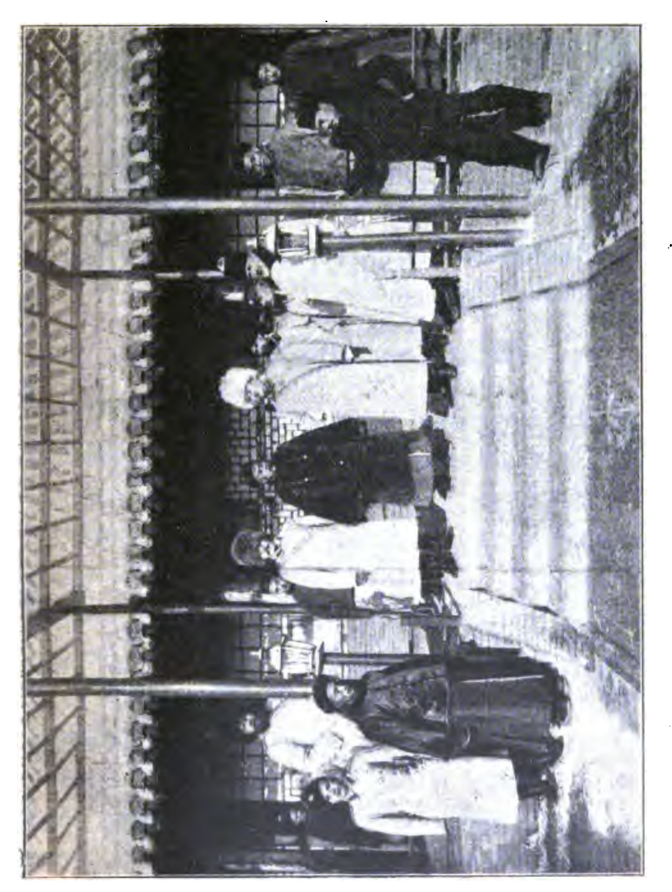
На другой день, около полудня, какъ я и ожидалъ, является переводчикъ Дзянь-Дзюня, съ красной визитной карточкой въ рукахъ, и объявляетъ, что повелитель Мукденовской провинціи сейчасъ прибудетъ. У меня уже заранѣе было приготовлено угощеніе. Шампанское, чай съ печеньями, фрукты, мармеладъ, бутылка сладкой кіевской наливки-вишневки, до которой китайцы большіе охотники, и банка съ вареньемъ. Это послѣднее они тоже очень любятъ. Во дворѣ показывается сначала конвой Дзянь-Дзюня съ тріумфальными сѣкирами и трезубцами, а за ними темнозеленый паланкинъ. Я встрѣчаю Дзянь-Дзюня, и въ

дверяхъ у насъ начинается легкое препирательство, кому взойти первому. Одновременно прибылъ и нашъ военный коммиссаръ при Дзянь-Дзюнѣ, подполковникъ Квецинскій, обязательный господинъ. Благодаря ему, я многое узналъ о китайцахъ и много повидалъ чудесъ въ Мукденѣ и его окрестностяхъ. Какъ только гости мои усѣлись, сейчасъ же началось угощеніе. Сколько Дзянь-Дзюнь, по китайскому обычаю, ни отнѣкивался, ему все-таки пришлось выпить,—прежде всего, конечно за дружбу Китая съ Россіей, затѣмъ за процвѣтаніе того и другого государства и такъ до безконечности.—Уже дѣло дошло до того, что моему гостю стало жарко. Онъ мотнулъ головой, и его слуга, стоявшій за спиной, осторожно снимаетъ съ головы своего повелителя шапку съ розоватымъ шарикомъ и павлинымъ перомъ, затѣмъ и соболью курму. Долго сидимъ мы, бесѣдуемъ и наконецъ разстаемся друзьями.

Дня черезъ два или три, Дзянь-Дзюнь дѣлаетъ мнѣ обѣдъ. Приглашаетъ всѣхъ своихъ мандариновъ, а также нашихъ представителей власти. Всего обѣдало человѣкъ 30. Обѣдъ тянулся часа 4—5. Подавалось блюдъ 40. Я сидѣлъ какъ разъ противъ Дзянь-Дзюня. Кушанья всѣ превкусныя. Помню, подаютъ въ чашечкѣ какой-то бульонъ.—Ну, просто пальчики оближешь.

— Что это за кушанье? Изъ чего приготовлено?— спрашиваю переводчика, который стоялъ за моимъ стуломъ.

Дзянь-Дзюнь, замѣтивъ это, говоритъ, что-то пе-

Дзянь-Дзюнь въ Мукденѣ, начальникъ отряда генералъ Флейшеръ и военный коммисаръ подполковникъ Квецинскій.

реводчику, добродушно ухмыляется и крутитъ свой длинный черный усъ.

— Дзянь-Дзюнь проситъ вамъ передать, что кушанье это самое лучшее,—приготовлено изъ внутренностей лягушки,—предупредительно восклицаетъ драгоманъ.

Всѣ эти прелести запивались шампанскимъ, безъ счету.

Вскорѣ послѣ того мы всѣ собрались къ Дзянь-Дзюню и снялись общей группой.

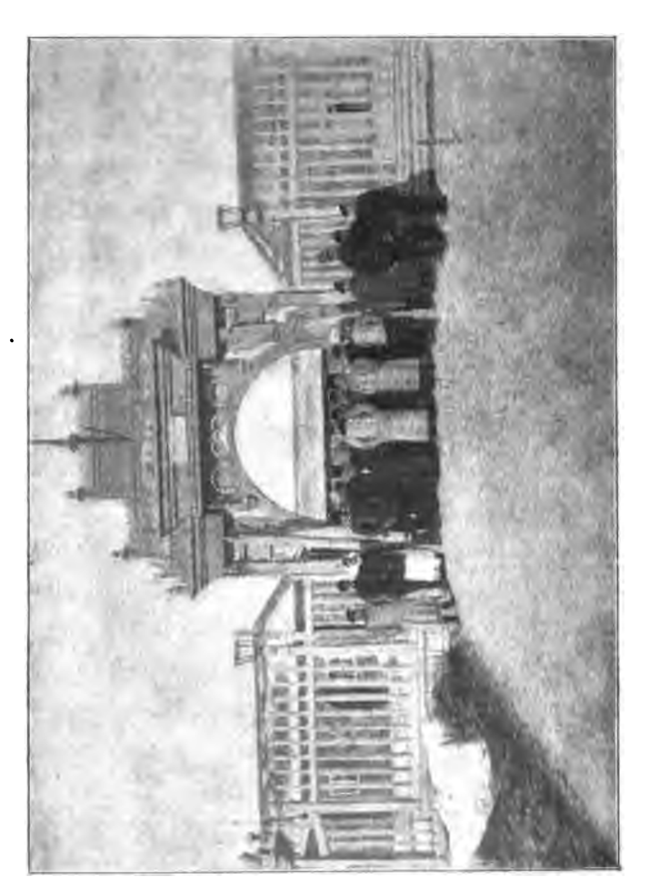

VIII.

Наши войска въ Мукденѣ.

Въ первые-же дни моего пребыванія въ Мукденѣ, я побывалъ въ помѣщеніи нашихъ войскъ и осмотрѣлъ его. Удивительно, какъ наши солдаты умѣютъ быстро устраиваться. Когда я ходилъ по ихъ жилищамъ, мнѣ даже не вѣрилось, чтобы это были китайскія фанзы. Стараго въ нихъ остались только стѣны. Вездѣ уютно, свѣтло. Бумажныя окна замѣнены стеклянными, воздуху достаточно. Солдаты веселые и бодрые. Конечно, помѣщенія нельзя было сравнивать съ россійскими казармами, но вѣдь надо было помнить, что все это временное, приспособленное на скорую руку, и сравнительно на гроши. Ежели не ошибаюсь, то отъ казны разрѣшено было израсходовать, въ общемъ, на устройство помѣщенія что-то около полутора рубля на человѣка, что составляло на роту около трехсотъ рублей. Можно-ли же многаго и спрашивать при такихъ

166-й подвижной госпиталь въ Мукденѣ.

отпускахъ? Пища вездѣ, гдѣ я ни попробовалъ, была прямо-таки отличная. Да вѣдь и не мудрено. Денегъ отпускалось много, а провизія была дешевая, въ особенности мясо. Зелени и овощей сколько угодно, и самой разнообразной. Солдаты наши особенно тосковали о кислой квашеной капустѣ. Хоть какую ни на есть, а подай кислую. Въ этомъ случаѣ невольно вспомнились слова Карамзина:—«И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ».—Это-же самое явленіе я замѣтилъ еще въ прошломъ году въ Гиринскомъ гарнизонѣ. Тамъ тоже были сѣтованія, что нельзя достать кислой капусты. Нѣкоторые-же начальники частей умудрялись привозить съ собой сотни пудовъ этого продукта. И не смотря на то, что, случалось, дорогой кадки ломались, разсолъ стекалъ, капуста портилась,—всетаки ее ѣли съ великимъ наслажденіемъ и предпочитали прекрасной свѣжей китайской. Тоже самое происходило съ крупой. У китайцевъ приготовляется изъ чумизы хорошая крупа, вкусомъ и цвѣтомъ похожая на нашу пшенную, только мельче. Я ѣлъ ее съ большой охотой. Солдатъ же нашъ отворачивался отъ нея. Подай ему непремѣнно русскую пшенную! Часто крупу привозили плохого качества, но всетаки ее предпочитали самой лучшей мѣстной китайской. А вѣдь надо только подумать, какой цѣной обходилось здѣсь все русское!

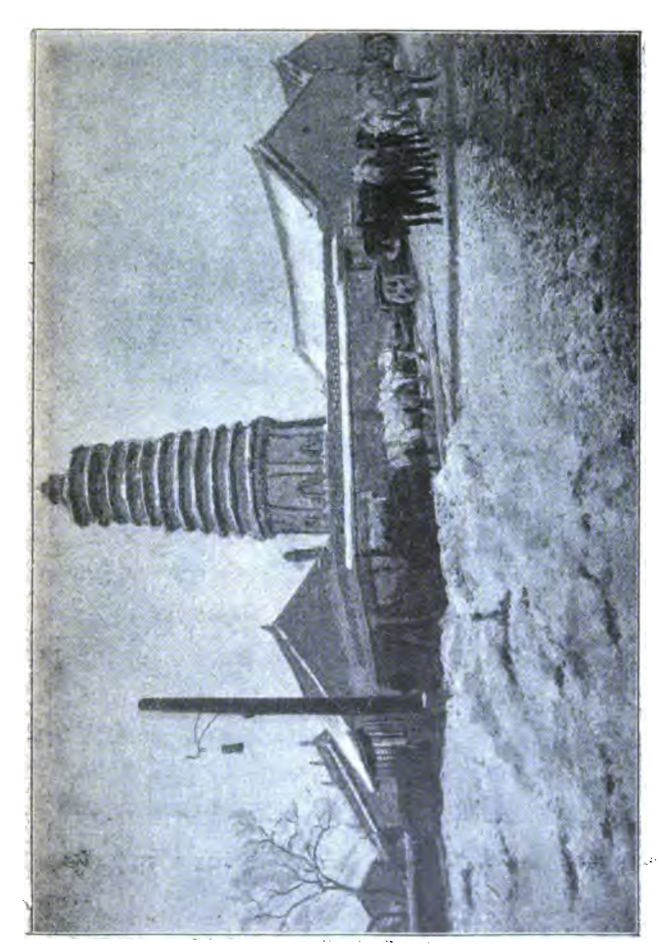
Жизнь въ Мукденѣ, какъ и вообще въ Китаѣ, начинается съ восходомъ солнца. Китаецъ, какъ вста-

5*

нетъ, сейчасъ-же принимается за ѣду. Ѣстъ нѣсколько перемѣнъ кушаній, затѣмъ пьетъ чай. Чуть свѣтъ, уже торговля открывается.

Мукденъ старинный городъ, столица Южной Манчжуріи. Въ немъ много интересныхъ построекъ. Въ особенности интересны древнія башни. Когда онѣ строены и кѣмъ,—я, сколько ни спрашивалъ, ни отъ кого не могъ добиться. А стоитъ только подойти къ одной изъ нихъ поближе и взглянуть, чтобы убѣдиться, сколько она стара. Одна такая стоитъ почти въ центрѣ города, осьмигранная, вышиной саженей 30. Снаружи обвѣтрилась, всѣ украшенія съ нея обвалились. Мѣстами видны небольшія ниши, въ которыхъ стоятъ каменныя изображенія какихъ-то фигуръ, должно быть, святыхъ. Затѣмъ видны надписи и разныя другія фигуры, но все это на такой высотѣ, что ни разобрать, ни сфотографировать невозможно. Ходилъ я, ходилъ вокругъ этой башни, даже досада взяла, что ни отъ кого о ней нельзя ничего узнать. Дзянь-Дзюня спрашивалъ,—и тотъ не знаетъ.

Около этого времени я посѣтилъ главнаго ламу Мукденской провинціи. Онъ жилъ въ 3-хъ верстахъ отъ города. Славный, добродушный старикъ, величайшій хлѣбосолъ. У старика заболѣли глаза съ полъ-года назадъ. Ихъ лечилъ китайскій докторъ. И теперь дѣло дошло до того, что лама почти совершенно ослѣпъ. — Мы всѣ снялись у него группой.

Древняя башня въ Мукденѣ.

Главный монгольскій лама и его помощникъ.

Рядомъ съ ламой стоитъ его молодой замѣститель. На лѣсенкѣ, у моихъ ногъ, расположился капитанъ Ивановъ, завѣдующій Мукденовскимъ дворцомъ, а на лѣвомъ флангѣ флигель-адъютантъ, лейтенантъ Бойсманъ.

IX.

Развалины дворца. Библіотека. Склады драгоцѣнностей.

Дня черезъ три испросилъ я у Дзянь-Дзюня, черезъ коммиссара Квицинскаго, разрѣшенія осмотрѣть старинный дворецъ въ Мукденѣ. Отправился я туда въ сопровожденіи цѣлой компаніи нашихъ офицеровъ и дамъ. Хотя они и давно живутъ здѣсь, но дворца не видали, такъ какъ осмотръ его могъ быть допущенъ только съ разрѣшенія высшаго начальства.

Во дворцѣ стояла карауломъ 2-я рота 1-го Его Величества Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка. Ротой командовалъ капитанъ Илья Ефимовичъ Ивановъ, бравый, подвижной брюнетъ, лѣтъ 35. Онъ много читалъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ стычкахъ послѣдней войны съ Китаемъ, и чрезвычайно интересно разсказывалъ. Жилъ въ маленькомъ домикѣ при входѣ во дворецъ. Прежде всего меня заинтересовалъ, у са-

мыхъ воротъ дворца, какой-то камень съ надписью и фигурами, обнесенный древней рѣшоткой. Изъ разспросовъ оказалось, не знаю на сколько справедливо, что подъ этимъ камнемъ, на большой глубинѣ имѣется колодезь. Такъ вотъ будто-бы онъ тутъ бережется, какъ бы про запасъ. Входъ во дворецъ и его кладовыя были запечатаны и ключъ хранился у начальника штаба отряда, полковника Глинскаго. По распоряженію коммиссара, ключъ уже наканунѣ былъ доставленъ капитану Иванову. Дзянь-Дзюнь прислалъ для сопровожденія меня двухъ чиновниковъ и переводчика. И вотъ, мы всей гурьбой направляемся въ ворота. Впереди всѣхъ, быстрой молодцеватой походкой, летитъ ротный фельдфебель съ ключами, въ шинели въ рукава. Рыжій, усатый, съ 2-мя Георгіями на груди. За нимъ нѣсколько солдатъ. Трудно передать то настроеніе, которое я испытывалъ въ это время. Потомъ, когда я до сыта насмотрѣлся, то чувство это сгладилось. Его можно сравнить съ тѣмъ состояніемъ, когда на столѣ подано множество отличныхъ кушаній. Попробовалъ одно, другое, третье—все вкусно, но уже больше ѣсть не хочется, а кушанья, что дальше, то лучше. За фельдфебелемъ размашистымъ шагомъ выступалъ Ивановъ. Онъ по временамъ увѣреннымъ тономъ командовалъ: «возьми вправо! Отвори лѣвую рѣшотку! Гдѣ разводящій? Пускай сюда идутъ съ печатью! Свѣчку взяли?» и т. д.—Дѣло въ томъ, что послѣ занятія Мукдена, дворецъ, во избѣжаніе расхищенія дра-

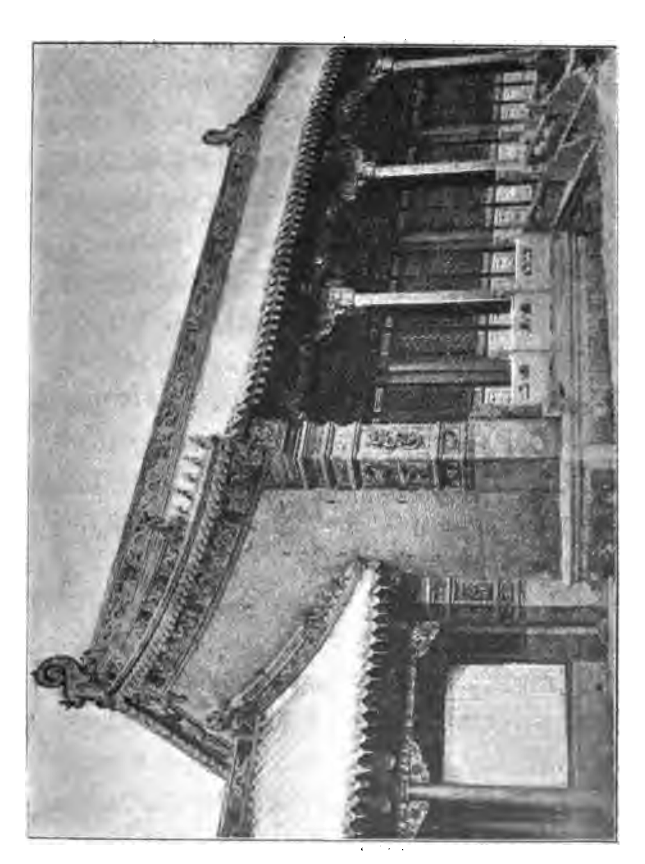
Николай Сергѣевичъ Глинскій.

гоцѣнностей, былъ опечатанъ и къ нему приставленъ нашъ караулъ.

День отличный, но морозный. Я пригласилъ съ собою одного офицера, любителя-фотографа, есаула Кениге. Это былъ молодчина казакъ, вершковъ 8-ми росту, брюнетъ, съ окладистой бородой. Онъ потомъ сопутствовалъ мнѣ и въ Пекинъ. Дворецъ состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій. Всѣ они представляли обширныя высокія залы, поддерживаемыя раскрашенными и раззолоченными деревянными колоннами, аршинъ въ поперечникѣ. Потолки тоже узорчатые, расписанные, преимущественно синей и зеленой краской.

Капитанъ отворяетъ калиточку. Первые входятъ китайскіе чиновники, а за ними и мы гурьбой. Оказывается, подъ словомъ «дворецъ», надо было понимать множество построекъ, павильоновъ, бесѣдочекъ, отдѣлявшихся площадками и двориками. Въ настоящее время, къ моему великому огорченію, всѣ эти постройки были покрыты снѣгомъ. Вотъ мы приближаемся къ высокому зданію. Въ него ведетъ широкая каменная лѣстница. Она раздѣлена мраморной площадкой, подымающейся параллельно лѣстницѣ, съ высѣченнымъ на ней дракономъ. Зданіе очень ветхое, крыша желтая, черепичная. По угламъ красуются драконы. Внутри зданія нѣтъ никакой мебели. Минуемъ нѣсколько дворовъ. Нѣкоторыя постройки уже совершенно обрушились и представляли изъ себя груды мусора. Другія же только отчасти завалились, и къ нимъ опасно было

Есаулъ Кениге со своими урядниками.

Дворецъ въ Мукденѣ.

подходить. На стѣнахъ, кое-гдѣ, блестѣли на солнцѣ чудной красоты изразцы. Нѣкоторые изъ нихъ были очень красивы и настолько сохранились, что такъ и утащилъ бы ихъ съ собой. Подъ ногами, въ снѣгу и грязи, валялось множество черепковъ отъ этихъ украшеній.

— Илья Ефимовичъ!—говорю тихонько капитану Иванову, который все такъ-же молодецки шагалъ рядомъ со мной.—Какъ-бы достать мнѣ нѣсколько штукъ такихъ кафелей. Вонъ видите, тѣ, что виднѣются на крышѣ. Со стѣнъ срывать не надо, а въ мусорѣ поискать.

— Хорошо, я скажу фельдфебелю. Надо осторожно, а то знаете, сейчасъ-же изъ мухи слона сдѣлаютъ. Дзянь-Дзюню донесутъ,—объясняетъ онъ, и по его блѣдному, худощавому лицу скользитъ едва замѣтная улыбка.

— Да я самъ скажу ему.

— Нѣтъ, вы лучше чиновнику скажите китайскому, онъ радъ будетъ угодить вамъ.

Пока такъ разговаривали, подходимъ къ низенькой завалившейся каменной стѣнкѣ. Перелѣзаемъ ее, идемъ по ветхому деревянному мостику и входимъ на открытую галлерею знаменитой Мукденовской библіотеки *). Зданіе, гдѣ она помѣщается, двухъ-этажное,

*) Императорская Мукденская библіотека основана при первыхъ манчжурскихъ императорахъ. Въ ней хранятся всѣ историческія свѣдѣнія о Манчжурской династіи вмѣстѣ съ археологическими находками, каменными плитами и вообще всѣми данными

очень ветхое. На одинъ уголъ балкона даже опасаются и ходить, чтобы не провалиться. Не безъ волненія вхожу въ это святилище. Комнаты не особенно высоки. Вдоль стѣнъ и поперекъ тянутся полки, и на нихъ стоятъ ящички съ книгами. Подхожу къ одной полкѣ, открываю ящикъ, подзываю переводчика, чиновниковъ и прошу ихъ объяснить, что это за книги. Всѣ они долго смотрятъ, повертываютъ, перелистываютъ книгу, что-то толкуютъ между собою, бережно ее опять прячутъ и многозначительно восклицаютъ:

— Да, это шибко хорошо написано!

— Да что написано? о чемъ рѣчь идетъ?—добиваюсь я.

— Это такъ, разныя умныя слова! шибко старыя!— твердятъ они.

На этомъ дѣло и кончилось. Очевидно, какъ говорится, книги эти «не про нихъ писаны». Достаю другую книгу, третью; всѣ онѣ тщательно хранятся въ ящичкахъ.

Въ залахъ очень уютно. Свѣту много. Кое-гдѣ стоятъ столы и тяжелыя кресла, красивыя, съ рѣзьбой и украшеніями изъ слоновой кости. Пока вся наша компанія ходитъ тутъ и любуется, я выхожу на балконъ, который идетъ вокругъ всего зданія, и смотрю.

о происхожденіи настоящей династіи манчжурскаго народа. Въ отдѣльной залѣ хранятся обернутые желтымъ шелкомъ манифесты императоровъ о вступленіи на престолъ, сочиненія и руководства, писанныя ими лично (по свѣдѣніямъ А. Н. Вознесенскаго).

Отсюда далеко видно. Всѣ дворцы, какъ на ладони. И невольно приходитъ мнѣ въ голову, сколько тутъ положено труда. Какія все устроены хитрыя сооруженія. Каждая отдѣльная постройка, съ загнутыми крышами, и все въ нѣсколько этажей. Сначала идетъ крыша широкая, потомъ все уже, и заканчивается драконами. По краямъ крыши виднѣются разныя фигурки, въ видѣ собачекъ и другихъ животныхъ. А вонъ тамъ висятъ колокольчики. Дальше опять драконы. Крыши черепичныя, разныхъ цвѣтовъ, зеленыя, желтыя, а мѣстами и синія. Вонъ подо мной виднѣется каменная балюстрада-рѣшетка. Ну, что за прелесть,—чистое кружево! Но какъ все это старо! Все рушится, валится и превращается въ прахъ. Неужели и эту библіотеку постигнетъ та-же участь? Вѣдь никто за ней не смотритъ. Хотя какого-нибудь старика-библіотекаря приставили-бы, который объяснилъ-бы здѣшнія сокровища, а то ходишь, какъ слѣпой, ничего не понимаешь. Ну, зарони тутъ кто нибудь искру, все разомъ вспыхнетъ. Все сухо, какъ порохъ,—некому и тушить будетъ. Вмѣстѣ съ этимъ приходитъ мнѣ въ голову,—сколько разъ читалъ я объ этомъ Мукденѣ, о его знаменитой библіотекѣ, и о томъ, что въ городѣ этомъ находятся множество китайскихъ святынь. И какъ при этомъ мнѣ хотѣлось побывать здѣсь! Смотрѣлъ тогда, бывало, я на карту и розыскивалъ путь къ нему. Вонъ наша Кяхта. Отсюда слѣдую глазами по Монгольскимъ степямъ и далѣе.

Однажды, помню, я нарочно познакомился съ однимъ купцомъ, который ѣздилъ по дѣламъ въ Пекинъ, и записалъ съ его словъ подробный маршрутъ туда. Нужно было отъ Кяхты ѣхать болѣе тысячи верстъ въ китайской двуколкѣ, съ конвоемъ китайской конницы, причемъ на каждой станціи слѣдовало платить конвою по 3 рубля на чай. Такъ значилось, по крайней мѣрѣ, въ записи. Она у меня и до сихъ поръ сохранилась. И вдругъ теперь, лѣтъ двадцать спустя, я стою,—и гдѣ же? на балконѣ самой этой библіотеки! И доѣхалъ я сюда, преспокойно, по желѣзной дорогѣ. Не пришлось мнѣ переносить Танталовыхъ мукъ, корчась чуть не мѣсяцъ въ китайской двуколкѣ, да и рубликовъ не надо было на чай давать.—Чудеса да и только!

Съ верхняго этажа спускаемся въ нижній. Здѣсь зало высокое. На полкахъ книги завернуты въ желтую шелковую матерію. По объясненію нашихъ «ученыхъ» переводчиковъ, тутъ все лежатъ книги, писанныя богдыханами, или относящіяся до Императорскаго дома. Увѣрять въ справедливости этихъ объясненій я никакъ не могу, такъ какъ вполнѣ убѣдился въ малыхъ знаніяхъ нашихъ спутниковъ-чиновниковъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ покинулъ я книгохранилище. Мнѣ безконечно жаль было видѣть, въ какомъ пренебреженіи оно находилось. Вѣдь объяснить подобное разрушеніе послѣдней войной—нельзя, такъ какъ дворецъ уже много лѣтъ до войны былъ обреченъ на погибель. Его давно никто не ремонтируетъ. Между

6

тѣмъ хранить такую библіотеку въ полуразрушенномъ домѣ совершенное безуміе. Чѣмъ это объяснить—я не берусь. Въ то же время извѣстно, съ какимъ почтеніемъ китайцы относятся къ печати. Они даже, какъ мнѣ говорили, старыя негодныя книги не рвутъ, а сжигаютъ, дабы обрывки не валялись на землѣ.

Было уже около полудня. Хотя съ утра стоялъ сильный морозъ, но теперь стало потеплѣе. Мы всѣ сильно промерзли и проголодались, а между тѣмъ намъ оставалось осмотрѣть еще самое интересное — это склады Богдыханскихъ рѣдкостей и древностей. Выходимъ на обширную площадку, почти квадратную, съ полъ десятины величиной, покрытую сплошнымъ снѣгомъ. Онъ такъ и хрустѣлъ подъ ногами. Капитанъ Ивановъ останавливается около двухъ-этажнаго зданія. Двери запечатаны восковой печатью.

— Гдѣ разводящій?—кричитъ Илья Ифимовичъ.— Снимай живо печать!

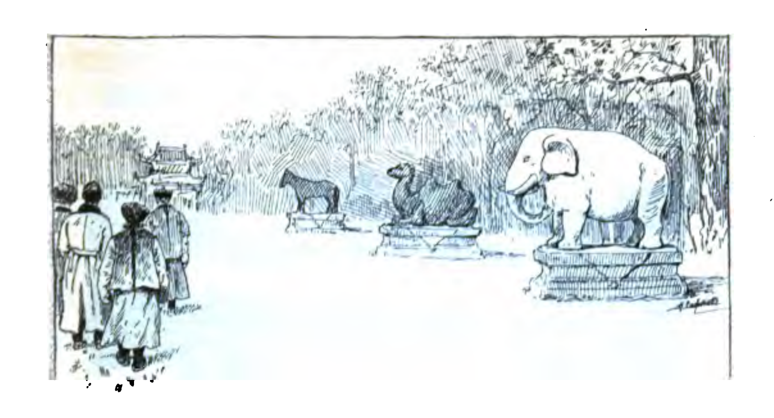
Входимъ въ просторный залъ, или скорѣй складъ. Здѣсь посрединѣ помѣщался длинный столъ, а вдоль стѣнъ виднѣлись шкафы, шкафы и шкафы. Всѣ они были только закрыты, но не заперты. Открываю одинъ, смотрю, онъ весь сверху до низу уставленъ вазами черной бронзы. Въ каждомъ шкафу было полокъ 5—6, и на каждой полкѣ штукъ 20 вазъ, самыхъ древнихъ, самой оригинальной формы. Всѣ онѣ отъ времени покрылись толстымъ слоемъ пыли. Открываю другой шкафъ,—тоже самое. Въ третьемъ,—тоже самое. Со-

провождавшая меня молодежь, офицеры и дамы, вовсе не интересовались такого рода древностями, и стремились дальше. Подымаемся во второй этажъ. Здѣсь царилъ полный хаосъ. Точно, какъ говорится, Мамай войной прошелъ. Здѣсь тоже стояли шкафы вдоль стѣнъ, и столы. Въ нихъ хранились ящики съ Императорской придворной конской сбруей. И видно, что сюда, во время послѣдняго занятія города нашими войсками, кто-то успѣлъ ворваться. Но затѣмъ этихъ господъ, должно быть, попросили удалиться. Это можно было судить потому, что часть столовъ и шкафовъ были приведены въ полный безпорядокъ. На полу виднѣлись пустыя коробки, футляры, обрывки одеждъ, разныхъ ожерелій. И тутъ-же рядомъ, цѣлые сервизы дорогой посуды, серебряной, украшенной камнями, и даже, какъ мнѣ показалось, золотомъ, были совершенно нетронуты. Мы ходимъ, любуемся и удивляемся. Какихъ только вещей тутъ не стояло въ шкафахъ! Изъ бронзы и серебра и нефрита, коралла, яшмы, бирюзы, ляписъ-лазури, слоновой кости, черепахи и т. д. и т. д. Рѣдкостныя картины, древнѣйшія гравюры съ латинскими надписями, книги, писанныя на пергаментѣ, съ рисунками, рисованными красками и золотомъ. Все это валялось, и на столахъ, и на полу. Такъ и тянуло наклониться и взять что-нибудь себѣ на память. Но я зналъ, что позволь я себѣ это сдѣлать, то, во-первыхъ, за мной шли китайцы-чиновники, которые слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ, а во-вторыхъ,—возьми я хотя ка-

кую-нибудь бездѣлушку, и моему примѣру сейчасъ же могли послѣдовать и другіе. И конечно, какъ говорилъ капитанъ Ивановъ, изъ мухи сдѣлали-бы слона.

Становилось уже поздно. Хотя мнѣ крайне хотѣлось сфотографировать нѣкоторыя вещи, но это, поневолѣ, пришлось отложить до другого раза. Мы всѣ искренно поблагодарили любезнаго Илью Ефимовича и направились домой. За нами долго еще раздавались во дворѣ его повелительные возгласы: «Давай свѣчку! Печатай дверь! Да живо поворачивайся! Первый разъ, что-ли!...»

X.

Фулинскія могилы.

Семь часовъ утра. Солнце едва пробивается изъ-за облаковъ. Дымки изъ трубъ высоко взвивались къ небу, что доказывало низкую температуру. У моихъ дверей стоитъ тарантасъ, запряженный тройкой сытыхъ лошадей Нерчинскаго казачьяго обоза. За тарантасомъ виднѣется двуколка, а за ней 6 человѣкъ конныхъ казаковъ. Я и есаулъ Кениге садимся въ тарантасъ. Переводчикъ мой, китаецъ Иванъ, котораго мнѣ прислалъ Дзянь-Дзюнь, усаживается въ двуколку, 3 казака впереди, 3 сзади, и мы выѣзжаемъ со двора. Я ѣду осматривать такъ называемыя «Фулинскія могилы», въ 7-ми верстахъ отъ Мукдена. Нѣсколько дней передъ тѣмъ я просилъ нашего коммиссара, чтобы онъ устроилъ мнѣ эту поѣздку, съ разрѣшенія Дзянь-Дзюня. Тотъ охотно согласился, и приказалъ смотрителю дворцовъ встрѣтить меня.

Ворота при въѣздѣ на Фулинскія могилы.

Пальто у меня на лисьемъ лапчатомъ мѣху, очень теплое. Шапка мѣховая тоже лисья. Но, не смотря на это, лишь выѣхали мы за городъ, какъ вѣтеръ, точно огнемъ сталъ жечь мнѣ щеки. Было это приблизительно въ половинѣ декабря. Такого холоднаго вѣтра я въ Россіи не помню. Смотрю на моего кучера-казака, у того правое ухо стало совершенно бѣлое.

— Оттирай скорѣе рукавомъ! Три его хорошенько!—кричу я.

Казакъ усиленно принимается тереть. Оглядываюсь немного въ сторону, смотрю: у конвойнаго казака щеки побѣлѣли. Ему тоже велю оттирать.

Окрестности покрыты снѣгомъ. А жаль, лѣтомъ здѣсь должно быть очень красиво. Въ особенности привлекательны здѣшнія деревья. Ну, просто, каждое такъ и просится на полотно. Всѣ они какія-то удивительно раскидистыя. Вдали, то тамъ, то сямъ, виднѣются кумирни, часовеньки, памятники, молельни, башенки. Однимъ словомъ, куда ни взглянешь, нѣтъ мѣста, которое не было-бы китайцемъ облюбовано. Ѣдемъ быстро. Сытые кони на морозѣ такъ и рвутъ впередъ. Вдали, на бѣлоснѣжномъ горизонтѣ показался темный лѣсъ. Ближе, ближе и вдругъ на темносинемъ фонѣ, среди гущи деревьевъ, освѣщенныя яркимъ солнцемъ, точно зарница какая, заблестѣли разноцвѣтныя черепичныя крыши дворцовъ и кумиренъ. Красота удивительная! Проѣзжаемъ еще съ версту, и останавливаемся у воротъ высокой стѣны. Здѣсь насъ встрѣ-

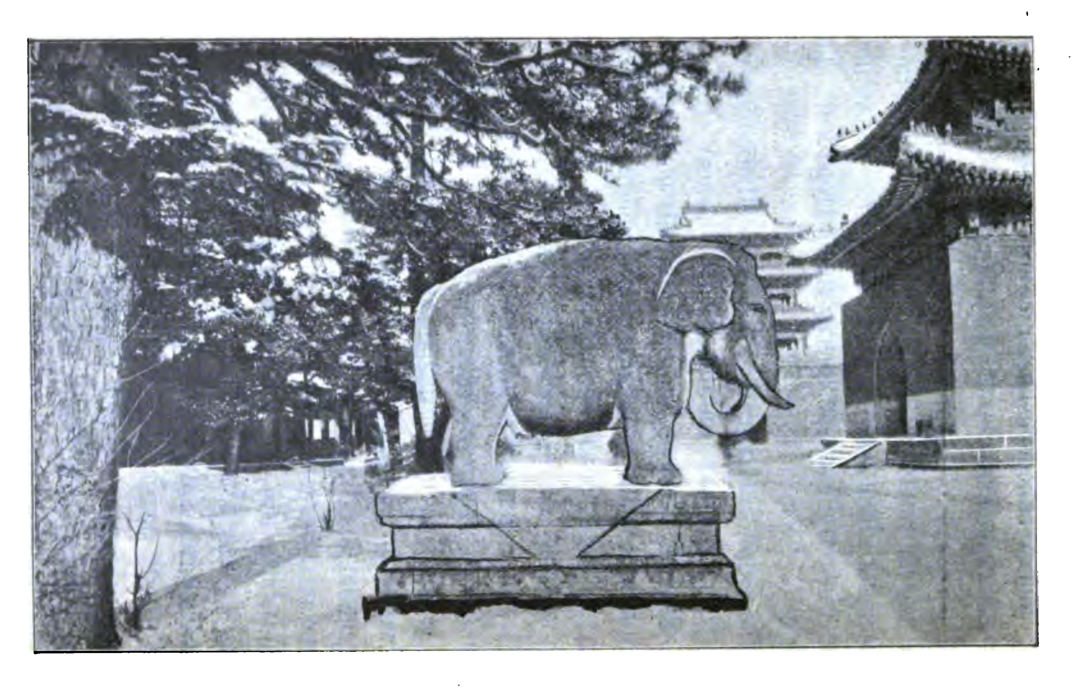
чаетъ, съ униженными поклонами, старикъ привратникъ, съ ключами въ рукахъ. Другой китаецъ, помоложе, пускается куда-то бѣжать, должно быть дать знать смотрителю. Смотритель этотъ былъ у меня вчера, наканунѣ отъѣзда. Онъ оставилъ мнѣ свою визитную карточку, отпечатанную по-русски, на бѣлой бумагѣ. На ней значилась надпись: «Довенъ,—желтопоясный Принцъ Императорской крови, завѣдующій Фулинскими могилами». Не успѣли мы съ Кениге подойти къ воротамъ, какъ уже является и Довенъ, небольшого роста, въ желтой курмѣ, лицо въ веснушкахъ. На носу у него красовалось то самое золотое пэнснэ, которое я подарилъ ему вчера. Идемъ къ воротамъ. Невольно останавливаюсь и любуюсь ими. Они изукрашены разноцвѣтными кафелями. Цвѣта замѣчательно подобраны. Все гармонировало одно съ другимъ! Какіе рисунки, какъ все отлично пригнано, сработано! Отъ всего вѣяло глубокой стариной. Хотя бы отъ этого, чуть не въ охватъ толщиной, дубоваго запора, отъ этихъ львиныхъ мордъ съ кольцами, отъ рѣзныхъ желѣзныхъ петель, на которыхъ держались ворота, и тяжелыхъ мѣдныхъ цѣпей. Боже, какъ все хорошо! Вотъ куда-бы привести моего пріятеля, Владиміра Васильевича Стасова! Вотъ гдѣ-бы онъ поахалъ и полюбовался!—Калитка въ воротахъ растворяется, и я вхожу въ сосновый паркъ. Трудно описать впечатлѣніе, которое охватываетъ меня здѣсь. Я стою, какъ очарованный. Передо мною возвышались

вѣковыя деревья, одно красивѣе другого, съ вершинами, слегка запорошенными снѣгомъ. Черезъ весь этотъ паркъ, насколько хваталъ глазъ, пролегала широкая аллея, а въ концѣ ея виднѣлась кумиренка, точно на картинкѣ писанная. Кругомъ торжественная тишина. Невольно хотѣлось молчать. Болѣе подходящей обстановки для могилы императора и не придумать.

Наконецъ мы двигаемся впередъ. Идемъ, идемъ, и вдругъ выходимъ на поперечную аллею, гораздо шире первой. По ней, по обѣ стороны возвышались огромныя каменныя статуи разныхъ животныхъ и чудовищъ. Вотъ верблюдъ; дальше лошадь, еще дальше не то собака, не то левъ. Всѣ они стоятъ на высокихъ постаментахъ, изукрашенныхъ различными орнаментами. Какъ постаменты, такъ и самыя фигуры уже сильно пообветшали, вывѣтрились и покрылись мохомъ. По всему видно, что они стоятъ здѣсь не десятки, а сотни лѣтъ. Долго хожу я, смотрю и не могу налюбоваться. Для меня, какъ для любителя старины, все это въ особенности было интересно. Здѣсь, что ни шагъ, то приходилось въ удивленіи останавливаться и широко раскрывать глаза. Иду, иду по этой аллеѣ и упираюсь въ ворота съ аркой. Ну, что за прелесть эти ворота!

— Александръ Николаевичъ! — кричу Кениге. Вотъ начинайте отсюда снимать, эти ворота.

— Я вотъ это чудовище снимаю. Вѣдь и оно

Аллея каменныхъ чудовищъ на Фулинскихъ могилахъ.

тоже интересно! — спокойно отвѣчаетъ мой дорогой спутникъ.

Постепенно переходя отъ одной фигуры къ другой, онъ всѣ ихъ фотографируетъ. Отсюда направляемся по той-же аллеѣ, только въ другую сторону. Попадаемъ въ какую-то высокую часовню. Въ ней стоитъ гигантская каменная черепаха. На черепаху установленъ, саженей 5 вышиной, каменный-же памятникъ, въ видѣ доски, съ надписью на обѣихъ сторонахъ, по китайски, и, ежели не ошибаюсь, по тибетски. Что гласитъ эта надпись, я не могъ допытаться отъ моего переводчика. Онъ, какъ и всегда, одно твердилъ: «шибко, шибко старое». Отсюда, съ этой часовни виднѣлся просторный чистый дворъ, мощенный камнемъ. Впереди, черезъ эту площадку, возвышались такія-же солидныя ворота, дубовыя, рѣзныя, украшенныя различными бронзовыми шляпками, бляхами и львиными мордами съ кольцами. Опять и здѣсь такой-же колоссальный дубовый запоръ, который только двоимъ подъ силу поднять. Ворота открываютъ, и передъ нами, точно въ сказкѣ, выростаетъ цѣлый рядъ дворцовыхъ построекъ, въ родѣ тѣхъ, что мы видѣли въ Мукденѣ, только нѣсколько старѣе. Всѣ онѣ такія-же вычурныя, такъ-же украшены рѣзьбой и раззолочены. На одномъ, самомъ высокомъ дворцѣ, мнѣ въ особенности понравилась крыша. Снѣгъ на ней стаялъ и коричневато-желтыя черепицы блестѣли на солнцѣ, будто золотыя. Между ними

рѣзко выдѣлялись бронзовыя фигурки, въ видѣ стаканчиковъ. По обоимъ угламъ и посрединѣ возвышались драконы, и отъ нихъ спускались на крышу бронзовыя цѣпи. Что эти цѣпи должны были обозначать, то-ли, что драконы побѣждены и прикованы, или что другое—уже не могу объяснить, только я хорошо разсмотрѣлъ ихъ въ бинокль.

Вхожу во внутрь зданія. Здѣсь, на небольшомъ возвышеніи стоятъ два роскошныхъ кресла съ мягкими подушками, а рядомъ столикъ и на немъ лежитъ мячикъ.

— Для чего эти кресла?—спрашиваю переводчика.

— А сюда ежегодно, въ день рожденія императора, прилетаютъ души его и императрицы. Онѣ садятся въ эти кресла, ѣдятъ любимыя кушанья, которыя для нихъ нарочно въ этотъ день приготовляютъ, и играютъ въ мячъ. Послѣ чего онѣ улетаютъ.

Переводчикъ, видимо, всему этому вѣрилъ. Кениге снялъ съ креселъ фотографіи очень удачно.

Отсюда идемъ въ жилое зданіе, чтобы погрѣться.

Здѣсь уже нашъ милый и любезный Довенъ приготовилъ угощенье: чай, печенье и бутылку китайской водки, подъ названіемъ суля. Запахъ у ней отвратительный, рѣзкій. Наши офицеры ее не пьютъ, казаки-же и солдаты ею не брезгаютъ. Нѣкоторые такъ ее полюбили, что даже предпочитали русской водкѣ, главное за то безцѣнное качество, что

Кресла умершихъ душъ императора и императрицы на Фулинскихъ могилахъ.

отъ нея можно быть пьянымъ подрядъ двое сутокъ, стоитъ только на другой день выпить холодной воды. Такъ, по крайней, мѣрѣ, меня увѣряли казаки. У насъ тоже была взята съ собой закуска: разное жаркое, консервы, бутылка смирновской водки и кіевской наливки. Эту послѣднюю я специально взялъ для Довена, зная, что всѣмъ китайцамъ она очень нравится. Но нашъ путеводитель, оказывается, любилъ и Смирновку. Пока мы закусывали, онъ самъ, безъ особыхъ приглашеній, порядочно-таки и изъ той и изъ другой бутылки поубавилъ. Смотрю, онъ сталъ уже очень веселый и разговорчивый. Походка у него сдѣлалась быстрая, порывистая.

— Туда, туда!—кричитъ онъ мнѣ, и тащитъ за рукавъ. Желтая курма его распахнулась. Павлинье перо на шапкѣ съѣхало въ сторону.

— Онъ зоветъ ваше высокоблагородіе показать вамъ могилы!—почтительно объясняетъ мнѣ Иванъ переводчикъ. Онъ тоже порядочно выпилъ. Но только на него водка иначе подѣйствовала. Узенькіе глаза его слипались, и ему замѣтно хотѣлось спать.

— Ну, пойдемъ, пусть показываетъ!—говорю, и мы всѣ направляемся за Довеномъ. Обходимъ кругомъ дворца съ желтой блестящей крышей, и попадаемъ на узенькую площадку. На ней возвышался каменный саркофагъ, такъ аршина два высоты и сажени двѣ длины. На саркофагѣ водружены три каменныхъ фигуры, на подобіе тумбъ. Все это было старо и поросло

Мраморныя ворота на Джаолинскихъ могилахъ.

зеленоватымъ мохомъ. Кениге, конечно, сейчасъ-же сфотографировалъ эту прелесть, а затѣмъ мы направляемся узенькой нишей сквозь стѣну. Только миновали ее, какъ упираемся въ другую стѣну. За ней виднѣлся холмъ съ развѣсистымъ деревомъ.

Проходъ въ стѣнѣ, должно быть, какъ похоронили Богдыхана, задѣланъ, замуравленъ, и на этомъ мѣстѣ красуется теперь, какъ-бы печать, изъ превосходныхъ разноцвѣтныхъ изразцовъ.

— Вотъ, ваше благородіе, подъ этимъ деревомъ и похороненъ Богдыханъ—многозначительно говоритъ переводчикъ и показываетъ рукой.

— Когда наши войска заняли Мукденъ, то здѣсь на этомъ холмѣ стоялъ часовой, чтобы охранить могилы отъ разрушенія боксерами.

— Ну, Иванъ, поблагодарите очень господина Довенъ, за любезность, что показалъ намъ могилы. Просите, чтобы пріѣзжалъ ко мнѣ въ гости!—говорю я, когда всѣ мы вышли обратно на прежнюю аллею съ каменными фигурами. Довенъ, съ умильной улыбкой, низко кланяется, присѣдаетъ и сжимаетъ передъ собой кулаки. Лицо его раскраснѣлось и сдѣлалось потное отъ усиленной ходьбы. Къ толстымъ войлочнымъ башмакамъ прилипли комья замерзлой грязи. Медленно, безъ разговоровъ, вторично проходимъ мы черезъ эту чудную сосновую рощу. Когда идешь по ней, то и разговаривать не хочется. Все-бы прислушивался къ ея тишинѣ. Наконецъ прощаемся съ Довеномъ, даемъ на

Дерево и холмъ, подъ которымъ погребенъ императоръ Тай-Цзунъ въ 1644 г.

чай прислугѣ, сторожамъ, которые ходили за нами, отпирали двери, расчищали дорожку и смахивали снѣгъ съ фигуръ для фотографированія. Садимся въ тарантасъ и ѣдемъ, не прямо домой, а заѣзжаемъ еще на хуторъ Дзянь-Дзюня, гдѣ у него находится разсадникъ изюбрей. Это родъ оленей, которыхъ молодые рога, еще не успѣвшіе окрѣпнуть, содержатъ въ себѣ клейкое вещество, очень цѣнимое китайцами. Они вѣрятъ, что вещество это возвращаетъ молодость и исцѣляетъ отъ многихъ болѣзней. Прежде, когда изюбрей не умѣли разводить домашнимъ путемъ, пара такихъ роговъ цѣнилось до 600 руб. и болѣе.

Подъѣзжаемъ къ высокому тыну. Старикъ привратникъ, въ синей ватной курмѣ и въ коричневой мѣховой шапочкѣ, встрѣчаетъ насъ и ведетъ показывать оленей. Они гуляли на дворѣ, раздѣленные по возрастамъ, досчатой перегородкой. Маленькіе отдѣлены отъ подростковъ, а послѣдніе отъ стариковъ. Я насчиталъ всѣхъ около 50-ти штукъ. Молодежь очень ручная. Близко подходитъ, обнюхиваетъ руки и ожидаетъ подачки.—А вонъ тамъ въ загонѣ заперты старики, самецъ и самка, огромнаго роста, выше лошади. Рога у самца широкіе, развѣсистые. Масти темнобурой съ пятнами. Вхожу туда вмѣстѣ съ привратникомъ, у котораго была въ рукахъ длиннѣйшая палка. Самецъ, какъ только замѣтилъ насъ, начинаетъ глухо рычать, вытягиваетъ шею, свирѣпо закатываетъ глаза подъ лобъ и грозно, медленно, начинаетъ наступать на насъ. Мы ско-

Разсадникъ изюбрей Мукденскаго Дзянь-Дзюня.

рѣй давай Богъ ноги, удираемъ во-свояси. Привратникъ объяснилъ, что такой изюбръ однимъ ударомъ рога можетъ на смерть уложить человѣка. Намъ всетаки удалось сфотографировать, какъ стариковъ, такъ и молодыхъ.

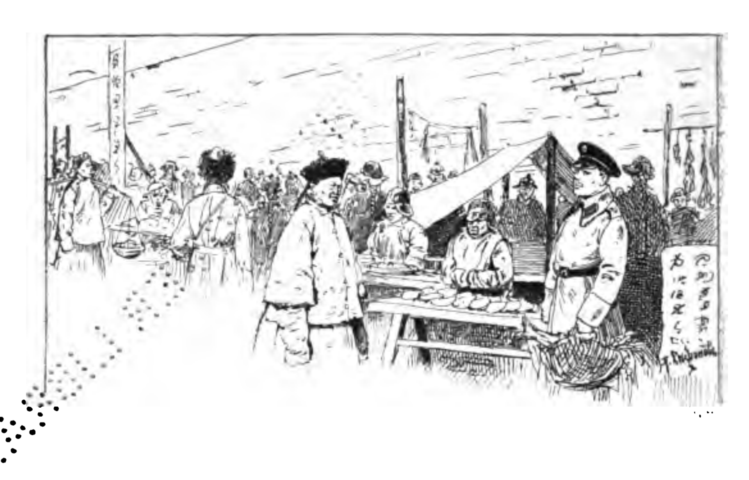
Уже наступили сумерки, когда мы вернулись въ Мукденъ.

Дня черезъ два мнѣ удалось вторично попасть въ Мукденскій дворецъ, вмѣстѣ съ Кениге, и сфотографировать часть хранящихся тамъ древнихъ вазъ. Отъ начальника штаба принесли печать. Опять явились тѣ-же два чиновника отъ Дзянь-Дзюня, и тотъ-же милѣйшій Илья Ефимовичъ повелъ насъ въ складъ, гдѣ хранились вещи. На этотъ разъ, за нами шла цѣлая команда солдатъ. День былъ солнечный, но морозный. Вообще въ Манчжуріи, какъ я замѣтилъ, погода очень равномѣрна и постоянна. Тоже было въ прошломъ году и въ Гиринѣ. Какъ начнутся морозы, такъ уже и стоятъ безъ перерывовъ цѣлую зиму, мѣсяца три.

Но вотъ печати сняты, и мы входимъ въ казнохранилище. Я приказываю вынести два стола и поставить ихъ на площадкѣ. Затѣмъ открываю одинъ шкафъ, другой, третій—и останавливаюсь въ недоумѣніи. Съ чего начать? Одна вещь интереснѣе другой. Всѣ онѣ стоятъ на подставкахъ. И на каждой подставкѣ, на днѣ, золотыми іероглифами обозначено, къ какой династіи относятся вазы. Вообще порядокъ тутъ былъ большой. Но пыли, пыли, не оберешься. И откуда она взялась! Шкафы были плотно закрыты.

Наконецъ рѣшаюсь. Солдаты берутъ вазы, выносятъ ихъ на свѣтъ Божій, смахиваютъ пыль и ставятъ на столъ. Я и забылъ сказать, что на этотъ разъ, кромѣ Кениге, пришелъ съ нами, по моей просьбѣ, еще другой любитель фотографъ, капитанъ 1-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка Добжанскій, большой знатокъ и спеціалистъ своего дѣла. У него было нѣсколько аппаратовъ. Съ собой онъ взялъ сегодня самый большой. И такъ, мы приступаемъ къ дѣлу. Разставляемъ вазы, снимаемъ по двѣ, по три. Подъ конецъ устанавливаемъ группу, и снимаемъ разомъ полсотни вазъ. Группа вышла очень удачна. Какихъ только тутъ не было чудныхъ вещей! Вотъ бы гдѣ любитель антиковъ могъ полюбоваться. Покончивъ съ работой, я искренно благодарю Илью Ефимовича, а также команду нижнихъ чиновъ и ѣду домой.

XI.

На базарѣ.

Часовъ семь утра. Одѣваюсь потеплѣе и выхожу съ переводчикомъ Иваномъ побродить по городу. Несмотря на ранній часъ, улицы уже полны народа. Шумъ стоитъ, какъ и среди дня. Повсюду слышатся однообразныя выкрикиванія разнощиковъ, предлагающихъ свои товары. Вонъ, согнувшись въ три погибели, тащитъ на коромыслѣ старикъ торговецъ овощи,— другой продаетъ хлѣбъ, — третій что-то въ родѣ халвы. Лавки открываются. Онѣ ничѣмъ не защищены отъ холода. Купцы и прикащики спокойно сидятъ за прилавками въ теплыхъ красныхъ капюшонахъ, курмахъ, засунувъ руки въ длинные рукава и, точно истуканы какіе, безучастно смотрятъ на проходящихъ. Лица нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ уже примелькались. Мы направляемся пѣшкомъ къ центру города. Высо-

кая, тріумфальная арка ведетъ на базаръ. Арка эта древняя, находится надъ крѣпостными воротами. Хотя крѣпости тутъ въ сущности никакой и нѣтъ, но эта часть города обнесена высокой толстой стѣной. Мѣстами она такъ стара, что грозитъ паденіемъ. Я невольно останавливаюсь и любуюсь на ворота, запоръ, петли, пробои. Все тутъ интересно. Самыя ворота очень толстыя, дубовыя, околочены желѣзомъ. Шляпки отъ гвоздей большія, набиты узоромъ. Не только, что дерево мѣстами сгнило, но даже и самое желѣзо проржавѣло, отъ времени и исчезло. При какомъ царѣ, въ какомъ вѣкѣ все это построено? Богъ знаетъ!— На стѣнахъ кое-гдѣ выросли деревья въ охватъ толщиной. Подъ тѣнью ихъ, лѣтомъ, навѣрное ютится немало народу. Что дальше, то стѣны становятся интереснѣе. Вонъ за ними виднѣется вдали такая-же высокая башня, о которой я уже писалъ раньше и съ которой снялъ фотографію. Такихъ башенъ въ Мукденѣ четыре, по числу странъ свѣта. Стѣны живописно, то подымаются, то уклоняются въ сторону. Подъемы къ нимъ, башеньки, зубцы—все красиво, все интересно. Но вотъ мы попадаемъ на базаръ. Какой громадный выборъ всякой всячины! Въ особенности много овощей. Встрѣчаю такія, какихъ я никогда и не видалъ. Наши солдаты гуляютъ здѣсь какъ дома. Деньщики, каптенармусы, артельщики, жены офицеровъ, сестры милосердія. Всѣ они уже видимо привыкли къ китайцамъ и совершенно спокойно переходятъ отъ одного

балаганчика къ другому, спорятъ, торгуются, покупаютъ и идутъ дальше. Вонъ моя знакомая докторша, за ней солдатъ съ корзинкой на рукѣ. Барыня эта великая хлопотунья. Она, очевидно, чувствуетъ себя здѣсь отлично. Встрѣчается со знакомыми, тараторитъ, смѣется, преподаетъ всѣмъ совѣты, гдѣ, что и какъ получше и подешевле купить.

— А, Александръ Васильевичъ! Какъ вы рано вышли! — кричитъ она, завидѣвъ меня. Беретъ за руку, безъ дальнихъ разговоровъ указываетъ мнѣ перстомъ направленіе и говоритъ:

— Вотъ ступайте прямо, прямо, вонъ къ тому углу стѣны. Тамъ подъ башенькой пріютился китаецъ старьевщикъ. У него я видѣла сегодня мелькомъ вазу фарфоровую,—вотъ прелесть! Торопитесь, чтобы кто не предупредилъ!—Затѣмъ прощается со мною, бѣжитъ къ какой-то дамѣ и принимается ей тоже что-то объяснять. Бѣдный деньщикъ, съ тяжелой корзиной на рукѣ, изъ которой торчатъ—хвостъ фазана, голова какой-то рыбы, кочанъ капусты и разная другая снѣдь, какъ тѣнь, бродитъ молча за своей хлопотливой барыней, терпѣливо дожидаясь, когда-же наконецъ окончитъ она свои разговоры и направится домой.

На базарѣ народу множество, конечно большинство китайцы. Русскаго покупателя издали увидишь, онъ съ корзинкой, китайцы-же несутъ свои покупки на веревочкахъ. И чего, чего тутъ только нѣтъ!—

Чего только не насмотришься. Вонъ старикъ гадальщикъ сидитъ въ балаганчикѣ за столикомъ. Одѣтъ тепло. Шапка съ наушниками. Передъ нимъ множество разныхъ чашечекъ и коробочекъ съ разными билетиками. Дальше—толпа народу. Что такое? Смотрю, сидитъ на скамейкѣ китаецъ и что-то разсказываетъ. Народъ внимательно слушаетъ, и по временамъ весело гогочетъ.—Это разсказчикъ, повѣствуетъ разные факты и исторійки изъ китайской жизни. Еще дальше другая толпа. Направляюсь къ ней.

Издали слышу звуки бубенчиковъ, колокольчиковъ и другой китайской оглушительной музыки. Нѣсколько человѣкъ поютъ въ тактъ, помахивая руками. Это китайскіе пѣсенники. Мотивъ пѣсенъ непріятенъ и негармониченъ для европейскаго слуха. Сколько я ни слушалъ, не могъ добраться мелодіи. А вонъ, что тамъ въ сторонѣ подъ самой стѣной творится? Тоже собрался народъ. Заглядываю въ середину,—и, что-же вижу? Старикъ китаецъ сидитъ на снѣгу, поджавши ноги калачемъ, и обмакивая 4-й палецъ руки въ банку съ тушью, вырисовываетъ на новенькой чисто выструганной дощечкѣ, – дракона. Выдѣлывалъ онъ это въ три темпа такъ ловко, такъ искусно, что всю толпу приводилъ въ восхищеніе. Я даю ему гривенникъ и иду дальше, вдоль все той-же древней стѣны. У самаго ея подножья, на солнечной сторонѣ протянулись, чуть не на версту, балаганчики старьевщиковъ. Хозяева ихъ, въ халатахъ и курмахъ, съ чув-

Разсказчикъ.

ствомъ собственнаго достоинства, сосредоточенно смотрятъ на проходящихъ. И какая особенность у китайскихъ купцовъ: они не бросаются на васъ, не затаскиваютъ въ свои лавки, какъ наши русскіе. Нѣтъ, хотя у другого товару, что называется, на грошъ, а посмотрите, какъ онъ важно васъ оглядываетъ. Съ мѣста не трогается и, повидимому, едва обращаетъ вниманіе. Дескать хочешь—покупай, хочешь — нѣтъ, а я, молъ, гнаться за тобой не буду. Медленно обхожу ряды. Останавливаюсь, смотрю на мелочь, беру въ руки, оглядываю—китаецъ невозмутимо сидитъ и выжидаетъ, что будетъ. Отхожу къ другому. Китаецъ беретъ вещь, которую я трогалъ, и ставитъ именно на то мѣсто, гдѣ она стояла, той-же стороной и опять садится на свое мѣсто. Много я прошелъ, но ничего интереснаго не могъ найти. Вдругъ вижу у одного, подъ стекломъ въ витринѣ лежитъ флаконъ. Велю достать его. Смотрю: вещь крайне интересная, съ надписью. Только изъ чего этотъ флаконъ сдѣланъ? Легкій, коричневатый, какъ-будто изъ черепахи.

— Хубо, — хубо!—выкрикиваетъ хозяинъ, тощій, маленькій старикашка въ коричневой шапкѣ. На ушахъ надѣты мѣховые наушники, въ видѣ сердечекъ. Перепрыгивая съ ноги на ногу, онъ старался согрѣться и дулъ въ руки.

— Изъ чего это?—спрашиваю своего Ивана переводчика.

— Эта такой смола, что изъ дерева течетъ,— шибко, шибко старый!—говоритъ онъ по обыкновенію, и вертитъ головой.

— Вотъ писано. Такой іероглифъ теперь нѣтъ. Это пятьсотъ лѣтъ назадъ писали. Это купи, это хорошо!—одобряетъ онъ. Я торгую флаконъ. Оказывается, онъ былъ изъ янтаря.

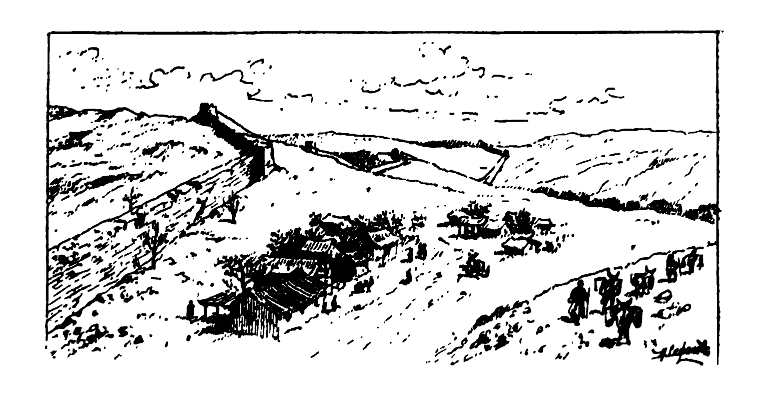
— 40 долларъ!—торжественно вослицаетъ хозяинъ.

— 10 хочешь?—спрашиваю его. Тотъ молча прячетъ вещь обратно подъ стекло. Мы отходимъ нѣсколько. Я посылаю Ивана торговаться. Тотъ возвращается и говоритъ:

— Дай пятнадцать, онъ отдастъ.—Плачу 15 долларовъ и получаю флаконъ. Вазочки-же фарфоровой, о которой говорила докторша, я такъ и не нашелъ.

Такимъ образомъ я и въ Мукденѣ накупилъ порядочно разныхъ интересныхъ бездѣлушекъ.

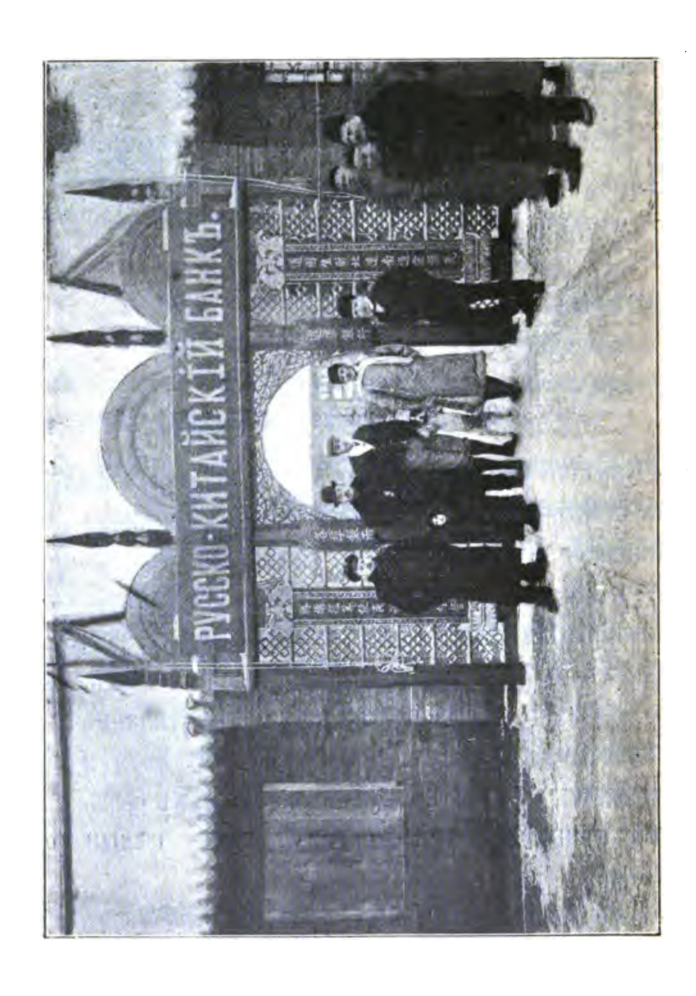
XII.

От Мукдена до Пекина.

Какъ-то случайно узнаю, что китайскіе Императоръ и Императрица со всѣмъ дворомъ на дняхъ возвращаются въ Пекинъ изъ своего бѣгства. У меня вдругъ является страстное желаніе: посмотрѣть этотъ удивительный въѣздъ. Вѣдь тутъ до Пекина всего какихъ-нибудь двое сутокъ. Надо, думаю, ѣхать. Сказано, сдѣлано. Надѣваю мундиръ и ѣду откланиваться начальству, и прощаться со знакомыми. Хотя я прожилъ здѣсь всего 3 недѣли, но вездѣ такъ былъ сердечно принятъ и такъ свыкся, точно цѣлый годъ пробылъ.

Мнѣ удалось отпросить, у начальства, моего пріятеля есаула Кениге ѣхать со мною, что очень устраивало обоихъ насъ.

Сборы были не долги, и 23-го декабря, рано утромъ,

РУССКО-КИТАЙСКІЙ БАНКЪ.

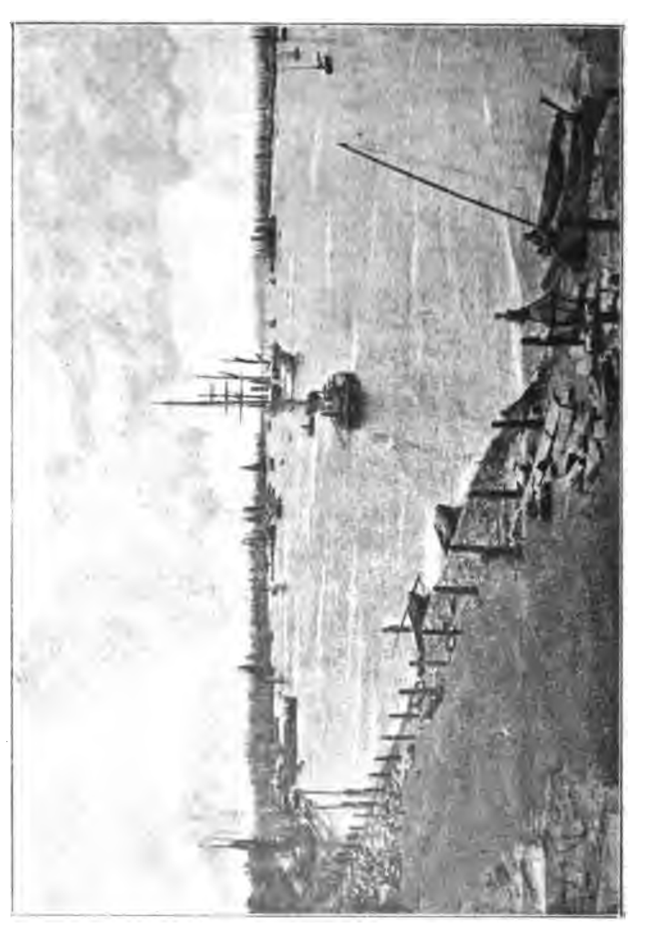
мы уже катили въ тарантасѣ на желѣзную дорогу. Часа черезъ три показалась и станція Мукденъ. Вонъ около домика коменданта, вижу: стоятъ мои ящики съ изразцами, съ развалинъ Мукденскаго дворца. Ихъ мнѣ уложилъ и отправилъ, съ разрѣшенія Дзянь-Дзюня, завѣдующій дворцомъ капитанъ Ивановъ. А комиссаръ Квецинскій прислалъ китайскій документъ на эти кафели, за подписью Дзянь-Дзюня и своей *).

Въ тотъ-же день къ вечеру подошелъ паровозъ съ вагономъ, и утащилъ насъ въ Инкоу.

Переночевали мы у моего пріятеля Титова. Съ нимъ я познакомился въ Мукденѣ. Онъ завѣдывалъ здѣсь хозяйствомъ желѣзной дороги. По общему отзыву, это былъ большой умница, добрякъ, хлѣбосолъ и веселый разсказчикъ. Высокій, стройный брюнетъ, онъ производилъ отличное впечатлѣніе. Титовъ такъ здѣсь хорошо устроился, что врядъ-ли желалъ скораго возвращенія въ Россію.

Утромъ ранехонько направляемся черезъ Инкоу на берегъ Ля-о-хе. Долго кружили мы разными переулками прежде, чѣмъ попали къ рѣкѣ. Моста нѣтъ, а между тѣмъ необходимо черезъ нее перебраться. Рѣка покрыта льдомъ. Высокіе берега ея рѣзко обозначились. Ля-о-хе поражаетъ своей грандіозностью. Шириной она съ версту. Благодаря этой рѣкѣ, го-

*) Я отправилъ кафели въ Портъ-Артуръ, для пересылки моремъ въ Петербургъ.

Городъ Инкоу.

родъ ведетъ громадную отпускную торговлю. Вся Манчжурія направляетъ сюда свои произведенія и товары. Работаетъ городъ на сотни милліоновъ. Но бѣда въ томъ, что Ля-о-хе на 3 мѣсяца замерзаетъ, и торговля прекращается. Набережной нѣтъ, и берега, какъ говорится, во всей своей неприкосновенности. Она на нѣсколько верстъ застроена навѣсами и балаганами, подъ которыми хранятся безконечные бунты разнаго товара. Ля-о-хе, отъ морскихъ приливовъ, періодически такъ высоко подымается, что въ нее входятъ большія морскія суда, забираютъ грузы и уходятъ. Говорятъ, лѣтомъ здѣсь ежедневно скопляется до трехъ тысячъ китайскихъ джонокъ. Долго любуюсь я на эту картину. Море синѣло отсюда близехонько, какихъ-нибудь десятокъ верстъ.—Но вотъ подбѣгаютъ китайцы носильщики, берутъ наши вещи, тащатъ внизъ и укладываютъ на широкія деревянныя салазки. Мы весело и шумно переѣзжаемъ по блестящему льду на другой берегъ. Здѣсь опять новое и очень милое знакомство. Начальникъ движенія желѣзной дороги, инженерный капитанъ Б., какъ и Титовъ, величайшій хлѣбосолъ. Встрѣчаетъ насъ, угощаетъ, кормитъ чуть не на убой, и до крайности радуется, что намъ придется пробыть здѣсь цѣлыя сутки.

Рано утромъ мы усаживаемся въ маленькій служебный вагонъ и ѣдемъ въ немъ уже безъ пересадки вплоть до Пекина. Мѣстность идетъ ровная. Все

пашня и поля. И, что странно: хотя почва здѣсь извѣстна своимъ плодородіемъ, но она не похожа на нашъ черноземъ, а какая-то желтоватая, видимо сильно удобрена. Изрѣдка виднѣются рощи, точно на картинкѣ писанныя. Не знаю почему, мнѣ здѣшнія деревья показались особенно красивыми, развѣсистыми, тѣнистыми. Что въ особенности бросается въ глаза здѣсь,—это множество могилъ. На каждомъ миніатюрномъ полькѣ, владѣлецъ непремѣнно отводитъ уголокъ для своихъ предковъ. Уголки эти примѣтны издали, такъ какъ могилы обыкновенно находятся подъ сѣнью деревьевъ. Такимъ образомъ, всѣ рощицы, во множествѣ виднѣвшіяся кругомъ, представляли изъ себя ничто иное, какъ кладбища. Кромѣ того, виднѣлись тысячи могилъ и безъ деревьевъ. Куда глазъ ни направлялся, вездѣ картина была одна и та-же—желтоватая равнина, мѣстами покрытая снѣгомъ, и на ней могилы. Все это безконечное пространство изрѣдка пересѣкали оросительные каналы.

Около полудня пріѣзжаемъ на ст. Кабандза, резиденцію начальника желѣзной дороги, барона Роопа. Дорога отъ Инкоу до Шанхай-Гуаня находилась тогда въ нашей власти. Со времени войны, какъ ее занялъ генералъ Церпицкій, такъ она у насъ и осталась. Очень пріятно было ѣхать по ней. Точно въ Россіи. Выйдешь гдѣ на станціи, вездѣ видишь нашихъ солдатъ желѣзнодорожнаго баталіона. Начальники станцій, всѣ служащіе—все наши русскіе. И гдѣ-же это?—

Въ Китаѣ, недалеко отъ Пекина. — Чудеса да и только!

— Ст. Кабандза!—объявляетъ бравый унтеръ-офицеръ и открываетъ дверку нашего вагона. Насъ встрѣчаетъ добрѣйшій и любезнѣйшій баронъ Роопъ. Вещи подхватываютъ солдаты желѣзнодорожные, и мы направляемся въ домъ.

Дорога отъ Шанхай-Гуаня на Инкоу построена англичанами. Когда она перешла временно въ наши руки, ее очень быстро Роопъ отремонтировалъ, возстановилъ, и теперь она отлично работала и приносила хорошій дивидендъ. Даже сами англичане отдавали должное нашему желѣзнодорожному баталіону. Они прямо-таки удивлялись, какъ, въ столь короткое время, разрушенную дорогу возможно было привести въ такое состояніе, чтобы она давала доходъ. Вѣдь не надо забывать, какъ ничтожны были наши средства. Ни мастерскихъ, ни матерьяла. Мнѣ разсказывали, что даже въ англійскихъ газетахъ были замѣтки, въ которыхъ расхваливался порядокъ на нашей вѣткѣ, отъ Инкоу до Шанхай-Гуаня, и порицалось движеніе на ихъ дорогѣ, отъ Шанхай-Гуаня къ Пекину. Такъ напримѣръ, на нашей дорогѣ шелъ въ поѣздѣ вагонъ-ресторанъ, а на англійскихъ— нѣтъ, и когда я спросилъ англійскаго начальника дороги, почему нѣтъ, онъ спокойно отвѣтилъ: «Такой вагонъ мѣста занимаетъ много, а доходу не приноситъ».

Въ Кабанадзѣ встрѣтили мы праздникъ Рождества Христова очень весело. Со всей нашей вѣтки собрались сюда офицеры. Все молодежь веселая, дѣльная, умная, молодецъ къ молодцу.—Здѣсь я значительно пополнилъ свой «сборникъ разсказовъ очевидцевъ о Китайской войнѣ». Большинство офицеровъ участвовали въ дѣлахъ съ китайцами и записывали свои впечатлѣнія. Описанія ихъ отличаются правдой и жизненностью. Еще раньше, въ Портъ-Артурѣ я досталъ 4 рукописи, въ Мукденѣ 5-ть. Такимъ образомъ у меня уже составился порядочный сборникъ.

Далеко за полночь перебрались мы въ нашъ вагонъ и утромъ, чуть свѣтъ, ѣдемъ дальше. Погода отличная; солнце далеко освѣщаетъ окрестности. Влѣво тянется все та-же безконечная равнина и тѣ же поля. Виднѣются деревни, хутора. Всѣ они обсажены кудреватыми деревьями. Вереницы жителей, снующихъ по дѣламъ изъ одной деревни въ другую, сливаются вдали въ сплошныя черныя полосы. Оживленіе большое.

Вправо близехонько видны горы. Дорога, то приближается къ ихъ подножью, то удаляется. Говорятъ, вдоль этихъ вершинъ, гдѣ-то тянется Великая Китайская Стѣна *). Пока ея не видно. Впервые мы встрѣтимся съ ней въ Шанхай-Гуанѣ.

---

*) Вотъ, что сообщаетъ о ней тотъ-же А. Н. Вознесенскій: «Великая Китайская стѣна называется по-китайски Вань-ли-чанъ-ченъ, т. е. стѣна въ десять тысячъ ли. Десять тысячъ ли здѣсь

Проѣзжаемъ обширную деревню. Китайцы, въ своихъ характерныхъ синихъ костюмахъ, спокойно стоятъ и смотрятъ на насъ. Ѣдемъ медленно. Я вглядываюсь въ ихъ лица. Ни у кого изъ нихъ не вижу выраженія удовольствія или удивленія. Напротивъ,— замѣчается скорѣй какая-то насмѣшка, озлобленіе.— Да оно, ежели вникнешь въ дѣло, и понятно. Китайцы необыкновенно почтительно относятся къ могиламъ своихъ предковъ и, какъ уже я говорилъ, каждый изъ нихъ отводитъ на своемъ полѣ уголокъ для кладбища. И вотъ, эта самая дорога на пути своемъ уничтожила множество могилъ. Положимъ, она платила владѣльцамъ земель, но вѣдь непріятное-то

просто для обозначенія ея большаго протяженія, но не точной цифры.

Какъ это ни странно, но у китайцевъ, разрабатывающихъ съ такою любовью археологическія темы, нѣтъ ни одного спеціальнаго сочиненія о Великой стѣнѣ. Свѣдѣнія о ней разбросаны въ Государственной Исторіи и въ монографіяхъ о Циньской династіи.

Китайцы сообщаютъ, что стѣна была построена объединителемъ Китайской Имперіи, Цинь-ши-хуанъ-ди, въ 214 году до Р. Хр. Строилась съ лихорадочной поспѣшностью милліонами жителей, согнанными по приказанію неумолимаго императора. При этомъ народныя пѣсни передаютъ, что работалъ надъ сооруженіемъ стѣны каждый шестой китаецъ. Кто отказывался, подвергался смертной казни. Стѣна построена въ промежутокъ между 5 и 9 годами.

Нѣтъ необходимости вѣрить вполнѣ всѣмъ китайскимъ патріотическимъ указаніямъ по этому предмету. Гораздо вѣроятнѣе, что стѣна строилась многіе десятки, можетъ быть даже сотни лѣтъ, отдѣльными княжествами, и при объединеніи ихъ въ одну

чувство осталось. По моему мнѣнію, въ этомъ кроется главная причина неудовольствія китайцевъ противъ дороги.—Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ, какъ я замѣтилъ, дорога перерѣзала, крайне неудобно для жителей, ихъ поля и деревни. Въ столь густо населенной мѣстности этого избѣгнуть невозможно, но китайцамъ-то отъ этого не легче. Сообщеніе между жителями затруднилось, а также и уборка полей.

Что дальше ѣдемъ, то населеніе становится гуще.— Вонъ по обѣ стороны дороги тянутся широкія канавы, покрытыя тонкимъ льдомъ. Множество народа занимается, точно дѣти, ловлей малюсенькихъ рыбокъ.

имперію Императоромъ Цинь-ши-хуанъ-ди, была соединена. На это указываетъ разнообразіе конструкціи стѣны, то въ видѣ двухъ каменныхъ или кирпичныхъ стѣнъ (разстояніе между ними доходитъ до 12 ф.), образующихъ въ серединѣ промежутокъ, заваленный каменьями, то простые валы, въ видѣ каменныхъ и даже глиняныхъ глыбъ (какъ на всемъ протяженіи Ордоса).

Высота стѣнъ достигаетъ 24-хъ ф.

Стѣна въ первоначальномъ видѣ была значительно короче теперешней (теперь она тянется на протяженіи около 2000 верстъ по прямой линіи), начинаясь, немного не доходя до нынѣшняго Шанъ-хай-гуаня,—120° в. д. Гр. и кончаясь у Лянъ-чжоу-фу (103° в. дол. Гринв. пров. Гань-су). Впослѣдствіи она была доведена до нынѣшней крѣпости Цзяюй-гуань (около 98° д. Гринв.) въ Гань-су-синь-цзенъ; отдѣльная вѣтка, заключающая въ себѣ области Сюань-хуафу (Печили) и Да-тунь-фу (Шан-си), построена уже при Танской династіи (618—905). Что касается куска стѣны у Печилійскаго залива, то эта часть наиболѣе поздняя, когда Китай начали тѣснить сѣверные народы (Манчжуріи). Съ тѣхъ поръ особенное значеніе получила крѣпость Шанъ-хай-гуанъ, расположенная на восточномъ концѣ Великой стѣны. Она была

Они пробиваютъ палками ледъ и ловятъ рыбешку руками и чашками. Здѣсь именно тянется та равнина, которую китайцы въ прошломъ году, во время военныхъ дѣйствій, затопляли водой изъ оросительныхъ каналовъ.

Опять проѣзжаемъ деревню,—длинная, длинная. Домики все каменные, строены на одинъ манеръ, съ крошечными двориками, обнесенными кирпичными стѣнами. Окна бумажныя, много изодранныхъ. Повсюду еще замѣтны слѣды войны. Дальше опять тянутся поля и поля. Вотъ, на одномъ квадратикѣ, съ осьмушку десятины величиной, стоятъ три развѣсистыхъ

взята Абахаемъ со страшными усиліями, послѣ чего судьба Китайской династіи была рѣшена.

Стратегическое значеніе стѣны заключалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы задержать дикія орды кочевниковъ (Сюнну, Сембійцевъ, Жужанъ, Тюрокъ, Монголовъ), преимущественно конное войско, для котораго одолѣть стѣну было не легко и требовало, во всякомъ случаѣ, продолжительнаго времени, а этого было достаточно, чтобы посредствомъ особой системы сигнальныхъ огней извѣстить войска и успѣть сосредоточить ихъ въ опасныхъ пунктахъ. Вотъ почему Чингизъ, при своемъ нашествіи на Китай, въ первый разъ избралъ крайній западный пунктъ, за крѣпостью Цзя-юй-гуань, гдѣ кончается стѣна. Второй разъ—Нинъ-ся-фу (Иргай), гдѣ стѣна представляетъ изъ себя не высокій валъ, довольно часто прерывающійся, и наконецъ, въ третій разъ—укр. Ву-ша-пу въ центрѣ. Захватывая эти укрѣпленія, онъ овладѣвалъ лучшимъ и наиболѣе просторнымъ проходомъ въ сѣверной стѣнѣ (близъ Чжан-цзя-ноу-тинъ Калгана).

Поэтому, слѣдуетъ считать стѣну стратегическимъ способомъ задержать непріятеля, но вовсе не полнымъ оборонительнымъ средствомъ, какъ это принято.

дерева, а между ними виднѣются могилы. Онѣ не такія, какъ у насъ, а высокія, въ ростъ человѣка. Гробы не опущены въ яму, а напротивъ, поставлены на высокой кучѣ земли и сверху тоже присыпаны землей. Бока-же почти всѣ торчатъ наружу. У богатыхъ, могилы еще выше, въ видѣ куполовъ и замѣтны издалека.

Конечно, въ Китаѣ много чего смѣшного, страннаго и нехорошаго, но много есть, чему не мѣшало-бы намъ и поучиться. Я уже не говорю о томъ, что нѣкоторыя произведенія искусствъ у нихъ стоятъ испоконъ вѣковъ на вершинѣ недосягаемаго для насъ совершенства. Такъ, напр., бронза, фарфоръ, произведенія изъ лака, тушь, вышивки, издѣлія изъ слоновой кости, камня и многія другія. Но все это сравнительно мелочь. Что меня больше всего удивляетъ, и передъ чѣмъ я въ особенности преклоняюсь, это—та высокая степень совершенства, до какой достигло земледѣліе въ Китаѣ. Да вѣдь оно и понятно. Китаецъ обрабатываетъ землю пять тысячъ лѣтъ.—За это время, конечно, онъ могъ чему-нибудь научиться и что-нибудь выработать. И глядя на ихъ пашню, которая стелется передъ моими глазами, теряясь въ дали,—невольно думается мнѣ:

Мы хвастаемся иногда урожаями нашего юга. Говоримъ, урожай былъ самъ 20—30,—да при такомъ урожаѣ китаецъ съ голоду-бы померъ. У него такъ мало земли, что ему необходимъ урожай самъ 200 — 300, и онъ получаетъ его. Покосовъ, какъ

уже я говорилъ, у него нѣтъ, такъ какъ онъ слишкомъ дорожитъ землей, а кормитъ скотъ соломой чумизы, которой и собираетъ до 5000 пуд. съ десятины. Выписываемъ-же мы разныхъ хозяевъ, и по маслодѣлію, и по землепашеству, и огородниковъ, и садовниковъ—изъ разныхъ странъ. Посылаемъ нашу молодежь учиться во всѣ концы свѣта, но только не въ Китай. А между тѣмъ, у него-то намъ-бы и позаимствовать. Слѣдовало-бы Министерству Земледѣлія отвести участокъ земли, по почвѣ и по климату наиболѣе подходящій къ Китаю. Выписать нѣсколько китайскихъ семействъ, да и пусть-бы они у насъ пожили, да поучили уму—разуму. Только не надо навязывать имъ наши сѣмяна,—какъ хлѣбныя, такъ и огородныя. Пускай своихъ привезутъ и насѣютъ. Однимъ словомъ, слѣдуетъ устроить образцовую китайскую ферму. Вѣдь я жилъ въ Китаѣ довольно долго, ѣлъ ихъ хлѣбъ, ихъ фрукты, овощи,—и одно было вкуснѣе другого. Въ особенности китайцы молодцы по части удобренія почвы. Они отлично сознаютъ, что ежели ты взялъ что отъ нея, то и верни-же ей обратно, да постарайся это сдѣлать еще съ лихвой. И вотъ, въ этомъ-то, главнымъ образомъ, и заключается весь залогъ ихъ успѣха. Онъ ту-же солому непремѣнно закопаетъ въ яму, польетъ ее чѣмъ-нибудь, перегноитъ, и тогда только положитъ въ землю. Земли у него мало, и разбрасываться онъ не можетъ, поэтому всѣ его помыслы устремлены на удобреніе.

И онъ сѣетъ на своемъ полѣ безъ отдыха, изъ года въ годъ—сотни лѣтъ. Озимовыхъ хлѣбовъ не знаетъ—зимы ихъ безъ снѣга, и потому во время морозовъ озимь вся бы вымерзла. Поэтому посѣвы всѣ яровые.

А вотъ и Шанхай-Гуань. Онъ широко раскинулся у подножья горъ. Не доѣзжая города, протянулась слѣва направо, или, иначе сказать, отъ моря къ горамъ «Великая Стѣна».

Я впиваюсь въ нее глазами. Какъ-то даже не вѣрится, что-бы воочію можно было мнѣ увидѣть это чудо свѣта. И вотъ стѣна, въ началѣ грозная и высокая, мѣстами уже пообвалившаяся, направляется въ горы,—и узенькой ленточкой, едва замѣтная, ползетъ, ползетъ все выше, выше и наконецъ теряется въ дали. И только подумать надо, сколько милліоновъ людей ее работали, сколько потрачено денегъ и матеріалу на ея возведеніе.

Ѣдемъ медленно черезъ проломъ въ стѣнѣ. Здѣсь устроенъ мостъ. Поѣздъ останавливается у станціи Шанхай-Гуань. Первое, что бросается мнѣ въ глаза, это огромная двуколая арба, запряженная парой огромныхъ горбатыхъ быковъ пепельной масти. Быки очень красивы, съ широкими острыми рогами. У арбы стоитъ красавецъ сипай, брюнетъ добродушнѣйшей наружности. Одѣтъ въ длинное коричневаго цвѣта пальто. Ноги обуты въ башмаки и перевиты сверху суконными портянками. Насъ встрѣчаетъ начальникъ станціи, штабсъ-капитанъ Игнатьевъ, премилый мо-

Начальникъ станціи Шанхай-Гуань, штабсъ-капитанъ Игнатьевъ.

лодой человѣкъ, брюнетъ, съ небольшой бородкой. Въ то время здѣсь было два начальника: нашъ русскій, вѣдалъ поѣздами, идущими отъ Инкоу до Шанхай-Гуаня, и англійскій, который отправлялъ поѣзда дальше, къ Тянь-Тзиню и Пекину.

Игнатьевъ, какъ потомъ я узналъ, такъ умѣло распоряжался, что пріобрѣлъ въ городѣ общую симпатію. Въ Шанхай-Гуанѣ стояли тогда отряды всѣхъ націй, участвовавшихъ въ войнѣ. И онъ со всѣми ими ладилъ, и даже былъ выбранъ старшиной—распорядителемъ въ обнщее офицерское собраніе. Онъ удивилъ меня сходствомъ съ однимъ моимъ знакомымъ—Псковскимъ помѣщикомъ.

— Скажите, пожалуйста, обращаюсь къ нему, нѣтъ-ли у васъ родственика въ Псковской губерніи? Тамъ есть имѣніе Перевозъ, въ Островскомъ уѣздѣ, Игнатьева.

— Это мой отецъ, Николай Алексѣевичъ, а я Николай Николаевичъ, застѣнчиво отвѣчаетъ мой новый знакомый.

Съ тѣхъ поръ знакомство наше упрочилось.

Здѣсь, между прочимъ, я съ огорченіемъ узнаю, что Китайскій дворъ уже недѣли двѣ, какъ переѣхалъ въ Пекинъ.

Часъ спустя, я съ Кениге уже ѣдемъ въ коляскѣ, къ командиру 5-го Стрѣлковаго полка, полковнику Третьякову. Онъ занималъ съ полкомъ редутъ къ юго-востоку отъ вокзала, верстахъ въ трехъ. Мѣ-

стность пересѣченная: то горы, то овраги. Великую стѣну приходится миновать нѣсколько разъ. И каждый разъ я всматриваюсь въ нее, любуясь и невольно думаю о томъ, что она стоитъ уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Кирпичи, изъ которыхъ она сложена, большіе и тяжелые, отлично обожженные.

Вонъ одиноко стоитъ чей-то брошенный редутъ. На самой вершинѣ его виднѣется человѣческая фигура. Подъѣзжаю ближе. Фигура вырисовывается въ нашего солдата-часового съ ружьемъ на плечѣ. Тутъ былъ постъ. Штабъ полка помѣщался съ версту дальше, въ другомъ редутѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими ротами. Редутъ солидной конструкціи. Полковникъ Третьяковъ небольшого роста, полный, съ русой бородкой, привѣтливо встрѣчаетъ и ведетъ насъ въ общую столовую, гдѣ я знакомлюсь съ большинствомъ офицеровъ. Затѣмъ идемъ осматривать помѣщеніе войскъ, кухню и другія мѣста. Вездѣ сухо, просторно и свѣтло.—Внизу подъ горой расположены конюшни. Тутъ я полюбовался на муловъ. Такихъ чудныхъ я еще никогда и не видалъ. Даже и не предполагалъ, чтобы они могли быть такой величины. Нѣкоторые были 2 арш. 5 вершковъ до холки, и при этомъ ширины непомѣрной.

— Одинъ пушку увезетъ, — смѣясь говоритъ Третьяковъ и ласково треплетъ вороного длинноухаго красавца.

— Гдѣ вы купили такихъ?—спрашиваю Третьякова.

— Да 30 штукъ купилъ. По 60 рублей—голова въ голову,—у нѣмцевъ, когда ихъ войска отправлялись обратно въ Европу.

— Дешево! дешево!—невольно восклицаю.—Такіе мулы не меньше, какъ рублей по 300 были плачены.

Налюбовавшись до-сыта на разныя диковины, мы ѣдемъ съ полковникомъ Третьяковымъ осматривать городъ. По пути останавливаемся у Великой стѣны, гдѣ былъ подъемъ,—и взбираемся на нее. Какъ-же, думаю, не побывать на стѣнѣ и не полюбоваться съ нея на окрестности. Во многихъ мѣстахъ она уже завалилась, разъѣхалась и поросла мхомъ. Бока выложены крупнымъ кирпичемъ синеватаго цвѣта.

Здѣсь въ Тянь-Тзинѣ я представился нашему военному агенту, генералу Вогакъ. Онъ подарилъ мнѣ свой портретъ, который при семъ и прилагаю.

Хотя Шанхай-Гуань и интересенъ, но все онъ не такъ занималъ меня. Я рвался въ Пекинъ. Ночевали мы въ вагонѣ. Вечеромъ долго разгуливали передъ нашими глазами на площадкѣ англійскіе гуркосы. Маленькаго роста, съ ружьемъ на плечѣ, размахивая руками, они стройно, въ ногу, маршировали взадъ и впередъ подъ заунывные звуки джулейки, нѣчто вродѣ нашей флейты. Долго наигрывали они свою любимую «Janky-Doodle». Я такъ и заснулъ подъ эту музыку.

Генералъ-Маіоръ Вогакъ.

Рано утромъ ѣдемъ дальше. Теперь уже дорога въ англійскихъ рукахъ. Больше не видать нашихъ желѣзнодорожниковъ. Повсюду сипаи и гуркосы. Настоящіе англичане точно куда скрылись. Начальники станцій большинство китайцы. Они ловко и дѣльно распоряжаются. Машинисты—англичане, но кочегары и другіе мелкіе служащіе—опять китайцы. Ѣдемъ все въ томъ-же вагонѣ безъ пересадки.—А вотъ и Тянь-Тзинь *). Вдали виднѣется масса фабрикъ и заводовъ.

---

*) Арс. Ник. Вознесенскій говоритъ:—Тянь-цзинъ-фу, главный городъ области Хэ-цзянь (Печили). Положеніе его при соединеніи Императорскаго канала съ рѣкою Бай-хэ, впадающей въ Печилійскій заливъ, сдѣлало то, что съ конца XII-го вѣка, послѣ окончанія канала, Тянь-Цзинь изъ простой побережной крѣпостицы (основанной въ VII в.), дѣлается значительнымъ торговымъ пунктомъ, пріобрѣтающимъ, наконецъ, преобладающее значеніе во всемъ Сѣверномъ Китаѣ (съ 1885 года договорный портъ, по договору 26 Іюня (подписан. въ кумирнѣ Хай-гуань-сы).

Въ это время онъ становится предметомъ особеннаго вниманія европейцевъ, и особенныхъ опасеній дальновиднаго Дайцинскаго правительства, которое прилагаетъ большія старанія къ его укрѣпленію. Еще въ 1858 году 20 Мая англійская эскадра легко вошла въ устье Бэй-хе, до Тянь-Цзина, а въ 1859 году, пытаясь взять укрѣпленія форпоста Тянь-Цзина-Да-гу (Таку) была отбита и только въ 1860 (21 авг.) съ большими потерями могла достигнуть снова Тянь-Цзина.

Обиліе многочисленныхъ притоковъ рѣки Бай-хэ и каналовъ вокругъ города дѣлаетъ очень удобнымъ мѣстный каботажъ. Но за то болотистая почва сильно вліяетъ на увеличеніе смертности, не говоря уже о томъ, что съ увеличеніемъ количества внутреннихъ каналовъ, уменьшается количество воды въ рѣкѣ.

Къ концу 80-хъ годовъ населеніе Тянь-Цзина достигаетъ 900 съ лишнимъ тысячъ.

Какъ важный торговый пунктъ, гдѣ присутствіе иностран-

Дымки изъ высокихъ трубъ далеко стелются по синему небу. Трудно вѣрится, чтобы это былъ китайскій городъ. Подъѣзжаемъ ближе. Вправо протянулся городъ, а влѣво—поля, разрушенныя деревни и тѣ-же безконечныя могилы.

Англичане не пускаютъ здѣсь ночью поѣздовъ. Опасаются, какъ-бы китайцы не устроили на пути какой каверзы. Поэтому мы въ Тянь-Цзинѣ переночевали, и чуть свѣтъ опять ѣдемъ дальше. На этотъ разъ уже прямикомъ въ Пекинъ. Я все больше и больше волнуюсь. Да трудно и не волноваться. Черезъ нѣсколько часовъ буду въ Пекинѣ. Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ я впервые прочелъ о немъ въ географіи и другихъ дѣтскихъ книжкахъ, мнѣ все мерещилось попасть въ этотъ заколдованный для меня городъ. И вдругъ теперь я ѣду къ нему! Да еще какъ ѣду? Не согнувшись въ три погибели, въ китайской телѣжкѣ, а преспокойно въ вагонѣ. Могъ-ли я, какихъ нибудь 10 лѣтъ назадъ, и мечтать о такой благодати?

День чудный. Тепло. Небо синее. Я стою у от-

цевъ давало знать себя особенно сильно и гдѣ всегда много голоднаго пролетаріата, Тянь-Цзинь остается до сихъ поръ показателемъ чувствъ китайцевъ къ заморскимъ чертямъ.

Въ этомъ отношеніи всѣмъ памятна рѣзня 1870 года (21 Іюня), когда были истреблены всѣ французскія сестры милосердія и много иностранцевъ, и послѣдующія рѣзни, вплоть до событій недавнихъ дней.

Въ настоящее время въ Тянь-Цзинѣ (наравнѣ съ другими европейскими правительствами) русскими пріобрѣтена концессія.

крытаго окна въ одномъ сюртукѣ. Солнце ярко свѣтитъ. На горизонтѣ очерчиваются обширныя деревни, поля, разныя характерныя китайскія постройки, и опять могилы и могилы безъ конца. Вотъ минуемъ деревню. Толпа китайцевъ смотритъ на насъ и ухмыляется. Одинъ мальчуганъ натягиваетъ свой дѣтскій лукъ и ловко пускаетъ въ поѣздъ стрѣлу. Та попадаетъ въ стѣнку вагона и отскакиваетъ.

— Экая шельма!—думается мнѣ.—Ну попади онъ въ кого нибудь изъ насъ,—живо глазъ вышибетъ.

Китайцы ничуть не бранятъ мальчишку, а только хохочутъ, широко раскрывая рты.

Пекина еще не видать. Начинаются сады. Все какія-то мелкія деревья и кустарники. Время зимнее, листвы нѣтъ, поэтому трудно опредѣлить породу деревьевъ. Да пожалуй, ежели-бы она и была, то и тогда не узналъ-бы. Здѣсь, полагаю, много своихъ особенныхъ деревьевъ, которыхъ у насъ и не встрѣтишь. Смотрю на окрестности, не отрывая глазъ. Съ каждымъ поворотомъ колеса въ паровозѣ,—все болѣе интересуюсь. Наконецъ, изъ за одного дерева мелькаетъ высокая красная стѣна. За ней бѣлыя ворота, дальше показываются крыши, драконы, башни, арки, различныя зданія, и тому подобное, безъ числа. Всюду китайцы, идутъ и ѣдутъ. Вдругъ поѣздъ останавливается, вагонъ нашъ отцѣпляютъ, и мы остаемся у какой-то маленькой платформы. Поѣздъ-же идетъ дальше.

XIII.

Пекинъ.

Мы стоимъ съ Кениге на платформѣ, въ недоумѣніи. Поѣдемъ-ли дальше, или здѣсь и конецъ нашему странствованію? Ни кондуктора, ни начальника станціи, однимъ словомъ нѣтъ живой души, у кого можно-бы спросить. Оказывается, какъ мы узнали потомъ, вагонъ нашъ поставили на запасный путь. Смотрю, по другую сторону дороги виднѣется чья-то гауптвахта, и тамъ мелькаютъ солдаты, не то французы, не то итальянцы. Иду справиться. Оказались итальянцы. Унтеръ-офицеръ, красавецъ, рослый, на ломанномъ французскомъ языкѣ, любезно объясняетъ, какъ намъ пробраться въ наше посольство. Нанимаемъ перваго попавшагося китайца съ арбой, наваливаемъ вещи и идемъ пѣшкомъ.

Прежде всего меня поражаетъ мостовая. Она вы-

мощена громаднѣйшими плитами. Плиты разъѣхались отъ времени, образовались щели, и ѣхать въ экипажѣ здѣсь настоящая пытка. Иду, смотрю кругомъ, и таю отъ восторга. Пока народу еще не особенно много. Налѣво тянется длинная красноватая стѣна. Вправо тоже стѣны и какія-то постройки. Все оригинально. Много такого, чего я еще не видалъ ни въ Мукденѣ, ни въ Гиринѣ. Улица очень широкая, скорѣй походитъ на площадь. Вонъ влѣво отъ дороги столпилось множество китайцевъ. Они что-то смѣются. Громкіе голоса такъ и доносятся оттуда. Хотѣлось-бы посмотрѣть, узнать причину, но тогда придется останавливать нашу повозку съ вещами. Далѣе скопляется такое множество народу, что съ трудомъ приходится прочищать себѣ путь. Ничего подобнаго мнѣ и не думалось встрѣтить здѣсь. Я столько наслышался объ узенькихъ и кривыхъ улицахъ Пекина, что теперь прямо-таки не вѣрю себѣ. Улица, по которой мы ѣдемъ, пожалуй шире Невскаго. Всюду народъ сплошной толпой, и по пути намъ, и навстрѣчу. Идутъ пѣшкомъ, ѣдутъ въ телѣжкахъ-рикшахъ, верхомъ на лошадяхъ, мулахъ, ослахъ, верблюдахъ. Вонъ трусить верхомъ, легонькой иноходью, на маленькой рыженькой лошадкѣ съ бубенчиками, какой-то китайскій чиновникъ въ черной курмѣ и красной шапкѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ. Онъ помахиваетъ плетью и расчищаетъ себѣ дорогу въ толпѣ. Сзади него несутъ въ

зеленомъ паланкинѣ, должно быть, китайскаго сановника. Тотъ безучастно смотритъ, черезъ громадныя очки, по сторонамъ въ окна паланкина и плавно покачивается на носилкахъ.—Вдали показываются высочайшія крѣпостныя стѣны, и въ нихъ очерчиваются темныя ворота. Улица съуживается. Народъ все больше тѣснится. По сторонамъ тянутся ряды лавокъ. Оживленіе поразительное, какъ у насъ въ Гостинномъ дворѣ на Вербной недѣлѣ. Шумъ и гамъ стоятъ оглушительные. Голоса погонщиковъ, выкрикиванье разнощиковъ, щелканье бичей, звонъ колокольчиковъ, бубенчиковъ, ревъ ословъ и верблюдовъ, ржаніе лошадей, грохотъ колесъ о мостовую — все это сливается въ одинъ невообразимый гулъ. Навстрѣчу попадается не мало и европейцевъ. Вонъ идутъ три итальянца въ синихъ накидушкахъ. Далѣе нѣмецкіе солдаты въ сѣрыхъ курткахъ, похожихъ на наши офицерскія тужурки. Русскихъ пока еще не встрѣчаю. Подходимъ къ красивому, очень широкому мосту изъ бѣлаго камня, украшенному оригинальными перилами и разными фигурами. За нимъ, во всей своей красѣ, вырисовывается стѣна Императорскаго города. Она очень высока, саженей шесть, ежели не больше. Ворота заперты, и прохожіе, чтобы попасть въ городъ, дѣлаютъ обходъ. Мы сворачиваемъ и идемъ вдоль подножья стѣны. Здѣсь пріютились нищіе, самаго ужаснаго вида, почти голые. Одинъ, должно быть полупомѣшанный, ѣлъ горстями золу изъ раз-

битаго горшка. Лицо выпачкано сажей вплоть до ушей. Дѣйствительно-ли онъ ѣлъ, или только прикидывался, какъ это часто дѣлаютъ профессіональные нищіе,—я не могъ разглядѣть. Проходимъ ворота. Они колоссальной величины. Такихъ я еще невидалъ. Минуемъ площадку, и сворачиваемъ въ чистую европейскую улицу. Она называется Посольской. Обстроена прекрасно. На крышахъ развѣвались англійскіе и американскіе флаги. Подаемся еще немного, и вотъ, влѣво, за развалившимся каменнымъ заборомъ, сначала показалась площадка съ обгорѣвшими постройками. За ними, дальше, мелькалъ надъ воротами нашъ трехцвѣтный флагъ, а у воротъ прохаживался съ ружьемъ на плечѣ бравый стрѣлокъ, часовой. Сердце мое забилось сильнѣй. Вѣдь это нашъ,—русскій!

— Здорово, молодчина! кричу ему.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!—бойко отвѣчаетъ онъ.

— Что,—здѣсь наше посольство?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

— И начальникъ охраннаго отряда, полковникъ Дубельтъ, здѣсь?

— Такъ точно,—вотъ ихъ квартира! и часовой указываетъ направленіе.

Наше посольство помѣщается какъ разъ противъ американскаго.

Оставляю повозку у воротъ, а самъ съ Кениге-

иду къ Дубельту. Я зналъ его по Текинскому походу. Тогда онъ былъ еще молодой поручикъ, блондинъ, тонкій, худощавый. Дубельтъ какъ разъ шелъ намъ навстрѣчу.

— Съ какимъ поѣздомъ вы пріѣхали? первое, что спрашиваетъ онъ.—А я хотѣлъ черезъ часъ отправлять за вами экипажъ.

Дубельта я бы не узналъ. Это былъ уже степенный полковникъ. Каждое слово его было какъ-бы заранѣе обдумано, расчитано.

— Ну, пойдемте искать вамъ помѣщеніе!—восклицаетъ онъ.—Отправляемся. Посольство состояло изъ нѣсколькихъ длинныхъ флигелей. Между ними находился не то дворъ, не то садикъ, обсаженный деревьями. Въ сторонѣ отъ этихъ флигелей помѣщался домъ посла, а по близости церковь. Наше посольство въ Пекинѣ—одно изъ самыхъ старинныхъ.

Искали мы, искали свободной комнатки, и наконецъ-таки нашли. Одинъ казачій офицеръ, поручикъ Сарычевъ, охранной сотни, былъ въ отпуску во Владивостокѣ. Такъ вотъ, въ его квартиркѣ я и остановился. Это было великое счастье,—а то, какъ и въ Портъ-Артурѣ, хоть на улицѣ ночуй. Положимъ, въ городѣ есть гостинницы, но очень плохія, содержимыя китайцами. Я немедленно-же перебираюсь туда съ моими вещами. Кениге, какъ офицеръ Читинскаго полка, остановился у командира сотни своего полка,

князя Кекуатова. Однимъ словомъ, все устроилось благополучно.

На другой день, часовъ, въ 9-ть утра, надѣваю мундиръ и иду являться нашему послу. Домъ устроенъ на барскій манеръ, съ большой верандой. Казакъ докладываетъ, и меня принимаютъ. Лессара я зналъ, какъ и Дубельта, тоже по Текинскому походу. Когда покойный Скобелевъ отправлялся изъ Петровска на пароходѣ въ Чикишляръ, то съ нами ѣхалъ генералъ Анненковъ, для постройки желѣзной дороги, а съ нимъ былъ и Лессаръ, молодой инженеръ, очень милый, симпатичный и разговорчивый. Я радовался встрѣтиться съ нимъ послѣ того, какъ не видался 20 лѣтъ.

Лессаръ чувствовалъ себя не особенно здоровымъ. Я, конечно, никакъ не узналъ-бы его. Сколько ни присматриваюсь къ нему, не могу найти ни единой знакомой черточки. Передо мной сидѣлъ, въ мягкихъ креслахъ, за письменнымъ столомъ, почти старикъ, коротко стриженный, тощій, съ маленькой сѣдой бородкой. Гдѣ-же, думаю, тотъ красивый брюнетъ, котораго я зналъ 20 лѣтъ назадъ?

— Вѣдь мы знакомы были, ваше превосходительство!—Помните, когда ѣхали въ Текинскій походъ, говорю ему.

— Да, да, какъ-же! отлично помню! Съ тѣхъ поръ много перемѣнъ произошло, — улыбаясь отвѣчаетъ посолъ.

Вспомнили мы Анненкова, вспомнили Скобелева, и на томъ аудіенція моя и кончилась.

Лессаръ пріѣхалъ сюда за мѣсяцъ передо мной.

Отъ посла иду дѣлать визиты первому секретарю Крупенскому, второму—Святополкъ-Мирскому, третьему секретарю—Броднянскому, драгоману Колесову, директору Русско-Китайскаго банка—Покотилову, его помощнику Позднѣеву,—офицерамъ охраннаго отряда, и почтмейстеру Николаю Ивановичу Гомбоеву.

Гомбоевъ жилъ въ Пекинѣ уже 30 лѣтъ. Зналъ городъ лучше, чѣмъ сами китайцы, и говорилъ на ихъ языкѣ совершенно свободно. Всѣ эти познанія его были для меня очень дороги, такъ какъ я, при его помощи, надѣялся поближе познакомиться со столицей Китая. Затѣмъ сдѣлалъ визитъ нашему священнику, отцу Авраамію. Раньше я заходилъ къ нему, да все дома не заставалъ. Онъ живетъ недалеко отъ церкви, въ маленькой комнаткѣ. Когда я увидалъ его наконецъ, то нѣсколько удивился. Представьте себѣ нашего священника, представительнаго, красиваго, съ окладистой черной бородой,—и вдругъ въ китайской курмѣ.

— Что это вы, батюшка, китайцемъ нарядились? говорю ему.

— Да изволите-ли видѣть, дома я и все такъ хожу,—очень удобно. Я и пищу ѣмъ только китайскую. Привыкъ. Русскую прислугу, которая-бы умѣла готовить наши кушанья,—не достать,—ну, вотъ китаецъ и готовитъ.

И дѣйствительно, когда поживешь въ Китаѣ подольше, то убѣдишься, что намъ никакъ китайца не передѣлать на свой ладъ, — а напротивъ, китаецъ пересилитъ, русскій непремѣнно тамъ окитаится.

Воскресенье. День солнечный. Погода чудная. Половина одиннадцатаго. Пора идти въ церковь. Посолъ вѣрно уже тамъ. Онъ аккуратно посѣщаетъ по праздникамъ церковь. Надѣваю сюртукъ и иду. Церковь старинная, маленькая, полна молящихся. Вонъ стоитъ впереди посолъ, съ тростью въ рукѣ. Онъ слегка хромаетъ, а потому безъ палки не обходится. Сзади него стоятъ секретари, а также ихъ семейства, барыни, барышни и разный чиновный людъ. Позади солдаты и казаки. Смотрю на клиросъ и что-же вижу? Поютъ китайцы. Спрашиваю кого-то изъ сосѣдей, — тотъ объясняетъ, что это Албазинцы. Извѣстно, что еще во времена Алексѣя Михайловича, въ 1686 году, Манчжуры напали на Амурѣ на нашу казачью станицу Албазино, осадили ее и долго штурмовали. Казаки защищались отчаянно. Но сила, какъ говорится, и солому ломитъ. Станицу всетаки непріятель взялъ и жителей увелъ въ плѣнъ въ Пекинъ. При этомъ Албазинцы захватили изъ своей церкви святыню свою, икону Николая Чудотворца Можайскаго. Теперь она виситъ здѣсь на стѣнкѣ въ золоченной ризѣ. Такъ вотъ потомки тѣхъ Албазинцевъ, за двухсотлѣтнее пребываніе свое въ Китаѣ, такъ обжились и сроднились съ китайцами, что ихъ и не отличишь. Они

На паперти церкви въ Пекинѣ.

одѣваются по-китайски, говорятъ на ихъ языкѣ, свой русскій окончательно забыли, но вѣру исповѣдуютъ православную. Въ послѣдніе безпорядки въ Пекинѣ, много Албазинцевъ погибло подъ ножами боксеровъ.

Обѣдня кончается, всѣ выходятъ изъ церкви. Подхожу къ Албазинской иконѣ, разсматриваю, и въ это время мнѣ приходитъ на мысль,—хорошо-бы ее сфотографировать. Иду въ алтарь къ отцу Авраамію. Тотъ, скинувши ризу, въ маленькой китайской курмѣ, допивалъ причастіе.

— Батюшка! говорю ему.—Разрѣшите мнѣ снять фотографію съ иконы.

— Такъ что-же, можно! отвѣчаетъ онъ любезно. Надо сказать Албазинцамъ, пока они не ушли.— Бѣгу къ нимъ, привожу троихъ, — беремъ икону и выносимъ въ садъ, гдѣ мой милый Кениге немедленно-же ее и снимаетъ.

Интересно, какъ разсказывали мнѣ наши здѣшніе старожилы, что первое время, когда основана была здѣсь наша миссія,—священники и причтъ получали жалованье и вообще иждивеніе отъ китайскаго правительства. Произошло это, какъ говорятъ, еще при Богдыханѣ Канси. Причиной тому было чрезвычайно трудное сообщеніе съ Москвой. Деньги, посылаемыя сюда въ миссію, шли годами. Ну, гдѣ-же ихъ дождаться? И вотъ, ежели-бы не милость китайскихъ императоровъ, то нашимъ церковнослужителямъ пришлось-бы здѣсь очень плохо.

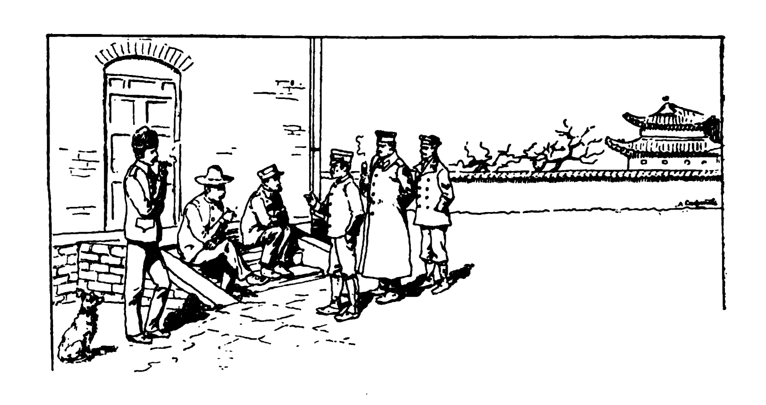
Представленіе Богдыхану.

На пути во дворецъ.

Какъ разъ въ это время, всѣ посольства, въ томъ числѣ и наше, представлялись Китайскому Императору и Императрицѣ. Мнѣ очень хотѣлось тоже пристроиться, что-бы посмотрѣть «Сына Неба». Но какъ я ни просилъ,—Лессаръ наотрѣзъ отказалъ. Должно быть имѣлъ на то свои причины. Досадовалъ я сильно, но дѣлать было нечего. Пришлось ограничиться тѣмъ, что сфотографировалъ, ка́къ нашего посла драгоманъ Колесовъ и полковникъ Дубельтъ усаживали въ паланкинъ, и затѣмъ, ка́къ китайцы несли паланкинъ во дворецъ, въ сопровожденіи китайскаго-же конвоя.

XIV.

Иностранные отряды.

Нашъ отрядъ въ Пекинѣ, послѣ безпорядковъ и осады, еще не оправился. Помѣщеніе было плохое, тогда какъ иностранные отлично устроились, и возвели казармы и дома, похожіе на дворцы. Надо сказать, что, пользуясь послѣдними военными безпорядками, всѣ посольства, въ томъ числѣ и наше, отхватили себѣ по сосѣдству знатные участки, подъ предлогомъ, дабы не повторилась стрѣльба съ сосѣднихъ крышъ. И такъ расширились, и разстроились, что почти въ каждомъ отведено по огромному плацу для военныхъ ученій, игры въ лаунъ-теннисъ и разныя другія игры. Наше посольство занимаетъ теперь болѣе двухъ десятинъ. И это въ самомъ центрѣ города, гдѣ каждая сажень стоитъ громадныхъ денегъ.

Въ первое-же воскресенье послѣ обѣдни, идемъ

съ Кениге дѣлать визиты начальникамъ иностранныхъ отрядовъ, а день спустя ѣдемъ осматривать и самыя казармы. Болѣе всего заинтересовали меня и понравились мнѣ американскія. Показывалъ ихъ самъ начальникъ отряда, полковникъ Робертсонъ, высокій, плотный янки, съ гладко бритымъ лицомъ. Онъ жилъ въ отдѣльномъ домѣ, устроенномъ съ полнымъ комфортомъ. Казармы тянулись покоемъ вокругъ большого открытаго плаца. Входимъ въ одну казарму. Кровати размѣщены, какъ и въ нашихъ, только много свободнѣе. И какія кровати! Матрацы на пружинныхъ рѣшеткахъ. Такая кровать стоитъ, мало 25 рублей. Одѣяла байковыя, теплыя, каждому полагается по два. На каждыхъ 4-хъ солдатъ отводится одинъ шкафъ съ 4-мя отдѣленіями. Вообще казармы напоминали наши столичныя учебныя заведенія. Но что въ особенности хорошо здѣсь — это кухня, ванны и дортуары. О такой роскоши у насъ и помышлять еще нельзя. Купальня — на 6 ваннъ, гдѣ каждый солдатъ моется въ извѣстные дни. Холодной и горячей воды сколько угодно, и даже дождикъ есть. Для больныхъ имѣются отдѣльныя ванны. Дортуары тоже — такъ просто и чисто устроены, что оставалось только пожелать такихъ и въ нашихъ казармахъ. Отсюда почтенный чичероне ведетъ насъ въ кухню. Безмолвно отворяетъ двери и любезно пропускаетъ насъ впередъ. И здѣсь я останавливаюсь, и съ восхищеніемъ любуюсь. Половину обширной комнаты занимала плита,

со всевозможными новѣйшими приспособленіями. Это цѣлая машина. И чего тутъ нѣтъ? И котлы, и краны, и духовыя печи, вертела и разныя разности. Жаркія, супы, мусы, хлѣбы, хлѣбцы, разныя булочки, все это пеклось, жарилось, варилось въ разныхъ соусникахъ, противняхъ и другихъ сосудахъ. У американцевъ пекутъ одинъ бѣлый хлѣбецъ въ 2¹/₂ фун. на двухъ человѣкъ на день. Нѣсколько поваровъ въ блузахъ суетились около плиты. Робертсонъ стоитъ, смотритъ на меня и значительно улыбается. Онъ видѣлъ наши казармы, и знаетъ хорошо, что у насъ ничего подобнаго нѣтъ, да врядъ-ли скоро и будетъ. И припомнились мнѣ наши ротныя кухни въ Мукденѣ, Гиринѣ и другихъ городахъ Манчжуріи, въ коихъ вмазаны въ очагѣ два котла. Въ одномъ варятся щи, въ другомъ мать наша—грешневая каша—да вотъ и все. А тутъ чего-чего только нѣтъ! Я прошу Робертсона прислать мнѣ ихъ меню, т. е. росписаніе солдатской пищи на недѣлю. Онъ любезно обѣщаетъ.

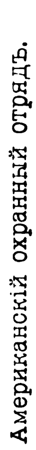
Изъ кухни идемъ въ общую солдатскую столовую. Въ большомъ залѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ, они пили пиво, курили и весело разговаривали. Здѣсь былъ ихъ ресторанъ. Каждый солдатъ за ничтожную плату могъ получить, что ему угодно, ежели-бы захотѣлъ. Изъ столовой идемъ въ складъ, гдѣ хранилась провизія и разные запасы. Боже, какія здѣсь возвышались горы консервовъ! Тутъ была всякая всячина: мясо, ветчина, баранина, свинина, сухія овощи, фрукты,

рыба, варенья, мармеладъ, чай, кофе, сахаръ и т. п. Однимъ словомъ, здѣсь всюду виднѣлся избытокъ во всемъ.

Солдаты одѣты отлично. Синія накидушки ихъ изъ тонкаго прочнаго сукна. Сапоги, оружіе, головной уборъ—все хорошо. Сами солдаты народъ здоровый, молодой, краснощекій. Видно, что ихъ хорошо содержатъ, и лишней работой не обременяютъ.

Передъ тѣмъ, чтобы поблагодарить моего милаго и любезнаго американца за вниманіе, я прошу позволенія снять съ него фотографію, на что Робертсонъ съ удовольствіемъ соглашается, и становитъ по близости своего сержанта, который съ нами ходилъ. Въ это время подходитъ къ намъ знакомый мнѣ американскій агентъ въ Пекинѣ, мистеръ Ривсъ. Кениге со всѣхъ ихъ снимаетъ группу. Къ сожалѣнію, фотографія вышла неудачна. Въ тотъ-же день я получаю отъ Робертсона меню ихъ солдатской пищи. Росписаніе было напечатано на машинкѣ, со всѣми подробностями, очень шикарно, на тонкой почтовой бумагѣ. Листы были скрѣплены бронзовыми кнопочками.

Часовъ 10 утра. Я съ Кениге выходимъ изъ воротъ нашего посольства. По близости, на красивомъ, широкомъ каменномъ мосту, на Посольской улицѣ, цѣлый день стоятъ мальчишки-извощики, со своими рикшами. Вотъ они увидали насъ, и тучей «въ обгонки» бросаются навстрѣчу. Впереди всѣхъ летитъ,

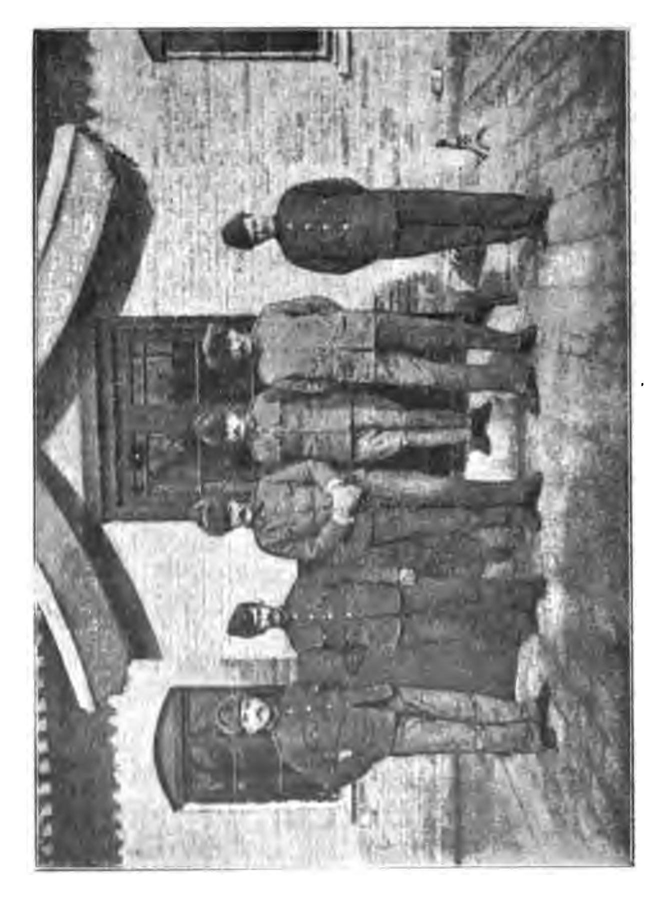

Американскій охранный отрядъ.

съ растрепанной косичкой, мой знакомый китайченокъ, черноватый, лѣтъ 16-ти, очень красивый. Будь это дѣвочка, въ нее можно бы влюбиться. Въ немъ не было ничего непріятнаго китайскаго. Лицо совершенно правильное, тонкое, глаза нисколько не наискось. Зубы бѣлые, что жемчугъ. Ко всему этому мальчикъ былъ отлично сложенъ. Я сажусь въ его рикшу, Кениге въ другую, и мы ѣдемъ вдоль канала, по асфальтовой мостовой, мимо запретнаго города, въ англійскій охранный отрядъ. Тамъ полковникъ Бауэръ, высокій лысый старикъ, уже ожидалъ насъ. Онъ наканунѣ извѣстилъ письмомъ, что будетъ дома.

Какъ и Робертсонъ, Бауэръ самъ ведетъ насъ показывать свои владѣнія. У англичанъ тоже все устроено солидно. Въ особенности обращено вниманіе на стѣны. Всѣ онѣ закончены. Банкеты, траверзы— все выведено какъ по линейкѣ. Бойницы-же съ наружной стороны замаскированы. Онѣ выходятъ на Императорскій дворецъ, и жителямъ не особенно было-бы пріятно постоянно видѣть жерла непріятельскихъ орудій, какъ-бы грозящихъ ихъ Сыну Неба.

Входимъ въ гимнастическое зало. Команда солдатъ, въ однѣхъ фуфайкахъ, прыгала черезъ кобылу. Всѣ отлично исполнили этотъ нумеръ. Только одинъ толстякъ, блондинъ, грузно свалился на руки здоровеннаго унтеръ-офицера, который принималъ всѣхъ упражняющихся въ свои объятія. Затѣмъ выходимъ на плацъ. Здѣсь другая команда дѣлала ручную гим-

Англійскій охранный отрядъ.

настику и присѣданія. Солдаты тоже всѣ упитанные, краснощекіе. Видно, что ростбифа для нихъ, какъ и у американцевъ, тоже не жалѣютъ. Бауэръ съ отмѣннымъ удовольствіемъ старается показать намъ все, до мельчайшихъ подробностей. Куда, куда только не заводилъ онъ насъ! Вотъ входимъ къ завѣдующему хозяйствомъ. Это старикъ сипай, сѣдой, бородатый. По словамъ Бауэра, онъ служитъ уже лѣтъ тридцать. Старикъ былъ такъ симпатиченъ и такъ интересенъ, что я попросилъ позволенія снять съ него фотографію. Затѣмъ осматриваемъ читальное зало, библіотеку. Общаго обѣденнаго зала, какъ у американцевъ, у англичанъ здѣсь нѣтъ. А есть небольшіе, при каждой казармѣ отдѣльно. Какъ ни хорошо у англичанъ, но все нѣтъ того комфорта, что у американцевъ. Меню обѣда и ужина мнѣ и здѣсь посчастливилось достать. Въ ихъ провіантскомъ складѣ я нашелъ цѣлыя горы жестянокъ съ мармеладомъ и разными другими сладостями. Англичане большіе сладкоѣшки.

На 3-й день идемъ къ нѣмцамъ. Начальникъ отряда, графъ Монжела, сравнительно еще молодой человѣкъ, большой хлѣбосолъ. Онъ первый угостилъ меня прекраснымъ обѣдомъ. Ходитъ въ сѣрой курткѣ, съ отложнымъ воротникомъ, фуражка съ бѣлымъ околышемъ. По тону голоса, по манерѣ говорить, видно, что графъ знаетъ цѣну себѣ и своему отряду. Самоувѣренность и какъ-бы сознаніе превосходства,

Нѣмецкій охранный отрядъ.

проглядывали у него на каждомъ шагу. Онъ ведетъ насъ къ казармамъ, гдѣ поручаетъ другому офицеру. Самъ-же раскланивается, говоритъ какое-то извиненіе, и съ тетрадкой подъ мышкой твердой походкой куда-то удаляется. Еще издали, глядя на часового у воротъ, какъ онъ отхватываетъ на караулъ, застываетъ въ своей вытянутой позѣ, какъ онъ повернулъ къ вамъ голову и пожираетъ глазами, можно сразу сказать, что передъ вами нѣмецъ. Вотъ проходитъ мимо взводъ ихъ солдатъ. Слышится команда «Achtung». Головы, точно у манекеновъ, съ поразительной точностью поворачиваются въ нашу сторону, ноги начинаютъ яростно отбивать шагъ, и вся эта команда, какъ одинъ человѣкъ, въ своихъ сѣрыхъ курткахъ и фуражкахъ скрывается за угломъ дома.

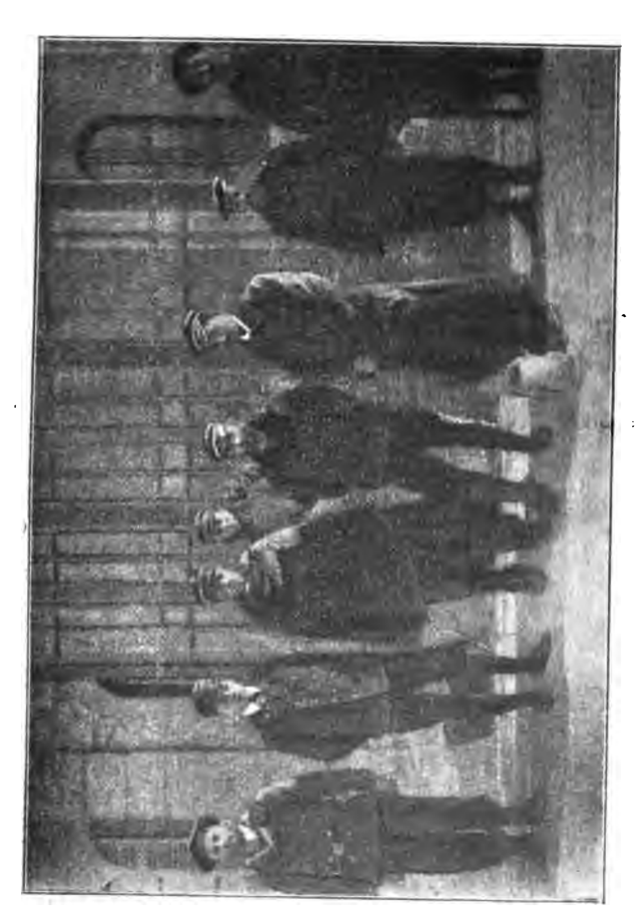
Нѣмецкія казармы значительно уступаютъ въ комфортѣ англійскимъ и американскимъ. Въ кухнѣ стоялъ такой паръ отъ горячей воды, что мы съ Кениге долго не могли разобрать, гдѣ находимся. Здѣсь не было той роскоши, которую мы видѣли у просвѣщенныхъ мореплавателей, но все просто и практично. На столахъ всюду лежали «Kartoffeln und Kartoffeln». Въ большомъ котлѣ варилась лапша изъ гороховой муки. На стѣнѣ вижу росписаніе кушаній на недѣлю. Прошу спутника офицера,—нельзя-ли мнѣ списать его. Тотъ безъ дальнихъ разговоровъ срываетъ и отдаетъ мнѣ. Затѣмъ идемъ въ самыя казармы. Помѣщеніе для нижнихъ чиновъ про-

сторное, много воздуха и свѣта. Кровати такія-же, какъ и у нашихъ солдатъ, матрацы набиты соломой. Казармы расположены и сгрупированы такъ, что по одному удару палки барабанщика весь отрядъ можетъ собраться, какъ одинъ человѣкъ.

Нѣмцы тоже еще не совсѣмъ устроились. Плацъ для ученья у нихъ не готовъ. Я неоднократно видѣлъ, какъ они водятъ своихъ людей на городскія стѣны—дѣлать тамъ ученіе.

Въ слѣдующіе дни осмотрѣли мы итальянцевъ, японцевъ, французовъ и австрійцевъ. Всѣ казармы отличныя, и трудно отдать предпочтеніе тѣмъ или другимъ. У итальянцевъ гарнизонъ — моряки. Поэтому койки у нихъ устроены, какъ на кораблѣ—подвѣсныя. Днемъ все поднято и убрано. Это очень чисто и не даетъ заводиться грязи. Итальянцы пьютъ много вина. Его даютъ людямъ въ день по нѣсколько разъ. Я спускался въ подвалъ. Тамъ хранится съ полсотни бочекъ краснаго вина. Вино превкусное.

У японцевъ казармы большія, двухъ-этажныя. Вотъ я вхожу на ихъ обширный плацъ. Еще издали слышны какіе-то отчаянные, рѣзкіе крики—то японцы учатся фехтованію, ихъ любимое занятіе. Во время упражненій, они отчаянно кричатъ, визжатъ, и тѣмъ самымъ всячески подбадриваютъ себя. Презабавно смотрѣть, какъ японцы фехтуются. На кухнѣ нашли мы порядочную грязь. Подъ ногами валялись

Итальянцы.

Японцы на ученьи.

обрѣзки овощей и разныя разности. Пища хорошая. Мнѣ дали попробовать нѣчто въ родѣ нашихъ пышекъ съ вареньемъ. Очень вкусныя. Японцы любятъ рыбу, рисъ и зелень. Солдаты маленькаго роста, коротко остриженные, бороды не носятъ, поэтому издали напоминаютъ кадетъ.

Лучше всѣхъ казармы у французовъ. Начальникъ отряда, полковникъ Колине, маленькій, худенькій, черненькій, чрезвычайно подвижной, вѣчно съ сигарою въ рукѣ, разсыпался въ любезностяхъ, когда мы пришли. Часть войскъ была уже выстроена на обширномъ дворѣ и ожидала нашего прибытія. Люди — молодецъ къ молодцу. Одѣты прекрасно. Самъ Колине, вмѣстѣ съ прочими офицерами ведутъ насъ показывать помѣщеніе,—библіотеку, читальное зало, помѣщеніе для фельдфебелей и сержантовъ. Это все одна прелесть. Въ общую столовую приходимъ какъ разъ во время обѣда. Еще издали слышны веселые разговоры. Завидѣвъ начальство, люди быстро встаютъ. Лица здоровыя, довольныя. Ѣда обильная, аппетитная. Меню обѣда такъ интересно, что не лишнее обратить на него особое вниманіе.

Казармы австрійцевъ походятъ на французскія и итальянскія. Замѣчательно, что наши офицеры, здѣсь въ Пекинѣ, дружатъ больше всего съ австрійцами. Я испыталъ это на себѣ. Каждый разъ, когда я попадалъ къ нимъ, они готовы были запоить меня шампанскимъ.

Разъ какъ-то Дубельтъ пригласилъ всѣхъ начальниковъ отрядовъ на обѣдъ, послѣ котораго мы вышли въ садъ, гдѣ японецъ-фотографъ и снялъ насъ группой.

Вотъ сравнительная таблица росписанія пищи въ нашемъ и въ иностранныхъ отрядахъ.

По свидѣтельству монаха Іакинфа, прожившаго въ Пекинѣ 30 лѣтъ и изучившаго его во всѣхъ подробностяхъ,—Пекинъ почитается однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Китая. Іакинфъ говоритъ въ своемъ интересномъ описаніи Пекина, что городъ этотъ не сохранилъ свидѣтельства о своемъ основаніи. Потомокъ-же Государя Хуанъ-ди, получившій сію страну въ удѣлъ въ 1121-мъ году до Рождества Христова, первый имѣлъ резиденцію на мѣстѣ нынѣшняго Пекина, который въ то время назывался «Цзи». Такимъ образомъ, изъ этого свидѣтельства слѣдуетъ, что Пекинъ превосходитъ древностью не только всѣ китайскіе города, но чуть ли не всѣ существующіе на земномъ шарѣ.

Часовъ 10 утра. День солнечный. Погода превосходная. Довольно свѣжо. Надѣваю лѣтнее пальто, вооружаюсь биноклемъ, и направляюсь взглянуть хорошенько на городскую стѣну. Переводчика со мною нѣтъ,—иду одинъ. Миную Американское посольство, нашъ Русско-Китайскій Банкъ,—и подхожу къ стѣнѣ. Она еще издали поражаетъ своею величиной. Это не тѣ стѣны, что я видѣлъ въ Мукденѣ или Ги-

Роспиcaнie пищеваго до

		ВОСКРЕСЕНЬЕ.	ПОНЕДѢЛЬ
Русскій отрядъ.	Обѣдъ	Картофельный супъ съ мясомъ. Каша. Пирогъ.	Борщъ съ мясом
	Ужинъ	Щи изъ салата съ мясомъ и картофелемъ. Чай.	Рисовый супъ съ м
Нѣмецкій отрядъ.	Обѣдъ	Свинина жаркое. Картофель. (R.) Schweinbraten. Kartoffel. Морковь. Mohrrübengemüse.	(R.) Büchsenfleisch. Картофель. Kartoffeln.
	Ужинъ	Рагу изъ говядины. Rindfleisch als Goulasch. Картофель. Kartoffeln.	Картофель. Соусъ. Kartoffeln. Sause.
Французскій отрядъ.	Обѣдъ	Супъ. Бобы Soupe grasse. Haricots au jus. Choux au lard. Fromage de Porc. Жаркое говядина. Кофе. Boeuf en sauce. Café.	Супъ изъ зелени. Жар Soupe légumes. Boeu Горошекъ варен. Шпин Petit pois en jus. Epin
	Ужинъ	Супъ. Картофельн. салатъ. Soupe grasse. Pommes en salade. Жаркое говядина. Жаркое заяцъ. Bœuf en sauce. Civet de lièvre. Чай. Thé.	Супъ. Рагу съ Soupe grasse. Ragoût d Баранина жареная. Жа Boeuf mouton. Po Чай. Thé.
Италіанскій отрядъ *).	Обѣдъ	Говядина. Тѣсто. Соль. Сыръ. Viande. Pâte. Sel. Fromage. Вино. Хлѣбъ. Провансь. масло. Vin. Pain. Huile.	Говядина. Рисъ. Соль. Viande. Riz. Sel.
	Ужинъ	Говядина. Картофель. Viande. Pommes de terre. Пров. масло. Вино. Хлѣбъ. Huile. Vin. Pain.	Сыръ. Вино. Fromage. Vin.

ринѣ. Нѣтъ. Эта чуть не вдвое выше. Снизу она 9 саженей ширины, и затѣмъ, постепенно съуживаясь,—наверху имѣетъ 7 саженей. Разсказывали мнѣ товарищи офицеры здѣшняго охраннаго отряда, что находятся смѣльчаки-искусники, китайцы, которые по выступамъ кирпичей влѣзаютъ на стѣны. Я долго этому не вѣрилъ, такъ какъ выступы эти всего въ палецъ ширины, но однажды какой-то китаецъ бросается мнѣ показывать свое искусство, и быстро, точно кошка, лѣзетъ по стѣнѣ. Я поскорѣй остановилъ его. Было-бы очень непріятно, ежели-бы онъ, не добравшись до вершины, грохнулся о-землю.

Вотъ взбираюсь на стѣну по отлогому, ровному подъему. Видъ прелестный. Ширина стѣны непомѣрная, вышина саженей шесть. Иду и восторгаюсь. Прогуляться по Пекинскимъ стѣнамъ, куда какъ пріятно! Видно далеко. Внизу что муравейникъ. Китайцы такъ и шныряютъ во всѣ стороны. Всѣ посольства отсюда, какъ на ладони. Вонъ наше, за нимъ англичане. Вправо итальянцы, японцы, а еще правѣе нѣмцы. Влѣво американцы. Слѣдовъ разрушенья послѣ войны осталось еще порядочно. Иду по стѣнѣ дальше. Вдругъ она расширяется, пожалуй саженей 15 будетъ. Тутъ возможно дѣлать ученье солдатамъ. И это гдѣ-же,—на стѣнѣ! А вотъ здѣсь лежатъ груды кирпича, вывороченнаго изъ стѣны. Это, очевидно, остатки баррикадъ, которыя строили обѣ

Мостъ Линевича въ Пекинѣ.

(Мостъ, черезъ который вошли русскія войска въ Пекинъ).

воюющія стороны во время безпорядковъ. Иду все дальше и дальше. Натыкаюсь на китайскую караулку. Солдаты забрались въ будку,—ихъ и не видно. Вмѣсто дверки спущено какое-то одѣяло. Доносятся голоса и смѣхъ. Далеко на горизонтѣ виднѣются сады, деревья, башни, арки, крыши. Городъ раскинулся далеко во всѣ стороны. А вонъ, какъ разъ противъ меня, въ полуверстѣ, виднѣется, за красной кирпичной стѣной, Императорскій дворецъ. Беру бинокль и смотрю. На роскошномъ просторномъ плацу, вымощенномъ бѣлымъ камнемъ, продѣлываетъ ученье китайская пѣхота. Ясно вижу, какъ шеренга солдатъ, человѣкъ десять, бѣжитъ, отбивая ногу. Два японца подпрыгиваютъ сзади и бьютъ тактъ въ ладоши. Бинокль у меня чудный. Я заплатилъ за него въ Петербургѣ 107 рублей, и теперь очень имъ доволенъ.

Пока такъ разсматриваю,—вдругъ вижу: позади меня, точно изъ земли выростаютъ, изъ-за груды кирпича, два китайскихъ солдата. Вѣрнѣе всего, что они и не имѣли противъ меня никакого злого умысла, но мнѣ представилось: «а что ежели ихъ тутъ за развалинами много, и они вздумаютъ на меня напасть? Я одинъ и даже револьвера не захватилъ». Прячу поскорѣй бинокль въ футляръ и благополучно пробираюсь во свояси.

Въ тотъ-же день, послѣ завтрака, подговариваю компанію нашихъ офицеровъ проѣхаться по стѣнѣ къ тому мѣсту, гдѣ была древняя обсерваторія. На-

нимаемъ пять рикшъ. Стѣны такъ широки, что мы свободно ѣдемъ всѣ рядомъ, да и то еще мѣста остается очень много.

Подъѣзжаемъ къ высокой башнѣ, съ амбразурами. Она стоитъ какъ разъ на заворотѣ стѣны. Входимъ въ нее. Середину поддерживаютъ деревянныя колонны-бревна, огромной толщины. Амбразуры, или, скорѣй, окошечки, идутъ въ нѣсколько этажей. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что въ старину изъ этихъ оконъ стрѣляли лучники, т. е. стрѣлки изъ луковъ, осыпая наступающаго непріятеля стрѣлами. Походили мы тутъ по стѣнѣ, и ѣдемъ дальше. Подъѣзжаемъ къ развалинамъ обсерваторіи. Мѣсто, гдѣ она помѣщалась, напоминаетъ теперь отчасти низенькій амфитеатръ-ложу. Стѣны были сложены изъ массивныхъ тесанныхъ глыбъ бѣлаго камня. Снаружи на нихъ были высѣчены различныя изображенія, въ видѣ рыбъ, животныхъ, цвѣтовъ, и т. п. Кениге немедленно приступаетъ снимать съ нихъ фотографіи. Скрѣпы толстыя желѣзныя. По всему видно, что не разрушай нѣмцы этой обсерваторіи, она простояла бы еще сотни лѣтъ, до того все прочно было сдѣлано *). Отсюда со стѣны близехонько виднѣлся эк-

*) По свидѣтельству того-же монаха Іакинфа, обсерваторія эта основана при династіи Юань въ 1279-мъ году. Въ 1673 году прежнія астрономическія орудія, по причинѣ ихъ древности, замѣнены были новыми. Ихъ - то нѣмцы и увезли въ Берлинъ въ послѣднюю войну, въ 1900-мъ году.

Древняя башня для стрѣльбы изъ луковъ на Пекинскихъ стѣнахъ.

заменаціонный университетскій дворъ, а съ нимъ и тысячи каморокъ, въ которыхъ несчастные студенты запираются на время экзаменовъ, какъ узники. Ближе виднѣлись садики, огороды, маленькія кумиреньки. Возвращаемся обратно. Мальчишки быстро катятъ насъ въ своихъ рикшахъ по кирпичной мостовой. Я смотрю по сторонамъ, и невольно соображаю, какихъ колоссальныхъ трудовъ и расходовъ стоитъ эта удивительная стѣна. Вѣдь она тянется вокругъ города чуть не на 40 верстъ,—и куда выше и шире Великой стѣны. Право, стоитъ пріѣхать въ Пекинъ, чтобы только подивиться на одно это чудо!

XV.

Монгольская кумирня.

Какъ-то ранехонько, я съ Кениге ѣдемъ къ Гомбоеву. На улицѣ порядочный морозъ. Наканунѣ мы условились ѣхать осматривать Монгольскую кумирню. Я ѣду въ колясочкѣ, которую обязательно предложилъ мнѣ кн. Кекуатовъ. Кениге въ двуколкѣ. Гомбоевъ живетъ близко отъ посольства, въ своемъ собственномъ домѣ, устроенномъ какъ игрушка. Дворикъ чистенькій, хорошо вымощенъ. Налѣво флигель, гдѣ помѣщаются его кабинетъ и спальня. Направо почтовая контора, а прямо главный флигель. Тамъ пріемныя комнаты, столовая и другія. Все мило, уютно. Самъ Николай Ивановичъ, уже старикъ, средняго роста, сутуловатый, усатый, коротко остриженный, на видъ довольно суровый. Въ дѣйствительности же предобрый и преобязательный. Онъ знатокъ всякой

китайщины, и какъ только возьметъ вещь въ руки, то сразу скажетъ, какого она времени, хороша ли, дурна ли, и чего стоитъ. Съ нимъ пріятно погулять по такому городу, какъ Пекинъ, сверху до низу наполненному рѣдкостями. Гомбоевъ былъ уже готовъ и дожидался насъ. Садимся въ экипажи и ѣдемъ. Сначала направляемся вдоль стѣны, къ Ходомынскимъ воротамъ. Здѣсь-то вотъ главнымъ образомъ и розыгралась кровавая драма осады посольствъ. Здѣсь китайцы и старались завладѣть стѣной, дабы имѣть возможность осыпать посольство пулями. Не смотря на то, что съ того времени прошло слишкомъ полтора года, груды развалинъ еще возвышались кругомъ. Доѣзжаемъ до Ходомынскихъ воротъ и сворачиваемъ влѣво по Ходомынской улицѣ. Это одна изъ самыхъ главныхъ жизненныхъ артерій города,—широкая и прямая. Ежели бы сюда перенести европейца, никогда не бывшаго въ Китаѣ, то онъ никакъ бы не повѣрилъ, что находится въ столицѣ Китая. Улица эта скорѣй походитъ на нашу деревенскую. Начиная съ того, что мостовой почти не существуетъ, только середина ея нѣсколько шоссирована. По бокамъ—канавы. Пространство же между домами и канавами, гдѣ должны быть тротуары, даже не мощеное. Дома низенькіе одно-этажные, снаружи изукрашены самой вычурной рѣзьбой. Всевозможныя вывѣски съ надписями раскрашены, раззолочены и размалеваны на тысячу ладовъ. Какихъ только чудовищъ тутъ не на-

глядишься! Не смотря на раннее время—народу масса. Въ Китаѣ вся жизнь на улицѣ. Ѣдемъ тихонько, а то того и смотри, кого-нибудь задавишь. Китайцы не привыкли, чтобы по ихъ улицамъ скоро ѣздили. Лавки открыты и торговля въ полномъ разгарѣ. Вонъ, недалеко складъ гробовъ. Двери открыты настежь и гробы разнаго сорта, и крашенные, и некрашенные, золоченные и незолоченные, виднѣются во всей своей красѣ. Дальше во дворѣ пріютился телѣжный мастеръ. Повсюду оси, колеса и остовы телѣгъ,—и все это на одинъ шаблонъ, какъ дѣлалось тысячу лѣтъ назадъ. Мастеръ ни на іоту не смѣетъ уклониться въ ту или другую сторону и ввести какое-либо новшество или улучшеніе. Вонъ лавка съ чаемъ. Цибики и разныя корзиночки съ этимъ товаромъ развѣшены и внизу, и на дверяхъ, и подъ самой крышей. Далѣе тянутся ряды балагановъ, какъ у насъ на вербной недѣлѣ, со всевозможною мелочью: мундштуками, кошельками, наушниками, сапогами, табачницами, поясами и разною разностью. Здѣсь много заграничнаго, нѣмецкаго товара. А вотъ тянется какъ бы нашъ обжорный рядъ. Здѣсь устроены цѣлыя кухни. Тутъ и жарятъ, и пекутъ всякія китайскія деликатессы для простого народа. До моего обонянія хорошо доносится горѣлый запахъ бобового масла. Надо имѣть очень привычный желудокъ, чтобы переварить здѣшнія кушанья. На подобныя приготовленія я насмотрѣлся еще въ Гиринѣ, Цицикарѣ и другихъ китайскихъ горо-

дахъ. Тутъ, я знаю, жарятся и дохлыя собаки, и свиньи, и всякая всячина. Санитаровъ нѣтъ, полиція не придетъ и не остановитъ. Главные санитары въ Китаѣ—тѣ-же собаки и свиньи, которыя истребляютъ и уничтожаютъ на улицахъ всякіе отбросы. Не забыть мнѣ,—ѣду я нѣсколько дней спустя, съ переводчикомъ въ самый тѣсный кварталъ, покупать книги. Вдругъ въ одномъ узенькомъ переулочкѣ экипажъ мой останавливается. — Что такое? — оказывается, мы наѣхали на павшую лошадь. Проѣзду нѣтъ. Сзываю китайцевъ, даю имъ на чай, и прошу оттащить падаль въ сторону. Переводчикъ же мой съ улыбочкой глядитъ на околѣвшаго коня и восклицаетъ: «О! здѣсь много вари супъ и жарь котлетка!» Дѣйствительно ли китайцы ѣдятъ дохлятину, я не могу увѣрить, но что переводчикъ сказалъ эти слова—это вѣрно *).

Ѣдемъ дальше. Среди улицы стоитъ толпа народу. Здѣсь идутъ разныя представленія. Изъ экипажа мнѣ хорошо видны фигуры артистовъ и довольныя лица слушателей. Громкій хохотъ раздается оттуда. Вонъ черный, тощій китаецъ, въ бѣлой рубахѣ, со взъерошенными волосами, подбочениваестя и начинаетъ кувыркаться. Это фокусникъ.

*) Помню, еще въ прошломъ году, въ Харбинѣ, разсказывалъ мнѣ одинъ артиллеристъ, что когда онъ стоялъ въ Ингутѣ, то у нихъ въ батареѣ застрѣлили нѣсколько сапатыхъ лошадей и зарыли ихъ въ яму. Въ ту же ночь китайцы растащили ихъ по кускамъ и съѣли.

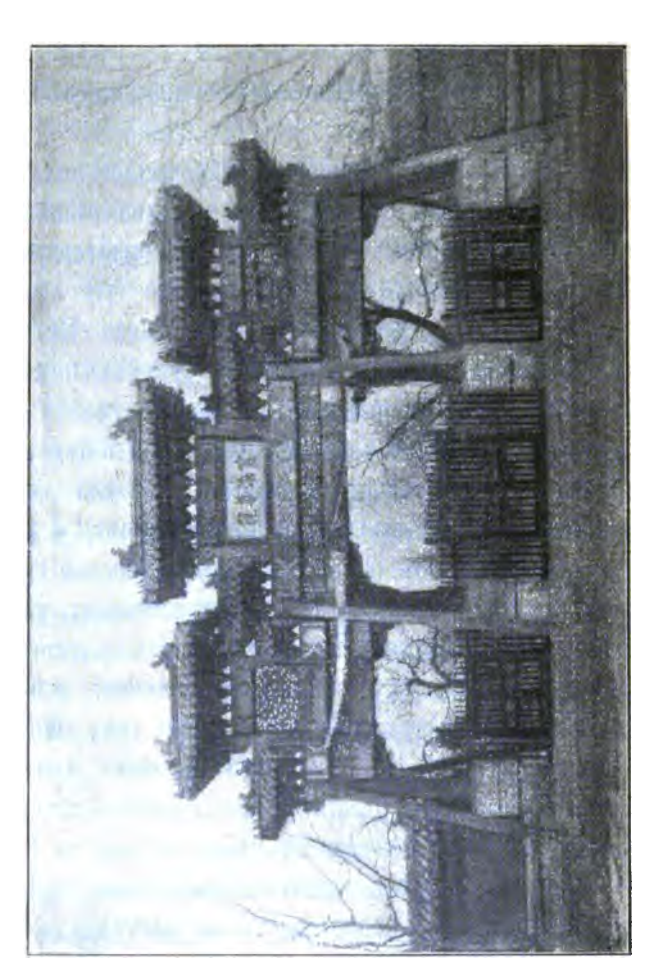
Мы объѣзжаемъ высокую изгородь. Она по самой серединѣ улицѣ. Виднѣются какія-то каменныя работы.

— Что тутъ такое дѣлается?—спрашиваю Гомбоева.

Тотъ закутался отъ холода въ свое теплое пальто, согнулся, насупился, съежился, и видимо рѣшился молчать, зная хорошо, что ему много придется разсказывать и объяснять.

— Здѣсь былъ убитъ нѣмецкій посолъ Кетеллеръ. Такъ вотъ китайцы строютъ ему тутъ памятникъ,—отрывочно бурчитъ онъ и смолкаетъ.

Ходомынская улица длинная. Верстъ пять будетъ, ежели не больше. Вправо виднѣется высокая, старинная вычурная постройка. Останавливаемся у воротъ и идемъ во дворъ. Глазамъ представляются громаднѣйшія ворота, въ видѣ арки, изукрашенныя, разрисованныя, мѣстами раззолоченныя, очень красивыя. За воротами раскинулся обширный мощеный дворъ. Здѣсь Монгольская кумирня. Свѣдѣній о томъ, когда она была построена и кѣмъ — я не могъ найти. Извѣстно только, что при Минской династіи. Значитъ приблизительно въ XIV или XV вѣкѣ. Идемъ къ кумирнѣ. Передъ самымъ зданіемъ возвышаются двѣ бронзовыя статуи, на бронзовыхъ же постаментахъ. Статуи изображаютъ львовъ, только съ усѣченными мордами, совершенно фантастичными. Одинъ положилъ лапу на шаръ, другой—должно быть львица—играетъ

Ворота при въѣздѣ въ Монгольскую кумирню.

съ дѣтенышемъ. Львенокъ лежитъ на спинѣ и какъ бы барахтается своими ноженками подъ могучей лапой матери. Обѣ статуи, а также и постаменты, въ высочайшей степени художественны. Такой отливки, такой тонкости и совершенства во всѣхъ деталяхъ мнѣ никогда и нигдѣ не приходилось видѣть. Это въ полномъ смыслѣ шедевръ въ области бронзы. Налюбовавшись до сыта на это чудо, идемъ во внутренній дворъ. Здѣсь насъ встрѣчаютъ два ламы. Одинъ старикъ, другой мальчикъ лѣтъ 15. Старикъ, въ полинялой желтоватой кацавейкѣ, и въ суконной шапочкѣ, съ радостнымъ видомъ присѣдаетъ и ведетъ насъ показывать кумирню. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ построекъ. На слѣдующемъ дворѣ мы всѣ невольно останавливаемся передъ чудной бронзовой вазой, въ видѣ круглой печи съ ручками. Должно быть, она служитъ для какихъ-нибудь церковныхъ обрядовъ или жертвоприношеній.

— Какъ эта ваза, такъ и двѣ бронзовыя статуи въ видѣ львовъ, отлиты при императорѣ Ченъ-Лунь,— серьезно объясняетъ Гомбоевъ, такимъ тономъ, который не допускаетъ никакихъ сомнѣній.—Ченъ-Лунь былъ великій покровитель искусствъ и въ особенности издѣлій изъ бронзы.

Далѣе входимъ въ главный храмъ. Онъ очень высокій, темный и холодный. Чтобы сколько-нибудь разглядѣть внутренность, лама открываетъ двери. Холодный вѣтеръ такъ и прохватываетъ насквозь. Под-

Бронзовая фигура льва въ монгольской кумирнѣ.

хожу къ жертвеннику, и что же вижу? Колоссальный Будда, золоченный, въ 8 саженей высоты, возвышался къ самому потолку. Сдѣланъ онъ, какъ сообщилъ Гомбоевъ, изъ одного дерева. Кениге, какъ ни примащивается, никакъ не можетъ его сфотографировать. Очень уже высокъ. И вотъ онъ пробуетъ снять его въ три пріема. Въ первомъ этажѣ—ноги, затѣмъ идемъ во второй этажъ, здѣсь снимаетъ самый торсъ, и подъ конецъ поднимаемся еще выше, въ третій этажъ, и тамъ уже снимаетъ плечи и голову. Ширина въ плечахъ около 2-хъ саженей. Гдѣ, думается мнѣ, могли китайцы достать такое громадное дерево, и какъ этого Будду водрузили тутъ?— Внизу, на жертвенныхъ столахъ, стоятъ рѣдкостные священные сосуды.

— Вотъ смотрите, любуйтесь! — говоритъ мнѣ Гомбоевъ.—Вотъ вы хотѣли видѣть старинное клуазоне. Вотъ уже старше этого не найдете.

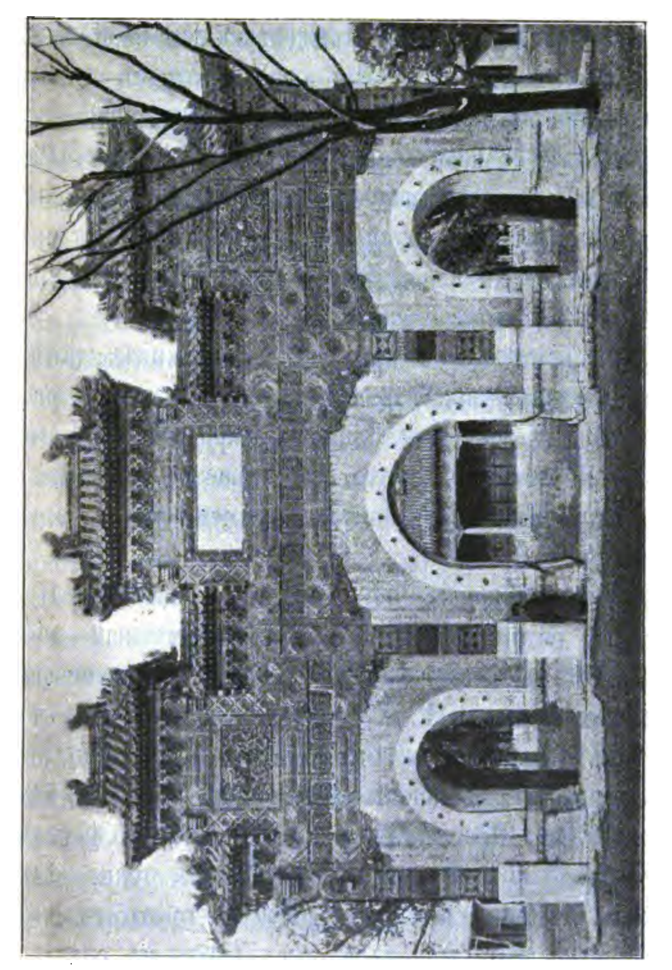
Я смотрю и любуюсь. Сосуды превосходные, темнозеленаго цвѣта, съ золотистыми прожилками. Рядомъ горитъ лампадка. Масло налито въ человѣческій черепъ, отдѣланный въ серебряную, гравированную оправу. Преинтересный сосудъ! Долго ходимъ мы здѣсь, изъ одного храма въ другой. Наконецъ возвращаемся къ первому, откуда пришли. Оказывается, въ этотъ день въ Монгольской кумирнѣ былъ годовой праздникъ. Сюда собралось множество ламъ со всего города. Одѣты всѣ въ желтые халаты. На

головахъ шапки, такихъ невѣроятныхъ формъ, фасоновъ и размѣровъ, что оставалось только руками всплеснуть: и остроконечныя, и широкія, и въ видѣ Гомеровскихъ касокъ, только безъ конскихъ хвостовъ. Входимъ въ кумирню. Ламы чинно сидятъ рядами на длинныхъ скамейкахъ. Ихъ тутъ человѣкъ 300. Главный лама возсѣдалъ въ углубленіи около жертвенника, прикрытый желтоватымъ шелковымъ платкомъ по самую шею, такъ что виднѣлась только его голова. Въ рукахъ онъ вертѣлъ фигурную бронзовую штучку, съ изображеніями драконовыхъ костей. Передъ нимъ стоялъ въ облаченіи, какъ бы нашъ дьяконъ, и что-то монотонно распѣвалъ. Отъ времени до времени его слова подхватываютъ хоромъ всѣ ламы. Все это вмѣстѣ походило на то, какъ ежели бы нѣсколько сотъ нашихъ дьячковъ разомъ вполголоса басомъ читали псалтырь. Хоръ то прерывалъ свое пѣніе, то опять дружно возобновлялъ. Мы стоимъ и слушаемъ. Наконецъ главный лама встаетъ и направляется къ выходу. Впереди появляется цѣлый хоръ трубачей, съ длиннѣйшими, громаднѣйшими мѣдными трубами, въ нѣсколько сажень длины. Ихъ тащатъ чуть не по землѣ. Трубы издаютъ ужасный шумъ. Онъ уподобляется отдаленному грому, и слышенъ на далекое пространство. Полагаю, что ежели стѣны іерихонскія нѣкогда пали отъ трубнаго звука, то, навѣрное, трубили въ эти самые инструменты. Съ непривычки прямо-таки невозможно близко стоять къ

нимъ. Лама усаживается на дворѣ, неподалеку отъ входа въ кумирню. Подлѣ него садятся на корточкахъ самыя почтенныя лица. Вся же остальная братія, помельче, сбивается въ одну густую толпу. Мы становимся въ сторонкѣ и наблюдаемъ, что дальше будетъ. На середину площадки степенно выходятъ два старика въ желтыхъ халатахъ, перепоясанныхъ кушаками, и давай плясать, кружиться и выдѣлывать разныя штуки. Невозможно было безъ смѣха смотрѣть, какъ эти почтенные старцы, своими неграціозными ногами, обутыми въ толстые войлочные сапоги, съ пресерьезными лицами, присѣдаютъ, прыгаютъ, размахиваютъ широкими рукавами, и одновременно придерживаютъ полы халата, дабы для взоровъ публики не оголялись на тѣлѣ нежелательныя мѣста. Стариковъ смѣняютъ другіе. Число танцующихъ все увеличивается, увеличивается,—и наконецъ пляшутъ всѣ присутствующіе. Долго кружатся они и бѣснуются. Подъ конецъ, вся толпа направляется въ узенькій переулочекъ, и здѣсь главный лама беретъ какую-то клѣтку, хватаетъ пучокъ соломы, зажигаетъ ее и бросаетъ въ сторону. Тѣмъ вся эта церемонія и кончается.

На другой день, той же компаніей ѣдемъ въ университетъ. Онъ помѣщается въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ монгольской кумирни. Зданіе совершенно пустое, полузаброшенное. Обнесено высокой каменной стѣной. Сейчасъ за воротами, на открытой те-

рассѣ, за рѣшоткой, привратникъ указываетъ мнѣ на нѣсколько каменныхъ тумбъ. На нихъ высѣчены какіе-то іероглифы. Гомбоевъ говоритъ, что эти камни представляютъ изъ себя образчики самой глубочайшей древности Китая. Іероглифы эти будто-бы до сихъ поръ еще не разобраны. Отсюда идемъ черезъ дворъ, и попадаемъ въ кипарисовую рощу. Она удивительной красоты. Деревья толщины непомѣрной. Отъ нихъ такъ и вѣетъ глубочайшей стариной. Монахъ Іакинфъ свидѣтельствуетъ, что кипарисы эти посажены ректоромъ университета еще при династіи Юань,—это значитъ въ XII или XIII столѣтіи. Какъ возможно съ легкимъ сердцемъ миновать такую старину! Какъ не остановиться и не полюбоваться на нее! Идемъ дальше. Видимъ: среди обширной площади, вымощенной бѣлымъ камнемъ, возвышается дворецъ, въ видѣ бесѣдки, закрытой со всѣхъ сторонъ. Постройка эта стоитъ совершенно одиноко, и напомнила мнѣ наши панорамы. Кругомъ ея идетъ мраморный сухой бассейнъ, обнесенный тоже мраморной, самой прихотливой, узорчатой, балюстрадой, съ четырьмя мраморными же мостами. Я долго хожу тутъ, и не могу налюбоваться. Самое зданіе внутри ничего особеннаго не представляетъ. Оно совершенно пустое, ежели не считать троннаго возвышенія, гдѣ разъ въ годъ возсѣдаетъ Богдыханъ, во время своего посѣщенія университета. За этимъ зданіемъ, смотрю, виднѣются ворота удивительной красоты! Подхожу

Ворота въ университетѣ

ближе. Въ это время, какъ нарочно, выглянуло солнце и ярко освѣтило эту прелесть. Передо мной возвышались такъ называемыя торжественныя ворота, въ три пролета, изукрашенныя разноцвѣтными изразцами. Вышиной пролеты пять саженъ, шириной—восемь. Цвѣта первенствовали зеленые и желтые. Рисунки самые разнообразные. Невозможно глазъ отвести отъ этой роскошной постройки. Послѣ нея мнѣ ни на что не хотѣлось больше и смотрѣть. Лучше этого все равно не увидишь.

Университетъ состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, и занимаетъ обширное пространство. Построенъ онъ, какъ свидѣтельствуетъ Іакинфъ, при Юанской династіи. Первоначально это было простое училище и только при Минской династіи переименовано въ университетъ.

Затѣмъ Гомбоевъ показалъ мнѣ еще одну Пекинскую достопримѣчательность — мраморный обелискъ. Онъ поставленъ въ честь какого-то философа, въ XI вѣкѣ послѣ Р. Хр., какъ свидѣтельствуетъ все тотъ же Іакинфъ. На немъ, въ нѣсколько рядовъ рельефно высѣчены различные эпизоды изъ жизни Будды. Чрезвычайно жаль только, что у тѣхъ картинъ, до которыхъ могли достигнуть руки,—всѣ головы у человѣческихъ фигуръ кѣмъ-то отбиты. Тѣ же фигуры, которыя выше, находятся въ сохранности. Какъ потомъ я слышалъ, здѣсь, во время безпорядковъ, подъ сѣнью рощъ стояли японцы, и

вотъ они-то будто бы и поотбивали эти фигуры. Ни дать, ни взять, какъ подбиты носы у нашихъ мраморныхъ статуй въ С.-Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду. Ну, что за варварство! Что за вандализмъ! А какія чудныя изображенія высѣчены на картинахъ, которыя сохранились выше! Какая тонкая работа, какая экспрессія лицъ, какія выраженія! Стоитъ посмотрѣть.

Какъ-то вечеромъ, вмѣстѣ съ Дубельтомъ, ѣдемъ во французскій охранный отрядъ, на солдатскій спектакль. Въ маленькомъ залѣ разставлены ряды стульевъ и устроена сцена. Публики собралось уже порядочно. Хозяева офицеры любезно встрѣчаютъ гостей и прежде всего ведутъ въ столовую, гдѣ устроенъ буфетъ. Угощаютъ виномъ и сладостями. Затѣмъ идемъ въ зало. Занавѣсъ подымается. Глазамъ представляется слѣдующая картина изъ парижской жизни: стоитъ кровать; на ней сладкимъ сномъ покоятся старикъ консьержъ и его супруга, такого же почтеннаго возраста. Лежатъ они довольно долго. Вдругъ раздается звонокъ. Это вернулись запоздалые жильцы. Старуха вскакиваетъ и будитъ старика. Костюмъ ея, въ полосатой байковой юбкѣ, приводитъ публику въ неудержимый смѣхъ. Но вотъ встаетъ, наконецъ, и самъ старикъ, въ колпакѣ, невыразимыхъ, и начинаетъ одѣваться. Прежде всего напяливаетъ туфли, затѣмъ какой-то архалукъ. Между тѣмъ звонокъ усиливается. Старикъ и старуха попеременно кричатъ: «voilà! voilà!», и наконецъ отпираютъ

дверь. Врывается жилецъ, молодой человѣкъ, разъяренный, что ему долго не отпирали. Происходитъ перебранка и т. д. Солдаты играли отлично. Публика громко хохотала и много аплодировала.

Вслѣдъ за этимъ получаю приглашеніе изъ итальянскаго охраннаго отряда—на балъ. Надо, думаю, посмотрѣть, какъ веселятся въ Пекинѣ. Ѣду опять вмѣстѣ съ Дубельтомъ. Было уже совершенно темно, когда мы подъѣхали къ офицерскому собранію. Кругомъ стояло множество рикшъ. У каждаго мальчишки извощика въ рукахъ было по фонарю, вслѣдствіе чего издали это походило на иллюминацію. Въ Китаѣ ночью не дозволяется ходить безъ фонаря: васъ могутъ принять за вора. Входимъ въ залъ. Танцы въ полномъ разгарѣ. Здѣсь полное смѣшеніе языковъ. Однихъ китайцевъ не видно. Японцевъ много. Дамъ достаточно. Костюмы нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ понравились. Въ особенности хорошъ костюмъ былъ на мадамъ Позднѣевой—черный шелковый, отдѣланный кружевами, очень элегантный! Долго не забуду я,—какъ вальсировалъ здѣсь молодой красивый англичанинъ, офицеръ, въ красномъ парадномъ мундирѣ, похожемъ на нашъ лейбъ-гусарскій доломанъ, съ черными жгутами. Волосы длинные, напомажены и расчесаны проборомъ—спереди и на затылкѣ. Дама его, субтильненькая нѣмка, маленькаго роста. Танцуютъ они медленно, съ присѣданіемъ и съ какимъ-то особеннымъ упоеніемъ, безъ отдыха и

безъ передышки. Много паръ перемѣнилось, а они все кружатся и кружатся. Поворачиваютъ вправо, затѣмъ влѣво, послѣ чего опять своимъ порядкомъ. Когда я пришелъ, они уже танцовали. Смотрю на нихъ, любуюсь и удивляюсь выносливости. Дамочка закинула свою головку, съ высокимъ черепаховымъ гребнемъ, на плечо кавалера и, казалось, такъ и застыла въ этомъ положеніи.

Иду въ буфетъ, выпиваю стаканъ чаю, слушаю разговоры иностранцевъ. Возвращаюсь назадъ, а парочка моя все также продолжаетъ порхать по залѣ. Англичанинъ точно побился съ кѣмъ о закладъ довести свою даму до изнеможенія. Очевидно, англичане и въ танцахъ также упорны, какъ и въ политикѣ. Я такъ и уѣхалъ съ бала, не дождавшись, когда они окончатъ свой «туръ».

XVI.

Викторъ Юльевичъ Гротъ.

На балѣ у итальянцевъ познакомился я, совершенно случайно, съ Викторомъ Юльевичемъ Гротъ. Еще раньше слышалъ я въ посольствѣ, что онъ пріѣхалъ въ Пекинъ, но не встрѣчался съ нимъ. Тутъ вижу: стоитъ высокій мужчина, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, волосы длинные, слегка свѣшиваются на лобъ. Лицо обросшее рыжеватой бородой, умное, энергичное. Я почему-то рѣшилъ, что это Гротъ. Подхожу къ нему, знакомлюсь, оказывается—онъ самый. На другой же день мы обмѣнялись визитами. Гротъ преинтересный человѣкъ. Онъ въ совершенствѣ знаетъ китайскій языкъ и служилъ секретаремъ-переводчикомъ при Лихунъ-Чангѣ. Съ нимъ онъ объѣхалъ всѣ европейскіе дворы. Прежде всего онъ разсказалъ

мнѣ, какъ они являлись къ нашему Государю. На Лихунъ-Чанга, какъ кровнаго азіата, уважающаго больше всего блескъ и пышность, потрясающе подѣйствовала наша придворная обстановка. Въ особенности парадный выѣздъ, золоченныя кареты, бѣлыя шестерки лошадей, ливрейные лакеи, камерлакеи, скороходы, арапы и т. п. Вообще вся дворцовая роскошь. Все это такъ на него повліяло, — разсказываетъ Викторъ Юльевичъ, что по пріѣздѣ въ Берлинъ, Лихунъ-Чангъ сталъ совершенно игнорировать нѣмецкій дворъ, гдѣ обстановка куда скромнѣе нашей. То же было и при другихъ дворахъ.

— Вотъ русскій Императоръ, «это настоящій Государь»,—съ восторгомъ восклицалъ Лихунъ-Чангъ, пораженный великолѣпіемъ пріема въ Царскомъ Селѣ. На остальные же дворы онъ и рукой махнулъ.

Гротъ величайшій знатокъ китайскихъ рѣдкостей и древностей. Помню, посылаю я нашему драгоману Колесову эмалевую чашечку, съ просьбой опредѣлить, на сколько она хороша, при чемъ упомянулъ въ письмѣ, что чашечка эта есть выборъ Грота. Колесовъ пишетъ мнѣ: «чашечка времени Ченъ-Лунь, очень интересная. И вы можете быть вполнѣ спокойны, что ежели вещь прошла черезъ руки такого знатока, какъ Викторъ Юльевичъ, то она достойна вниманія».

На другой же день нашего знакомства, иду къ

нему. Остановился онъ на Посольской улицѣ, не далеко отъ Ходомынской. Было часовъ 8 утра. Викторъ Юльевичъ, уже одѣтый, сидитъ, наклонившись на стулѣ, въ просторной комнатѣ, и разсматриваетъ рѣдкостныя вещи, которыя нанесли ему антиквары Пекина. Ихъ стояло тутъ въ прихожей человѣкъ десять, по крайней мѣрѣ, и каждый съ узелкомъ въ рукахъ.

— Здравствуйте, садитесь пожалуйста,—восклицаетъ мнѣ мой новый знакомый, и весело улыбается.—А у меня вотъ китайцы,—объясняетъ онъ какъ бы въ извиненіе.

— Пожалуйста, пожалуйста, продолжайте—говорю.—Позвольте мнѣ посидѣть и полюбоваться на подобныя прелести.—Сажусь и смотрю. По всей комнатѣ, на столахъ, на полу, на стульяхъ, на кровати, вездѣ лежали и стояли всевозможныя китайскія рѣдкости. Викторъ Юльевичъ, съ дѣловымъ видомъ, беретъ со стола фарфоровую вазу, поворачиваетъ ее, оглядываетъ со всѣхъ сторонъ, и молча возвращаетъ хозяину, молодому китайцу, въ лиловой курткѣ. Тотъ, какъ институтка, дѣлаетъ что-то въ родѣ книксена, молча же беретъ свою вещь и удаляется. За нимъ очередь показывать свой товаръ—почтенному старику, въ темнокоричневой курмѣ. Неслышно ступая своими войлочными подошвами, съ поклономъ подходитъ старикъ къ Гроту, бормочетъ что-то, становится на корточки и начинаетъ развязывать синюю салфетку.

Глазамъ моимъ представляется роскошная нефритовая ваза, свѣтлозеленаго цвѣта, съ узенькимъ горлышкомъ, вся изукрашенная рельефными рисунками, точно кружевомъ. Безподобная. Гротъ вертитъ ее и, не говоря ни слова, отставляетъ въ сторону. Это обозначало, что ваза куплена. Старикъ удаляется. Вслѣдъ за вазой появляется въ рукахъ у Виктора Юльевича толстое, тяжелое, неуклюжее фарфоровое блюдечко, блѣдно-синяго, грязноватаго цвѣта. Онъ долго восхищается имъ, и затѣмъ тоже отставляетъ въ сторону.

— Викторъ Юльевичъ, скажите пожалуйста, извините, что я прерву васъ! Что вы нашли интереснаго въ этомъ блюдечкѣ? Я пяти копѣекъ за него не далъ бы,—смѣясь, говорю ему.—Очень ужъ оно грубой работы.

— О! это чудная вещь!—восклицаетъ онъ.—Это самый древній фарфоръ, который существуетъ на свѣтѣ. Это Сунской династіи. Этому блюдечку болѣе тысячи лѣтъ.—Жаль, что я не спросилъ, сколько онъ далъ за него. И вотъ такимъ образомъ, каждое утро Гротъ покупалъ массу вещей. Больше всего меня поражала манера, какъ онъ покупалъ. Никакихъ споровъ, никакой торговли. Взглянулъ на вещь, буркнулъ что-то по китайски вполголоса—и готово. По окончаніи осмотра вещей, Викторъ Юльевичъ даетъ китайцамъ чеки на банкъ, отпускаетъ ихъ, и тѣмъ дѣло кончается. Онъ уступилъ мнѣ по своей цѣнѣ

нѣсколько рѣдкостныхъ вещичекъ. Спасибо ему. Въ особенности замѣчательны двѣ фарфоровыя чашечки сѣромолочнаго цвѣта, съ рельефными изображеніями драконовъ съ внутренней стороны, — тоже Сунской династіи.

Гротъ всѣ вещи, которыя накупилъ здѣсь, какъ говорятъ, подарилъ китайской императрицѣ.

Мы встрѣтились съ нимъ еще разъ въ Шанхай-Гуанѣ, когда я ѣхалъ обратно въ Россію. Смотрю, какъ-то вечеромъ, подходитъ поѣздъ и изъ вагона показывается Викторъ Юльевичъ.

— Вы куда?—кричу ему.

— Къ себѣ въ Ургу ѣду. Пора! Я и то загостился! Вѣдь у меня тамъ золотые пріиски разрабатываются. — Затѣмъ, улыбаясь, многозначительнымъ тономъ добавляетъ:

— А я безъ васъ какую бронзовую вазу купилъ, удивительную! Далъ тысячу ланъ *),—восторженно восклицаетъ онъ.

— Да за что же такъ дорого?—съ удивленіемъ спрашиваю его.

— А потому, такихъ вазъ, какъ гласитъ надпись на ней, было сдѣлано, по повелѣнію Богдыхана, за тысячу лѣтъ до нашей эры, всего девять, по числу провинцій Китая. Изъ нихъ, достовѣрно извѣстно, сохранилась только эта одна.

*) Ланъ = 1 р. 30 к.

— Дайте, ради Бога, взглянуть не нее,—упрашиваю его.

— Нѣту съ собой. Я всѣ вещи отправилъ товаромъ, прямо къ себѣ домой,—отвѣчаетъ онъ. Черезъ часъ Гротъ уѣхалъ въ Инкоу.

XVII.

На обратномъ пути. Тянь-Тзинь.

Поѣздъ нашъ, биткомъ набитый китайцами, останавливается въ Тянь-Тзинѣ. Я рѣшилъ пробыть здѣсь нѣсколько дней. Вагонъ мой ставятъ на запасный путь. Надѣваю чистенькій сюртукъ, шарфъ, Кениге свой казачій мундиръ и мы идемъ являться къ генералу Вогакъ. Генералъ очень любезно, въ тотъ-же день посѣщаетъ насъ въ вагонѣ, а затѣмъ ведетъ показывать, какъ осаждали боксеры вокзалъ.

Противъ самаго вокзала перекинутъ черезъ рельсы высокій віадукъ—висячій мостикъ. Взбираемся на него. Отсюда далеко видны окрестности. День хорошій, солнечный. Дышется легко.

— Видите, вонъ тѣ могилы? Вонъ оттуда и насѣдали боксеры, говоритъ Вогакъ и, наклонившись черезъ перила, — пальцемъ указываетъ направленіе. Замѣчаете то обширное зданіе, съ высокими трубами,

тамъ далеко, верстъ, пожалуй, семь будетъ. Это ихъ громаднѣйшій арсеналъ, Сику. Оттуда они и стрѣляли по насъ изъ орудій. Непріятель подползалъ къ намъ на 50 сажень. Приходилось штыками на «ура» выбивать. Вотъ это паровозное зданіе теперь перекрыто, а вѣдь оно все, какъ рѣшето, было изстрѣляно.—Генералъ разсказываетъ съ такимъ оживленіемъ, что блѣдныя щеки его покрываются легкимъ румянцемъ. Флегматичный по природѣ, онъ весь точно перерождается. Мы спускаемся съ мостика, и идемъ по берегу хотя и мутнаго, но многоводнаго Пейхо,—черезъ мостъ на другую сторону. Тянь-Тзинь расположенъ по правому берегу рѣки. На лѣвомъ-же помѣщаются только вокзалъ и склады товаровъ.

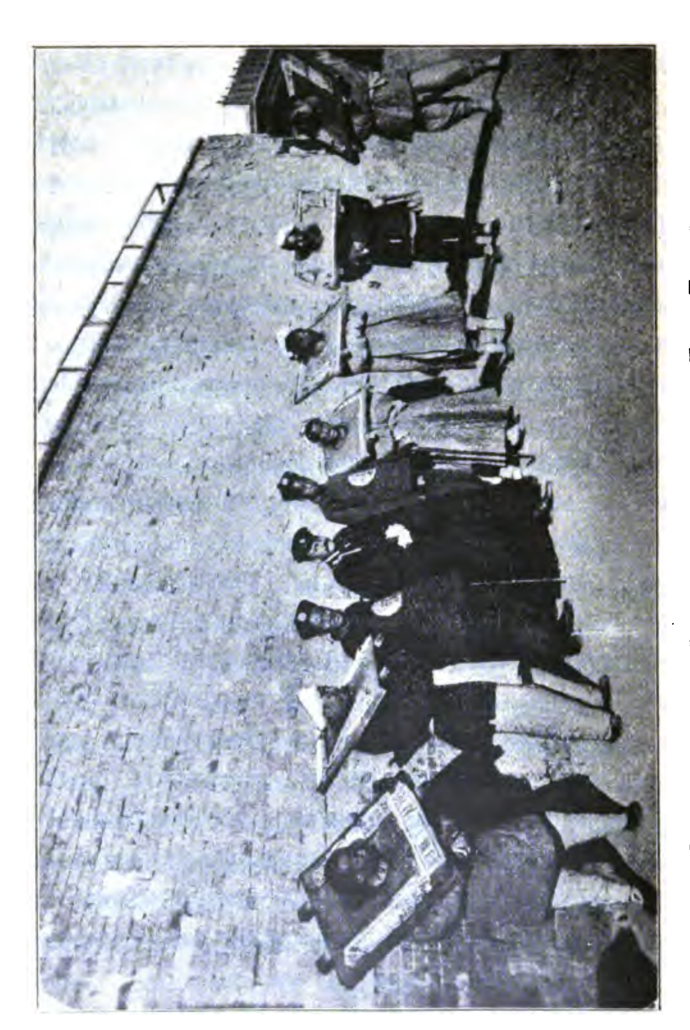
Удивительно интересный городъ Тянь-Тзинь. Когда пойдешь по немъ гулять, то въ нѣсколько часовъ, точно побываешь во всей Европѣ. Каждый кварталъ, или какъ здѣсь называютъ, концессія,—строго сохраняютъ свой національный характеръ. Это замѣтно на каждомъ шагу. Идете вы по англійскому кварталу — встрѣчаете чопорныхъ, гордыхъ англичанъ. Офицеры группами разгуливаютъ по улицамъ, съ сигарами во рту, въ своихъ коричневыхъ курткахъ, въ башмакахъ и гетрахъ изъ желтой кожи. Чистота по улицамъ замѣчательная. По угламъ стоятъ, точно истуканы какіе, — красавцы сипаи, въ своихъ характерныхъ тюрбанахъ, съ палкой въ рукахъ, какъ атрибутомъ власти. Далѣе проходите французскимъ

кварталомъ. Здѣсь уже нѣтъ той чистоты, нѣтъ той чопорности. Оживленіе значительно больше. Слышатся веселые голоса, дышется какъ-то свободнѣе. Видишь синія куртки, пелеринки, кепи. На вывѣскахъ первенствуютъ надписи «Brasserie». А вотъ попадаемъ къ японцамъ. Народъ все мелкій. Съ непривычки принимаешь ихъ за дѣтей подростковъ. Японцы точно пигмеи какіе, все трудятся, работаютъ. Ихъ не встрѣтишь гуляющими безъ дѣла. Дальше нѣмцы въ своихъ сѣрыхъ курткахъ; здѣсь всюду вывѣски «Bierhalle». Вправо итальянцы, въ синихъ накидочкахъ, шляпы съ пѣтушиными перьями, и т. д.

Въ Тянь-Тзинѣ всѣ державы обстроились роскошно. Мы же до войны здѣсь своего участка не имѣли. И только во время безпорядковъ генералъ Линевичъ захватилъ на лѣвомъ берегу Пейхо знатную площадь, о чемъ велѣлъ сообщить, какъ мнѣ разсказывалъ нашъ консулъ Поппе, иностраннымъ посламъ въ Пекинѣ. Кутерьма тогда поднялась у нихъ великая. Въ особенности взбунтовались англичане. «Какъ такъ смѣли русскіе такой лакомый кусокъ отхватить? Кто имъ позволилъ?» А наши стоятъ себѣ на новомъ участкѣ, и никого не пускаютъ. И вотъ, что-бы испытать, какъ мы будемъ твердо вести себя въ данномъ случаѣ, англичане рѣшили вести черезъ нашу концессію, отъ вокзала, — желѣзную дорогу. Взяли рабочихъ и давай строить. Генералу Вогакъ доносятъ объ этомъ. Онъ ставитъ тамъ, какъ разъ

поперекъ дороги,—постъ. Англичане никакъ этого не ожидали. Вѣдь у нихъ въ Тянь-Тзинѣ было нѣсколько сотъ солдатъ и артиллерія, а у насъ полусотня казаковъ и ни одной пушки. И вотъ, разсказывалъ мнѣ казачій офицеръ, находившійся тогда здѣсь, стоитъ нашъ постъ противъ англійскаго. Происшествіе это быстро разнеслось по всему городу. Любопытные посмотрѣть на такую диковинку, повалили со всѣхъ сторонъ. И, надо правду сказать, симпатіи всѣхъ были на нашей сторонѣ. Забавно было смотрѣть, продолжаетъ разсказчикъ, какимъ насмѣшкамъ подвергался англійскій постъ,—и напротивъ, какъ подбодряли нашихъ. Генералъ Вогакъ даже показывалъ мнѣ каррикатуру, появившуюся въ какомъ-то иностранномъ журналѣ по этому поводу. Нарисованъ нашъ постъ въ 4-хъ видахъ. На первомъ, стоитъ казакъ съ ружьемъ на плечѣ. Къ нему обращается Джонъ-Буль въ цилиндрѣ, и что-то говоритъ. Часовой стоитъ себѣ смирно, и ухомъ не ведетъ. 2-е. Тотъ-же Джонъ-Буль уже стоитъ нѣсколько дальше, опасливо дергаетъ солдата за полу и продолжаетъ что-то говорить. Часовой снисходительно оборачиваетъ къ нему голову. На третьей картинкѣ англичанинъ еще дальше, а на 4-ой, часовой размахиваетъ на него ружьемъ, а англичанинъ уже перескочилъ черезъ заборъ и прекомично выглядывалъ оттуда.

Пока посты стояли тутъ другъ противъ друга, тѣмъ временемъ шли жаркіе дипломатическіе пере-

Наказанные китайцы въ колодкахъ въ Тянь-Тзинѣ.

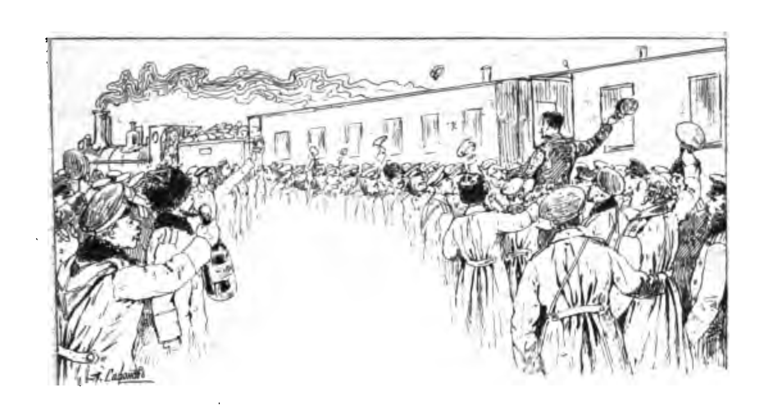
говоры между нашимъ и англійскимъ посольствами. Кончилось-же все мирно. Посты были сняты и желѣзная дорога дальше по нашей концессіи не пошла. По общему отзыву, нашъ участокъ драгоцѣнный. Идетъ по самому берегу рѣки. Пространствомъ равняется чуть не всѣмъ остальнымъ вмѣстѣ взятымъ.

Тутъ строится наша братская могила павшимъ въ бою нижнимъ чинамъ при занятіи города. Будетъ и часовня сооружена. Интересно знать, что станется съ нашей концессіей? Береговая линія чуть не на три версты, и упирается въ самый вокзалъ. А между тѣмъ вотъ уже два года, что мы владѣемъ этой землей, и кромѣ мусора и развалинъ на ней ничего не видно. А вѣдь будь эта земля въ рукахъ англичанъ или американцевъ, думается мнѣ, какіе-бы уже красовались здѣсь «и палаты, и дворцы». Даже братскую могилу я нашелъ въ самомъ грустномъ видѣ. Выкопана обширная яма, сильно загрязненная. Вокругъ нея стоятъ простые досчатые солдатскіе гробы, ничѣмъ не прикрытые. Рядомъ сторожка, и вотъ все, что мы пока устроили на нашей концессіи. Но вернемся къ разсказу. Переходимъ деревянный мостъ, который, во время безпорядковъ, по словамъ участниковъ-очевидцевъ, приходилось нашимъ войскамъ часто разводить, чтобы пропустить горы китайскихъ труповъ, и идемъ по набережной, по направленію къ китайскому Тянь-Тзиню. Онъ отсюда версты три.

— Вотъ во время военныхъ дѣйствій здѣсь не

пройти было. Китайцы такъ и стремились ворваться въ городъ. Пули свистѣли день и ночь. Вотъ за этими бунтами, за рѣкой тоже они стрѣляли. И такъ цѣлый мѣсяцъ, не угодно-ли? восклицаетъ Вогакъ. Слѣды разрушеній виднѣлись повсюду. Въ особенности въ этой части города. Мы ходимъ, осматриваемъ, и наконецъ прощаемся. Генералъ приглашаетъ насъ на завтра на обѣдъ, на которомъ будутъ французы.

XVIII.

Полковникъ Маршанъ.

6 часовъ вечера. Я и Кениге входимъ въ гостинную. Генералъ радушно встрѣчаетъ насъ. Комнаты обставлены роскошно. Всюду ковры, бронза, фарфоръ. Стѣны украшены японскимъ оружіемъ— копья, мечи, луки, стрѣлы, кольчуги, чеканные золотомъ и серебромъ, шлемы и т. п.

Вслѣдъ за ними появляются и французскіе офицеры. Одѣты въ коротенькія куртки, со жгутами на плечахъ, вмѣсто нашихъ погонъ. Я туговатъ на ухо и потому плохо разслышалъ ихъ фамиліи. За обѣдомъ меня садятъ рядомъ съ худощавымъ полковникомъ. Брюнетъ, со вздернутымъ носомъ. Лобъ открытый, волосы коротко острижены. Пальцы на рукахъ толстые, сильные, не аристократическіе. Лицо показалось мнѣ нѣсколько напыщеннымъ. Во время общаго

разговора я замѣтилъ, что другіе французы относились къ моему сосѣду съ нѣкоторымъ подобострастіемъ. Полковникъ говорилъ такимъ авторитетнымъ тономъ, что никто изъ его товарищей не рѣшался возражать ему.

— Вотъ полковникъ хочетъ ѣхать домой въ Парижъ черезъ Петербургъ по Манчжурской дорогѣ, да опасается, что не знаетъ нашего языка!—говоритъ мнѣ нашъ любезный хозяинъ.—Я сижу какъ разъ противъ него.

— Вы вѣдь, конечно, знаете, кто сидитъ рядомъ съ вами?—объясняетъ мнѣ генералъ по русски.— Полковникъ Маршанъ. Развѣ не слыхали?—Я стараюсь припомнить. Фамилія знакомая.

— Герой Фашоды. Онъ прошелъ всю Африку. Имѣлъ столкновеніе съ англичанами, помните—чуть война еще у нихъ не разразилась,—восклицаетъ Вогакъ, стараясь мнѣ напомнить.

— Помню, помню! — отвѣчаю ему и всматриваюсь пристальнѣе въ сосѣда. «Такъ вотъ онъ какой — Маршанъ», думаю про себя. Тотъ хотя, конечно, замѣтилъ, что говорятъ о немъ, но и виду не подаетъ. Вообще, насколько я могъ понять,—этотъ человѣкъ долженъ былъ обладать желѣзной волей и умѣньемъ владѣть собой. Онъ, видимо, привыкъ къ всевозможнымъ оваціямъ, тріумфамъ и выраженіямъ восторга и лести. Здѣсь-же я познакомился и съ его товарищами по походамъ,—маіоромъ Жерменъ и ка-

питаномъ Соважъ. Жерменъ толстякъ, веселый собесѣдникъ, отлично поетъ всевозможныя шансонетки.

Соважъ болѣе серьезный.

— Такъ не хочетъ ли онъ ѣхать вмѣстѣ со мной? У меня будетъ отдѣльный вагончикъ, служебный. Доѣдемъ спокойно,—говорю Вогаку. Тотъ переводитъ. Маршанъ, очень довольный, благодаритъ меня и приглашаетъ на другой день обѣдать къ себѣ. Тамъ мы и условились о дальнѣйшемъ путешествіи. Порѣшено было на томъ, что онъ пріѣзжаетъ 9-го февраля въ Портъ-Артуръ, и оттуда мы вмѣстѣ ѣдемъ въ Харбинъ. Заѣзжаемъ въ Хабаровскъ къ генералу Гродекову. Я — откланяться Генералъ-Губернатору, а онъ—представиться. Оттуда ѣдемъ взглянуть на Владивостокъ. А затѣмъ черезъ Никольскъ-Уссурійскъ, Харбинъ, Иркутскъ, Москву и Петербургъ. Приглашая Маршана ѣхать со мной, я никакъ не предполагалъ, что по всему пути, отъ Артура до Петербурга, ему будутъ оказывать оваціи и встрѣчи. Повторяю, хотя я и читалъ что-то о Маршанѣ, но рѣшительно не помнилъ, что именно, гдѣ и когда.

Въ Инкоу я разстался съ моимъ милымъ спутникомъ, есауломъ Кениге. Онъ поѣхалъ къ себѣ въ Мукденъ.

На этотъ разъ въ Инкоу я обрѣлъ великое чудо. Надо сказать, что когда я ѣхалъ въ Пекинъ, то спрашивалъ у моего пріятеля Титова и у другихъ, нѣтъ-ли чего достопримѣчательнаго здѣсь посмотрѣть.

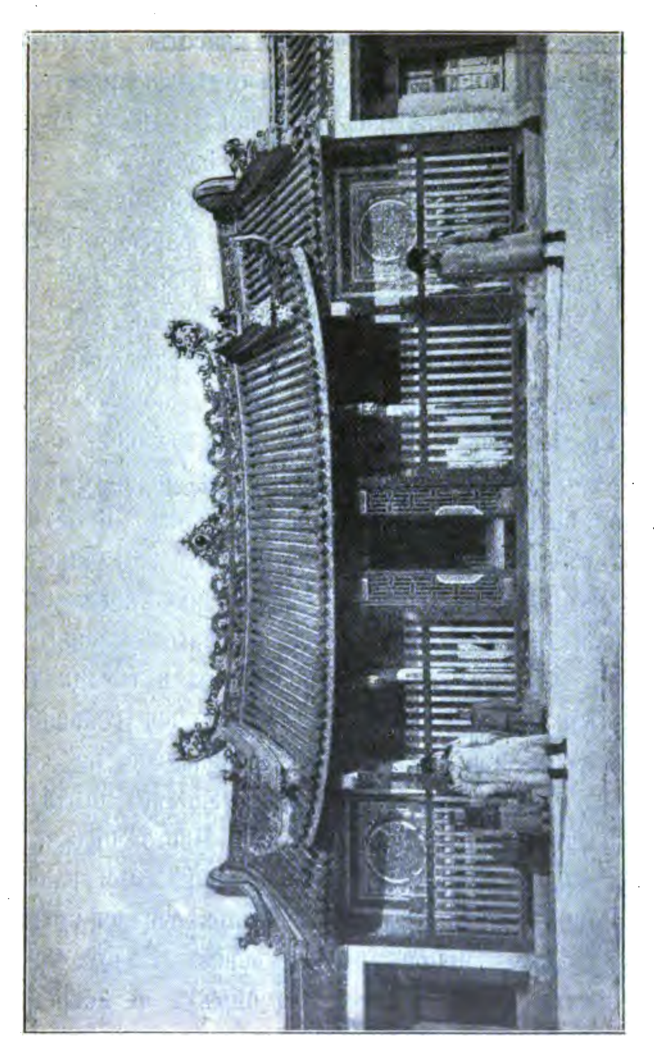
Всѣ они отвѣтили въ одинъ голосъ, что кромѣ лавокъ, складовъ, вида на рѣку—ничего нѣтъ особеннаго. Вдругъ теперь за обѣдомъ у начальника движенія, капитана N, слышу, кричитъ мнѣ тоненькимъ голоскомъ толстый солидный военный врачъ Троицкій, очень добродушный.

— Полковникъ, полковникъ, помните, прошлый разъ вы спрашивали, нѣтъ-ли чего посмотрѣть интереснаго въ Инкоу! Ну, такъ вотъ я и нашелъ вамъ просто удивительное зданіе:—и на его полномъ рыжемъ, бородатомъ лицѣ такъ и горѣло желаніе поскорѣй показать мнѣ эту диковину.

— А гдѣ-же оно?—спрашиваю.

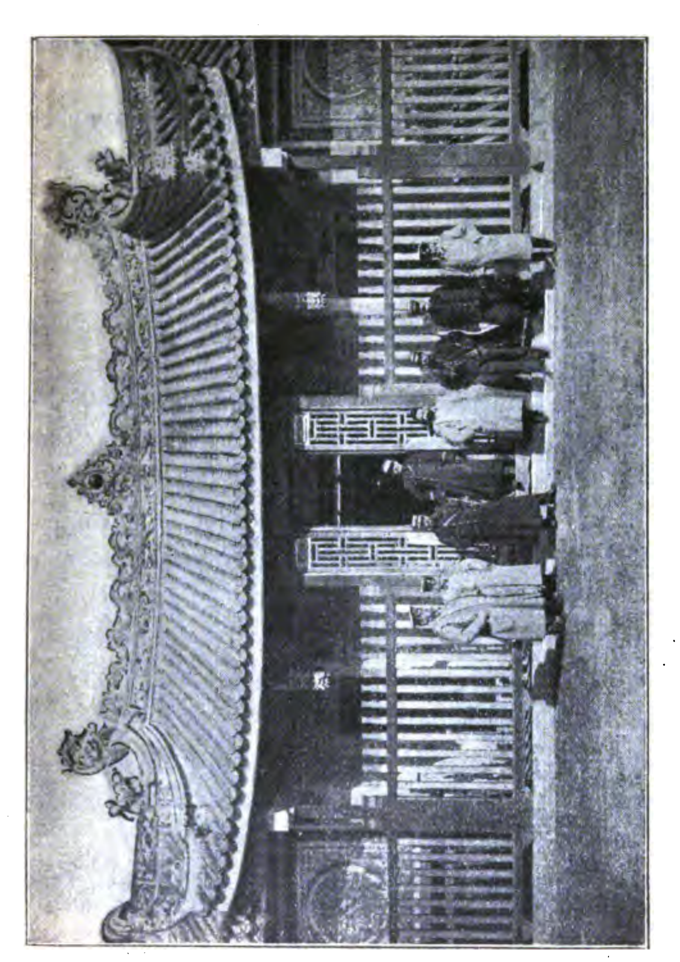
— Да въ городѣ,—поѣдемте завтра пораньше, ежели желаете. Стоитъ взглянуть! Это биржа кантонскихъ купцовъ.

Рѣшаемъ ѣхать. Чуть наступило утро,—отправляемся. Кромѣ доктора и меня, ѣдутъ еще есаулъ Кениге и штабсъ-капитанъ желѣзнодорожнаго батальона Алексѣевъ, милѣйшій и добрѣйшій господинъ. Капитанъ Алексѣевъ былъ фотографъ-любитель, и потому взялъ съ собой свой аппаратъ. Переѣзжаемъ Ляо-хе по льду на двуколкахъ и ѣдемъ городомъ. Кривуляемъ, кривуляемъ и, наконецъ, останавливаемся въ узенькомъ переулкѣ у воротъ. Стучимъ. Отворяютъ два китайца, въ мѣховыхъ шапочкахъ и кофтахъ. Кланяются, присѣдаютъ и ведутъ насъ во внутрь построекъ. Идемъ изъ домика въ домикъ, изъ

Биржа кантонскихъ купцовъ въ Инкоу.

двора во дворъ и вдругъ — я вижу передъ собой невысокое зданіе поразительной красоты. Архитектура обыкновенная, но наружная отдѣлка изумительная. Весь гребень крыши, или, какъ у насъ называется, конекъ, представлялъ изъ себя кружево, сдѣланное изъ фарфора. Углы, карнизы, фронтоны, двери, косяки—все украшено и отдѣлано фарфоромъ самой тонкой работы. Трудно было сказать, гдѣ находился гвоздь этой отдѣлки, — что самое лучшее? Оставалось только удивляться. Но больше всего понравились мнѣ круглыя барельефныя изображенія на дверяхъ. На нихъ представленъ былъ какой-то поединокъ — турниръ китайцевъ. Затѣмъ неподражаемо хороши были украшенія вокругъ оконъ. Всматриваюсь въ нихъ пристально, и вижу, что всѣ они сдѣланы изъ битаго фарфора. Безчисленное количество кусочковъ,—синяго, краснаго, зеленаго, розоваго и другихъ цвѣтовъ, искусно подобраны и составляли одно цѣлое. Пока мы стоимъ и любуемся, солнышко поднялось изъ за крыши дома, отразилось на блестящемъ фарфорѣ и заиграло радужными цвѣтами. Я стою и не могу налюбоваться. Много видалъ я въ Китаѣ разныхъ чудесъ, и въ Гиринѣ, и Мукденѣ, и въ Пекинѣ, но такой роскоши не приходилось встрѣчать. Каждому проѣзжающему черезъ Инкоу совѣтую заглянуть на Кантонскую биржу. Я искренно благодарю доктора Троицкаго и прошу его непремѣнно показать эти постройки полковнику Маршану, ко-

Полковникъ Маршанъ со своими спутниками въ Инкоу.

торый долженъ былъ на дняхъ проѣхать здѣсь. Капитанъ Алексѣевъ въ скоромъ времени прислалъ мнѣ прилагаемыя при семъ фотографіи съ этихъ построекъ.

Въ Портъ-Артурѣ вторично являюсь адмиралу Алексѣеву и докладываю о томъ, какъ я съѣздилъ въ Пекинъ. Между прочимъ говорю, что на дняхъ пріѣдетъ сюда полковникъ Маршанъ, съ которымъ мы ѣдемъ вмѣстѣ въ Петербургъ.

— Пожалуйста, пріѣзжайте съ нимъ. Пообѣдаемъ вмѣстѣ,—радушно говоритъ онъ.

Палаты адмирала Алексѣева ярко освѣщены. Въ обширномъ залѣ накрытъ парадный столъ на 40 человѣкъ. Все высшее начальство города, генералы, адмиралы, начиная съ самаго хозяина, всѣ съ нетерпѣніемъ дожидаются почетныхъ гостей, полковника Маршана со спутниками. Онъ вчера пріѣхалъ и сегодня представлялся Командующему войсками. А вотъ и Маршанъ, стройный, худощавый, держится прямо. За нимъ маіоръ Жерменъ, усатый, съ гладко бритымъ подбородкомъ, дальше капитанъ Соважъ, высокій блондинъ, съ небольшой рыженькой бородкой. Хозяинъ любезно встрѣчаетъ гостей. Музыка играетъ марсельезу. Гости садятся за столъ. За жаркимъ подано шампанское.

— «A la santé du colonel Marchan et de ses compagnons, le commandant Germain et le capitaine Sovages.—Ура!» —провозглашаетъ хозяинъ и

Въ Портъ-Артуръ.

подымаетъ бокалъ. «Ура! Ура!» перекатываются по залѣ сорокъ голосовъ. За Алексѣевымъ говоритъ рѣчь Маршанъ. Говоритъ хорошо; слова его тоже покрываются криками «ура». Обѣдъ проходитъ оживленно.

На другой день,—обѣдъ у начальника штаба, генерала Волкова. Затѣмъ—въ мѣстной бригадѣ. Послѣ того хотятъ кормить обѣдомъ моряки. Но тутъ уже я поставилъ категорически вопросъ: или ѣдемъ завтра, или я уѣзжаю одинъ. Тогда спутники мои соглашаются ѣхать. Предварительно мы хотимъ взглянуть на городъ Дальній. Адмиралъ Алексѣевъ любезно предоставляетъ въ наше распоряженіе канонерку «Отважный». Въ 7 часовъ утра мы выѣзжаемъ, и черезъ три часа уже бросаемъ якорь у пристани.

«Дальній» расположенъ на плоскомъ берегу. Кругомъ никакой растительности, ежели не считать тѣхъ деревьевъ, которыя тамъ садитъ мѣстная администрація. Отъ пристани, въ экипажахъ направляемся смотрѣть городъ. Онъ производитъ какое-то странное, загадочное впечатлѣніе. Осматривая его, невольно закрадывается сомнѣніе: да правда-ли? Будетъ-ли тутъ все такъ, какъ предполагаютъ строители? Вотъ ѣдемъ въ колясках по отличнымъ шоссированнымъ улицамъ. Маршанъ ѣдетъ впереди, вмѣстѣ съ инженеромъ Тренюхинымъ. Главный строитель города, инженеръ Сахаровъ, былъ тогда въ Петербургѣ. Кругомъ точно въ сказкѣ: дома, дома, одинъ лучше другого. Разныя постройки, церковь, присутственныя мѣста, биржа, кон-

торы, доки, пристани, сады, электрическая станція, и чего-чего тутъ не видишь. Одного только не хватаетъ, это жителей. Подъѣзжаемъ къ казармамъ. Лихой командиръ полка, русый, осанистый, полковникъ N, молодецки выстраиваетъ свои двѣ роты. Маршанъ подходитъ къ фронту. Здорово, братцы! — кричитъ онъ имъ по русски, какъ я училъ его.—Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!—слышится дружный отвѣтъ. Ура, ура, ура! Командиръ незамѣтно машетъ что-то солдатамъ за спиной Маршана. Точно волна какая, нахлынули солдаты на бѣднаго француза, и легонькій Маршанъ высоко взлетаетъ къ небесамъ, подбрасываемый десятками дюжихъ рукъ.

Возвращаемся прежней дорогой къ пристани. Трудно осмотрѣть здѣшнія сооруженія въ одинъ день. Вѣдь постройка одной набережной и мола до того интересна, что стоитъ остаться смотрѣть цѣлый день. Здѣсь опускаютъ на дно бухты массивы по 3 тысячи пудовъ вѣсомъ. Выстроены и сухіе доки, облицованные гранитомъ,—длинные, широкіе, вмѣщающіе въ себѣ громадныхъ морскихъ гигантовъ. Но какихъ же, воображаю, и суммъ все это стоитъ?

— Не знаете, во что этотъ докъ обошелся?— спрашиваю инженера, который шелъ рядомъ со мной по набережной.

— Не помню хорошенько, кажется 700 тысячъ, — отвѣчаетъ онъ съ такимъ видомъ, точно дѣло шло о 700 рубляхъ. И весь этотъ городъ, и всѣ эти мил-

ліонныя сооруженія дѣлаются съ разсчетомъ перетянуть торговлю изъ Инкоу. Въ Инкоу портъ замерзаетъ, а въ Дальнемъ нѣтъ. Но, какъ мнѣ объяснилъ одинъ старый морякъ, портъ этотъ не замерзаетъ, пока онъ открытъ, т. е. пока нѣтъ мола. А какъ молъ устроятъ—и бухта замерзнетъ. Въ Инкоу есть многоводная богатѣйшая рѣка. По ней сплавляются изъ Манчжуріи всѣ произведенія страны. Что касается заграничныхъ грузовъ для Россіи, то ихъ, мнѣ кажется, удобнѣе везти во Владивостокъ. Фрахтъ на пароходахъ одинъ и тотъ же, что въ Дальній, что во Владивостокъ. Между тѣмъ, отъ Владивостока до Харбина 600 верстъ, отъ Дальняго около тысячи. А для желѣзной дороги это разстояніе не малое. Со всѣмъ этимъ будущему городу придется считаться.

Уже совсѣмъ стемнѣло;—при огняхъ вернулись мы въ Артуръ.

12-го февраля, въ 9 часовъ утра, я, Маршанъ, Жерменъ и Соважъ, уже сидѣли въ вагонѣ, и съ минуты на минуту ожидали отправленія. Проводить насъ собралось порядочно знакомыхъ. Пришла музыка 9-го Стрѣлковаго полка. Поѣздъ трогается, раздаются звуки марсельезы, и высоты Портъ-Артура понемногу скрываются изъ нашихъ глазъ.

Обѣдъ адмирала Алексѣева Маршану былъ какъ бы сигналомъ для будущихъ его торжествъ. Черезъ два дня подъѣзжаемъ къ Харбину. На вокзалѣ насъ встрѣчаетъ, при шарфѣ и орденахъ, полковникъ ге-

неральнаго штаба Дуровъ. Представляется Маршану и заявляетъ, что онъ назначенъ состоять при немъ на время его пребыванія въ Харбинѣ. Было часовъ одиннадцать утра. Ѣдемъ дѣлать визиты. Сотня казаковъ конвоируетъ насъ. Сначала направляемся къ начальнику гарнизона, затѣмъ къ командиру полка, начальнику пограничной стражи, генералу Дидерихсу, строителямъ дороги Юговичу и Игнаціусу, а затѣмъ въ офицерское собраніе. Хотя перечисленіе всего этого довольно скучно, но оно даетъ ясное понятіе, какъ велико было желаніе нашихъ офицеровъ встрѣтить, угостить и проводить столь извѣстнаго французскаго полковника. Подъѣзжаемъ къ собранію. Полдень. Погода отличная. Офицерство тѣснится въ пріемной. Раздаются звуки марсельезы. Маршанъ входитъ въ залъ. Здѣсь его встрѣчаетъ все мѣстное начальство. Подъ звуки музыки садимся за столъ. Онъ накрытъ на сто кувертовъ.

— За здоровье нашего дорогого гостя, полковника Маршана и его спутниковъ!—возглашаетъ генералъ Дидерихсъ. Ура!.. гудитъ по залѣ. Ура!.. Ура!.. Не успѣлъ я оглянуться, смотрю: французы уже летаютъ подъ потолкомъ. Офицеры — молодежь — прямо таки приходятъ въ изступленіе. Имя-ли Маршана тутъ дѣйствовало, или то, что это былъ французъ, только я прямо боялся, какъ бы его совсѣмъ не задушили въ объятіяхъ. Музыка скрывается. На мѣстѣ ея появляются казаки, и начи-

нается пѣніе. За нимъ лезгинка, трепакъ, присядка и другіе танцы.

5 часовъ вечера. Нашъ поѣздъ отходитъ въ 6-ть. Пора ѣхать. Вокзалъ близко, поэтому вся компанія рѣшаетъ провожать насъ. И вотъ, мы трогаемся: впереди два хора музыки... за ними идутъ Маршанъ, генералъ Дидерихсъ, начальникъ гарнизона, генералъ Алексѣевъ, Юговичъ, Игнаціусъ, а затѣмъ офицеры. Всѣ поютъ марсельезу. Позади толпа народу.

— Aux armes, citoyens! formez vos bataillons!—баситъ возлѣ меня высокій брюнетъ капитанъ, и машетъ въ тактъ рукой. Позади слышу отчаянный крикъ: «ура, Маршанъ!» Оглядываюсь, молоденькій хорошенькій прапорщикъ, совершенный еще ребенокъ, стоитъ, разставивъ широко ноги, и тянетъ шампанское прямо изъ горлышка, послѣ чего весело догоняетъ насъ. Подходимъ къ вагону. Паровозъ уже подъ парами, и только ожидаетъ приказанія тронуться. Всѣ лѣзутъ цѣловаться съ героемъ Фашоды. Ура! гремитъ безъ перерыва.—Allons, enfants de la patrie!—такъ и стоитъ въ воздухѣ. Музыканты тоже пьяны, но еще въ силахъ играть. Мы входимъ въ вагонъ. Поѣздъ двигается. Вдругъ происходитъ какая-то суматоха. Въ вагонъ врываются человѣкъ 50 офицеровъ. У каждаго подъ мышкой по двѣ бутылки шампанскаго.

— Боже! что это будетъ!—мелькаетъ у меня въ головѣ.—Бѣднаго Маршана на смерть закачаютъ.—

Начинается Вавилонское столпотвореніе. Часть офицеровъ бросается на паровозъ, стаскиваетъ съ него машиниста, кочегаровъ, и останавливаетъ поѣздъ. Другая посылаетъ еще за шампанскимъ. Кругомъ стоитъ какой-то гулъ.

— Vive la France! Vive la Russie!

— Ура, colonel Маршанъ! — Aux armes, citoyens, formez vos bataillons!—Смотрю, мой Маршанъ уже вышелъ изъ вагона, взобрался на какую-то бочку, и съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, держитъ рѣчь на французскомъ діалектѣ толпѣ офицеровъ и народу.

— Ура! Ура! Ура!—яростно кричитъ толпа, и бѣдный ораторъ моментально подхваченъ и, какъ мячикъ, летитъ кверху. Какъ онъ остался живъ въ этотъ день, просто удивительно. Памятенъ будетъ ему Харбинъ, въ этомъ я увѣренъ. Уже ночью тронулись мы къ «Пограничной» по пути къ Хабаровску.

Пріѣзжаемъ въ Хабаровскъ. На вокзалѣ ни души. Послѣ тѣхъ встрѣчъ, къ которымъ Маршанъ уже привыкъ, такое положеніе показалось намъ неловкимъ. Послѣ я узналъ, что до Хабаровска вѣсти о пріѣздѣ Маршана не дошли. Останавливаемся въ офицерскомъ собраніи. Я немедленно же надѣваю мундиръ и спѣшу явиться Гродекову. Разсказываю, какъ я съѣздилъ въ Пекинъ, что видѣлъ, что записалъ и т. д.

— Я вамъ гостя привезъ!—говорю.

— Кто такой?—спрашиваетъ генералъ.

— Полковникъ Маршанъ. Его адмиралъ Алексѣевъ, а также и въ Харбинѣ, такъ чествовали, что просто удивительно. Обѣдъ за обѣдомъ, тосты за тостами, безъ конца.

— Да что онъ сдѣлалъ такого? чѣмъ онъ извѣстенъ?—допытывается Гродековъ.

— Да помилуйте, ваше высокопревосходительство, неужели вы не читали о героѣ Фашоды? Онъ прошелъ всю Африку съ отрядомъ и столкнулся съ англичанами.

— Ну, помню, помню. Хорошо. Пускай ко мнѣ явится завтра утромъ. Просите его.

— Георгій Ивановичъ! — кричитъ командующій войсками дежурному чиновнику Мурышеву, направляясь въ пріемную.—Нельзя-ли попросить ко мнѣ бригаднаго командира. Ну-съ, такъ вотъ что!—говоритъ Гродековъ съ серьезнымъ дѣловымъ видомъ.—Завтра Маршанъ явится ко мнѣ, затѣмъ сдѣлаетъ визиты; а потомъ надо ему показать женскую гимназію, кадетскій корпусъ, городское училище.

— Онъ желалъ на собакахъ прокатиться по Амуру,—добавляю я.

— Ну, такъ что же, и это можно. Георгій Ивановичъ, прикажите, чтобы гольды съ санями дожидались завтра на базарѣ. Ну, а въ 6 часовъ, ко мнѣ обѣдать. Затѣмъ бригада обѣдъ дастъ въ офицерскомъ собраніи, съ музыкой. Все будетъ хорошо, вотъ увидите. — И мой добрѣйшій Николай Ивановичъ, очень

довольный, разгуливаетъ со мною по обширному залу.

Въ Хабаровскѣ мы пробыли три дня, и каждый день Маршана съ Соважемъ, подъ звуки марсельезы и «Боже, Царя храни», качали и качали.

Въ послѣдній день нашего пребыванія здѣсь идемъ на базаръ. Смотрю,—на берегу Амура стоитъ рядъ длинныхъ саней инородцевъ-гольдовъ. Нѣсколько своръ собакъ сидятъ возлѣ, въ запряжкѣ. Онѣ высунули свои красные языки, часто дышатъ, и своими умными глазами зорко поглядываютъ по сторонамъ. Маршанъ садится въ однѣ сани, Соважъ въ другія. Гольды въ широкихъ мѣховыхъ шапкахъ примащиваются рядомъ; кожанная одежда ихъ расшита разноцвѣтными ремешками и сукномъ. Собаки выравниваются и легкія саночки быстро скользятъ по поверхности рѣки. Морозъ сильный. Спутники мои одѣты легко.

Вереница собакъ, какъ черныя точки, мелькаютъ вдали и, наконецъ, скрываются съ глазъ.

Мнѣ на берегу въ тепломъ пальто холодно. Каково же, думаю, имъ тамъ, въ легкой одеждѣ, на открытомъ вѣтру. И я опасаюсь, какъ бы наши гости не поморозили ноги. Но къ счастью все обошлось благополучно.

Утро. Откланиваемся Гродекову и ѣдемъ во Владивостокъ. Здѣсь мы пробыли одинъ день, переночевали, и затѣмъ безъ всякихъ овацій уѣзжаемъ въ Никольскъ-Уссурійскъ, гдѣ насъ ожидалъ гене-

ралъ Линевичъ, командиръ корпуса, покоритель Пекина.

Трудно передать перомъ, до чего дошло здѣсь чествованіе Маршана. Все офицерство, человѣкъ полтораста, съ Линевичемъ во главѣ, дѣлаетъ ему обѣдъ. Еще за долго до середины обѣда пробки летятъ въ потолокъ, раздаются звуки марсельезы и вся эта масса народу хоромъ поетъ знакомыя слова: «Allons, enfants»... и т. д.

Я заранѣе сдѣлалъ распоряженіе относительно вагона на ст. Пограничной, такъ какъ вагоны Уссурійской дороги не передавались на Манчжурскую.

Мы должны были непремѣнно выѣхать изъ Никольска въ 4 часа. Поэтому, обѣдъ былъ назначенъ въ часъ. Подаютъ мороженое. Линевичъ возглашаетъ тостъ за тостомъ. Онъ веселъ необыкновенно. Офицеры сошли со своихъ мѣстъ и столпились противъ генерала и Маршана. Вотъ подходитъ бравый капитанъ, усатый, красивый, обращается къ Маршану и поетъ:

«Чарочка моя, серебряная и т. д.»

Затѣмъ чокается съ нимъ, разомъ опрокидываетъ чарку въ ротъ и кричитъ:—Vive le colonel Marchan! Ура!.. Въ залѣ стонъ стоитъ отъ криковъ. Каждый офицеръ считаетъ своею обязанностью выпить съ дорогимъ гостемъ бокалъ вина. Время уходитъ. Пора ѣхать, до вокзала верстъ 5 будетъ.

Н. П. Линевичъ.

— Ваше превосходительство, пора, а то опоздаемъ!—осторожно говорю генералу.

— Будемъ, будемъ, въ свое время!—симпатичнымъ, ровнымъ голосомъ отвѣчаетъ онъ, и затѣмъ опять придумываетъ какой-то новый тостъ. Опять гремитъ «ура». Наконецъ, всѣ подымаемся, садимся въ экипажи и направляемся на вокзалъ. Поѣздъ уже давно ожидалъ насъ. Публика стѣной столпилась на платформѣ и жаждала взглянуть на друзей-французовъ. Но не вдругъ-то мы отсюда уѣзжаемъ. Снова появляется чарочка, снова слышится знакомая пѣсенка: чарочка моя, серебряная, и кому чару пить, и т. д. Начальнику станціи уже не въ моготу становится ждать дольше. Онъ умоляетъ меня доложить генералу, что поѣздъ нельзя дольше задерживать. Я докладываю.

— Что такое? почему нельзя?—кипятится командиръ корпуса. Встаетъ со своего мѣста, подходитъ къ начальнику станціи, иронически смотритъ на него, кланяется и говоритъ:

— А, позвольте узнать?—когда вашъ поѣздъ отходилъ во время? А тутъ полчаса подождать нельзя!—поворачивается и уходитъ. Но черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ трогается и мы уѣзжаемъ, подъ громовые возгласы «ура». Такъ угощали французовъ въ Никольскъ-Уссурійскѣ.

Свѣтаетъ. Нашъ вагонъ безъ отдѣльныхъ купэ. Подлѣ меня лежитъ Соважъ въ своихъ красныхъ алжирскихъ рейтузахъ и крѣпко спитъ. Рыжая бородка

его скомкана, лицо сильно опухло отъ послѣднихъ кутежей. Встаю съ постели и заглядываю къ Маршану.

— Bonjour, colonel!—басить онъ. Маршанъ не спитъ. Накинувъ свое пальто, на легонькомъ мѣху изъ выдры, онъ держитъ на колѣняхъ толстую записную тетрадь и пишетъ свои мемуары. Когда только этотъ человѣкъ спалъ? Вотъ вопросъ. Онъ, что добрый конь,—лежачаго не поймаешь. Все бодрствуетъ.

— Какая станція?—улыбаясь спрашиваетъ меня мой вѣрный спутникъ, продолжая что-то быстро записывать. Онъ уже научился нѣсколькимъ русскимъ фразамъ. Такъ напримѣръ: «Здорово, братцы! Какъ ваше здоровье? Сколько это стоитъ? Дайте мнѣ хлѣба» и т. п. Онъ никакъ не могъ выговорить й. У него непремѣнно выходило да-и-те. Но лучше всего онъ заучилъ «какая станція», такъ какъ повторялъ эту фразу чуть ли не на каждой остановкѣ.

Что ни говори, а мое мнѣніе, Маршанъ выдающійся человѣкъ. Онъ обладаетъ большими знаніями и опытомъ. Энергіи у него масса. Хотя бы, напримѣръ, во время этой поѣздки со мною. День-деньской его угощаютъ, возятъ, показываютъ разныя разности. Чуть не насильно заставляютъ пить, за здоровье того, другого. Кажется, человѣкъ долженъ свалиться съ ногъ. А придешь къ нему въ комнату, онъ сидитъ и пишетъ. Ни одного города, ни одной рѣчки, ни одного моста онъ не пропустилъ по дорогѣ, чтобы не спросить:

— Vous ne savez pas, cher colonel, quel

nom porte cette rivière-là? или vous ne savez pas le nom de ce gros colonel avec cette grosse barbe grise, — и онъ показываетъ рукой, на сколько длинная была борода.

— Ne pouvez vous pas me réveiller à trois heures de la nuit?—обращается онъ другой разъ ко мнѣ съ просьбой.

— Et quoi?

— Nous allons passer un grand pont. Il faut que je le regarde, и т. д.

А какъ онъ интересно разсказываетъ свои путешествія въ Африку, просто заслушаешься! До Харбина отъ Артура насъ сопровождалъ, какъ уже я говорилъ, его товарищъ le commandant Germain, славный господинъ, добрякъ, честный служака и веселый товарищъ. Обладая хорошимъ голосомъ, онъ постоянно пѣлъ намъ разныя французскія пѣсенки, разсказывалъ анекдоты, вообще это былъ настоящій веселый французъ. Какъ сейчасъ передъ моими глазами такая обстановка. Вечеръ. Темно. Вагонъ сильно трясетъ и свѣчу на столѣ приходится безпрестанно держать, иначе она свалится. Проводникъ сильно натопилъ печи и въ вагонѣ жарко.

Противъ меня на скамейкѣ сидятъ въ однѣхъ фуфайкахъ мои три француза. Они поютъ хоромъ пѣсенку, подъ названіемъ: La reine. Поютъ такъ мило, такъ стройно, что я умоляю ихъ повторить. Кончаютъ одну, начинаютъ другую, и вечеръ незамѣтно проходитъ.

Разъ какъ-то, слушая ихъ пѣсни, давай и я сочинять пѣсенку. И, подъ вліяніемъ плохой дороги, дикихъ окрестностей и постоянныхъ разсказовъ кондукторовъ и прочихъ служащихъ о нападеніи хунхузовъ на станціи,—сочинилъ слѣдующіе два куплета. Назвалъ я этотъ романсъ «Манчжурка»,—на мотивъ «Ты помнишь ли, какъ Царь Благословенный» и т. д.

«Не вѣрю я въ Манчжурскую дорогу.
Не вѣрю я, чтобъ прочный миръ тамъ былъ:
Хунхузы вѣчно будутъ бить тревогу
И праздновать свой замогильный пиръ.
Но кто рѣшился ѣхать той дорогой,
И подвергать случайностямъ себя,
Пусть обезпечитъ жизнь цѣной высокой
И молитъ Бога съ утра до утра.

Быстро минуемъ Харбинъ. Хотя овацій теперь и не было здѣсь, но офицерство все-таки собралось на вокзалъ и проводило насъ шампанскимъ. Привели даже и музыку, но играть не удалось, такъ какъ вспомнили, что было 1 марта.

Подъѣзжаемъ къ Фулярди. Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на постройку моста черезъ Нони. Неужели, думаю, онъ готовъ? Вѣдь всего шесть мѣсяцевъ прошло, какъ я видѣлъ закладку устоевъ. Погода солнечная, роскошная. Поѣздъ останавливается на берегу. Всѣ выходимъ, и пѣшкомъ переправляемся по льду. И о чудо! Гигантскій мостъ уже перекинутъ черезъ рѣку и сотни рабочихъ постукиваютъ молотками

на самомъ верху. Оставалось докончить только самые пустяки. Мостъ арочной системы, легкій, красивый. Я смотрю и любуюсь. Французы мои тоже въ восторгѣ. Вообще Маршанъ отдавалъ должное нашимъ инженерамъ. При этомъ онъ разсказалъ мнѣ, какъ, гдѣ-то у нихъ въ Африкѣ, одну дорогу, всего въ нѣсколько десятковъ верстъ, крайне необходимую, стратегическую, уже много лѣтъ строятъ, и не могутъ достроить.

Еще въ Харбинѣ я встрѣтился со строителемъ туннеля на Хинганѣ, и просилъ его разрѣшенія осмотрѣть работы. Теперь мы подъѣзжаемъ къ нимъ по «тупикамъ». На Хинганѣ поѣздъ стоитъ долго. Мы выходимъ изъ вагона и спускаемся по лѣсенкѣ внизъ. Здѣсь насъ встрѣчаютъ инженеры и ведутъ показывать туннель. Входимъ въ темное отверстіе. Подъ ногами мелкій щебень, сквозь который просачивается вода. Туннель тускло освѣщается фонарями. Стѣны угловатыя, неотесанныя. Сырость такъ и виднѣется повсюду. На голову каплетъ. Идти очень непріятно. Что дальше, то воздухъ становится удушливѣе и тяжелѣе. Идемъ-идемъ, наконецъ, упираемся въ стѣну. Здѣсь человѣкъ десять рабочихъ, въ синихъ блузахъ, большинство итальянцы, кирками и разными другими инструментами выдалбливали отверстія для закладки минъ. Работа трудная, каторжная. Порода камня чрезвычайно твердая. Стоимъ мы тутъ нѣсколько минутъ. Затѣмъ подымаемся кверху и выходимъ на свѣжій

воздухъ другой дорогой. Туннель обѣщаютъ окончить черезъ годъ.

Раннее утро. Смотрю въ окно, глазамъ представляется безконечная снѣжная равнина. Мы ѣдемъ берегомъ Байкала. Солнышко еще не показывалось, но отблески его уже начали золотить противуположныя вершины скалъ. Байкалъ окованъ толстымъ льдомъ. Проѣзжаемъ Мысовую, подаемся еще верстъ 20, и останавливаемся. Здѣсь надо выходить. Нѣсколько десятковъ саней дожидаются пассажировъ. Я сажусь одинъ, такъ какъ у меня много вещей. Безконечной вереницей вытягиваются тройки, пары и направляются черезъ озеро. Дорога идетъ вдоль телеграфной линіи. Признаться сказать, меня охватило какое-то непріятное настроеніе, когда я ѣхалъ озеромъ. Къ Байкалу я отношусь съ недовѣріемъ. Вотъ лошади мои что-то артачатся, боязливо водятъ ушами и уменьшаютъ ходъ.

— Что тамъ такое?—кричу ямщику. Тотъ закутался въ свой сѣрый кафтанъ, поднялъ воротникъ и ничего не слышитъ. Морозъ сильный. Я толкаю его въ спину.

— Чего лошади остановились?—кричу ему.

— А тутъ трещина,—мычитъ онъ.

Вглядываюсь хорошенько, дѣйствительно, въ снѣгу чернѣетъ полоса, такъ съ полъ-аршина шириной. Лошади легко перепрыгиваютъ ее и рысью направляются дальше.

Вѣдь вотъ, думаю про себя. Иди какъ нибудь тутъ неосторожно пѣшій, въ темнотѣ,—оступись, ну и пропалъ. Глубина страшная. Нѣтъ,—такая переправа ненадежна.

А что же ледоколъ! Зачѣмъ потрачены на него милліоны? Вѣдь для того, чтобы переѣзжать лѣтомъ черезъ озеро, ледокола не надо. Первый разъ, когда я ѣхалъ здѣсь—ледоколъ чинился. Во второй разъ—онъ стоялъ всю ночь, опасаясь волненій. А теперь, какъ говорятъ, красится и ремонтируется. Ну, вотъ посмотримъ, сейчасъ должны подъѣхать къ нему. И припоминается мнѣ въ эти минуты слѣдующій фактъ. Сидимъ мы за обѣдомъ въ Харбинѣ у командующаго войсками Гродекова. Это было въ прошломъ 1901 году. Вдругъ генералу подаютъ телеграмму. Онъ читаетъ и затѣмъ говоритъ намъ:—кто бы могъ думать, что все наше благополучіе здѣсь, господа, зависитъ отъ лопасти винта на ледоколѣ. Вотъ сейчасъ сообщаютъ изъ Иркутска, винтъ сломанъ, переправа новобранцевъ прекращена. А вѣдь ихъ надо переправить 10 тысячъ. И Гродековъ грустный уходитъ къ себѣ въ кабинетъ.

Озеро кончается. Постройки Лиственичной ясно очерчиваются. А вотъ и ледоколъ, огромный, неуклюжій. Рядомъ—«Ангара» небольшой пароходъ, но гораздо красивѣе. Оба ремонтируются, оба готовятся къ навигаціи. Было начало марта.

Въ Иркутскѣ Маршана угощала обѣдомъ мѣстная

бригада. Я не обѣдалъ, мнѣ сильно нездоровилось. Я заранѣе перебрался въ Сибирскій поѣздъ и улегся въ постель. Уже поздно пріѣхали мои спутники, оживленные, радостные, веселые.

— Mais c'est impossible! nous allons mourir ainsi!—долго слышались ихъ отчаянные возгласы въ купэ.

Москва. Нашъ поѣздъ, какъ водится, сильно опоздалъ. Часовъ 10-ть вечера. Я рѣшилъ переночевать въ вагонѣ и утромъ перебраться на Николаевскій вокзалъ. Маршанъ съ Соважемъ тоже рѣшили такъ сдѣлать. Смотрю въ окно—толпа народу стоитъ на платформѣ и кого-то дожидается. Слышны крики: Où est-il Marchand? Où est notre héros? Э, батеньки мои, думаю. Уже и здѣсь извѣстно, что онъ ѣдетъ. Но до него не доберешься. Онъ улегся спать. Крики продолжаются. Начинается бѣготня. Двери въ вагонѣ безпрестанно хлопаютъ. Наконецъ, толпа врывается. Маршана будятъ, стаскиваютъ съ постели и безъ разговоровъ увозятъ въ гостинницу. То была французская колонія.

Я больше уже не видалъ моихъ дорогихъ спутниковъ, и одинъ уѣхалъ въ Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Сочиненія того же автора:

ДОМА и НА ВОЙНѢ. 1853—1881 гг. Воспоминанія и разсказы. Изданіе 2-е, иллюстрированное виньетками и портретами. 1886 г. . . . 1 р. 50 к.

У БОЛГАРЪ и ЗА ГРАНИЦЕЙ. 1881—1893 гг. Воспоминанія и разсказы. (Продолженіе очерковъ «Дома и на войнѣ»). Съ портретами. Спб., 1896 г. 1 р.

ПО МАНЧЖУРІИ. 1900—1901 гг. Воспоминанія и разсказы. (Съ рисунками). Спб. 1903 г. . 1 р. 25 к.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ. 1855—1895 гг. Спб., 1900 г. 1 р. 50 к.

ОТЗЫВЪ *«Варшавскій воен. журн.»* 1900 г. № 4.

Небольшой, сравнительно съ предыдущими, сборникъ новыхъ разсказовъ А. В. Верещагина представляетъ прекрасный новогодній литературный подарокъ для военныхъ читателей. Большинство разсказовъ относится къ воспоминаніямъ автора о М. Д. Скобелевѣ, за Дунаемъ и въ Ахалъ-Теке; но это не записки о событіяхъ, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ и отчасти участникомъ, какъ ординарецъ покойнаго генерала, а рядъ очерковъ и бытовыхъ картинъ изъ прошлаго, связанныхъ между собою только по времени и мѣсту, въ остальномъ же самаго разнообразнаго содержанія. Это порой вполнѣ художественныя миніатюры въ военномъ жанрѣ, гдѣ каждая мелочь тщательно отдѣлана, гдѣ иногда самый безхитростный случай или анекдотъ, разсказанные авторомъ, возбуждаютъ въ читателѣ и поддерживаютъ интересъ съ той минуты, какъ вы возьмете въ руки книжку, и интересъ этотъ не покидаетъ васъ, пока вы не дочитаете ее до конца. **Ф. О—въ.**

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. Березовскаго,

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.